

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2/2009

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Ермишин О.Т., Пантин В.И.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тулчинский Г.Л., Федоров В.М.

Ответственный секретарь: Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал» и
в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписные индексы журнала:

- в Объединенном каталоге “Пресса России” 45490
- в Каталоге российской прессы “Почта России” 79007

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 20.02.2009 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

- © Философские науки, 2009
- © Академия гуманитарных исследований, 2009
- © Издательский дом «Гуманитарий», 2009

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

Экономика и социальное знание ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Социокультурные измерения современной экономики	5
<i>В.П. ВЕРЯСКИНА</i>	Блеск и нищета «Номо эсономісус»: теоретическая модель и ее онтологический статус	9
<i>М.Ю. МИЖИНСКИЙ</i>	Мировые финансы: новые инициативы	28
<i>Н.Н. ФЕДОТОВА, Л.Н. ФЕДОТОВ (Пенза)</i>	Внеэкономический капитал и его значение для экономики и общества	39
<i>В.И. ФИЛИН</i>	Истоки кризиса – не в экономике!	57
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург)</i>	Кризис как потенциал и ресурс	68
<i>В.А. КОЛПАКОВ</i>	Особенности эмпирического и теоретического уровней современных экономических теорий	74

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философское измерение ■

<i>М.Н. ЭПШТЕЙН (США)</i>	Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию	91
<i>А.Л. АЛЮШИН, Е.Н. КНЯЗЕВА</i>	Телесный подход в когнитивной науке	106

XXII ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС

Республика Корея, Сеул.
30 июля – 5 августа 2008 года

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Ретроспекция философских конгрессов	126
--------------------	-------------------------------------	-----

<i>В.Н. ШЕВЧЕНКО</i>	Философия как власть слова	127
<i>В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ</i> (Ставрополь)	Российские философы в «лабиринте идентичностей»	134
<i>В.А. ЛЕКТОРСКИЙ</i>	Философия как проектирование человеческой реальности	141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое ■

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	IX Всемирный философский конгресс (Париж, 1937 г.) в истории отечественной философии	143
----------------------	---	-----

Рецензии, аннотации, отзывы ■

<i>З.А. СОКУЛЕР</i>	Философы Франции. Словарь	156
---------------------	------------------------------	-----

■	Наши авторы	159
---	--------------------	-----

■	Contents	160
---	-----------------	-----

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word 2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона, e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Цитируемая литература должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003. В тексте приводятся лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста нумеруется цитируемая литература с указанием соответствующих страниц издания или примечания.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

Экономика и социальное знание

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Открывая рубрику «Философия экономики» (2008, № 2), редакция предложила тему о взаимосвязи экономической жизнедеятельности общества с культурой во всех ее проявлениях. Обсуждение проблемы вывело на широкий круг вопросов, которые считают «своими» разные виды современного социального знания – экономика, социология, философская антропология. Можно сказать, что обозначенная тема является предметом междисциплинарного интереса, фиксирующего в качестве ключевого вопрос: есть ли экономическое хозяйство функция человека, мотивированного не только экономическими устремлениями, или человек есть функция хозяйства? Такая постановка проблемы выводит за рамки экономической теории, даже если последняя не ограничивает себя феноменологией экономики, ориентируя на признание последней сферой социокультурного творчества, что полностью соответствует нынешним реалиям. Сегодня очевидно, что, с одной стороны, экономический рост во многом зависит от интеллектуального потенциала общества, от уровня развития его образовательной системы, от исторически сложившихся культурных традиций и стереотипов социального поведения, от превалирующих ценностных ориентаций. Кто станет оспаривать тот факт, что национальные традиции японского народа стали своеобразным катализатором «японского чуда»? Иными словами, культура сегодня интегрирована в экономическое пространство. С другой стороны, столь же очевидно, что состояние экономики описывают такие понятия, как «прибыль», «цена», «издержки», «рыночный спрос», которые по сути своей не соотносятся непосредственно с социокультурными измерениями человеческой жизни, что главной заботой экономического субъекта является вопрос, как добиться прибыли, а еще лучше – сверхприбыли. Эти две сторо-

ны проблемы фиксируют бесспорную взаимодополняемость двух составляющих экономического хозяйства как живого организма, между которыми, как показывает опыт, должен сохраняться своего рода «гормональный баланс». Его нарушение с необходимостью сопровождаются многообразные дисфункции, что вызывает опасность кризисного состояния не только для экономики, но и для общества в целом.

На разных этапах исторического развития эта взаимообусловленность проявлялась по-разному, поскольку сопрягалась с разной степенью интеграции экономических и культурных факторов общественной жизни. Наши дни характеризует принципиально иной (более тесный и сущностный) уровень взаимосвязи культуры и экономики, поэтому любой экономический кризис, в том числе сегодняшний, проявляет себя как социокультурный, т.е. цивилизационный. Этим он отличается от кризисов прошлого, инициированных по большей части чисто экономическими причинами, скажем, разбалансировкой системы «производство—потребление», «рынок—сбыт», «объем товарной массы—покупательная способность населения» и т.п. Вот почему его причины надо искать не столько в сбоях финансовой системы, сложившейся международной практики использования энергоресурсов и т.п., сколько в «нестыковках» существующих способов связи экономического хозяйства с социокультурной жизнедеятельностью общества (возросшей ролью и значимостью науки, образования, с происшедшими изменениями в системе потребления, мотивационных ориентаций человека труда), вызванных переходом человечества к другому типу цивилизационного развития. И неважно, как его назвать — посткапиталистический, постиндустриальный, постэкономический, важно, что его сущностные измерения соотносятся с иными параметрами человеческого бытия, с новыми основаниями производственной практики (знание, информация, человеческий капитал), с новыми жизненными смыслами (творчество, самовыражение, свобода, ответственность), с новыми формами общения (СМИ, интернет, международная кооперация).

Все они, отгнав старые, сложившиеся в ходе развития промышленной цивилизации, ограничивавшей экономику по большей части круговым обменом произведенными благами между производителями и потребителями, приобретают детерминирующее влияние. Сегодня экономическую матрицу характеризует переплетение таких составляющих, как прибыль, ин-

вестиции, рынок и — социальная справедливость, партнерское доверие, моральные нормы. Можно сказать, что экономический рост сегодня характеризуют новые социокультурные показатели. Их возрастающая роль все чаще заставляет задумываться над выбором между способами, приносящими и не приносящими прибыль в рамках нравственного разделения между константами «добро» и «зло». Сегодня история, постоянно составляющая свои ловушки, как бы испытывая человечество на прочность, приготовила ему еще одну, проверяя его способность жить не только в достатке, но и в культуре.

В этих условиях возрастает роль тех механизмов, посредством которых в экономическую реальность вписываются культурно-нравственные основания человеческой жизни. Главным механизмом такого встраивания является экономическая политика. Конечно, экономическая политика — это всегда реализация интересов прежде всего субъектов собственности, и поэтому ее непосредственной целью является не человек, а структура, но она есть единственное связующее звено между личными интересами, мотивационными установками, культурными запросами непосредственного производителя и экономикой как хозяйственным целым. Это наделяет ее особыми свойствами. Если показатели экономики надъдеологичны в том смысле, что не может быть, скажем, капиталистической и социалистической прибыли, и потому на нее с трудом примеряются гуманистические идеалы, то вот экономическая политика с последними согласуется легче.

Нельзя «обойти» закон стоимости без того, чтобы не навредить экономической системе, но предусмотреть через осуществление экономической политики обеспечение мер социальной защиты человека от сверхжесткого действия этого закона, от произвола складывающегося в его рамках рынка, стихии товарно-денежных отношений — можно. С точки зрения нацеленности экономической политики на смягчение подобных факторов она вполне может быть квалифицирована как гуманная или негуманная, нравственная или безнравственная. Привнося эти измерения в хозяйственную деятельность, субъекты экономической политики берут на себя дополнительную ответственность. Их искусство теперь состоит в том, чтобы, с одной стороны, не вызвать сбоев в экономическом механизме, а с другой стороны, привести его действие в соответствие с культурными целями общества. Необходимо определить, что

порой весьма трудно, где можно дать свободу действию рыночным отношениям, а где поставить им «заслон» в лице государства, правового законодательства, гражданского общества. Своевременное обеспечение этого равновесия — главное требование, которое предъявляется сегодня к экономической политике, если она позиционирует себя в модусе долженствования, т.е. ориентирует на рост общественного блага, изменение качества жизни, обеспечение каждого достойными условиями существования.

Выстраивание вектора экономической политики в ведении прежде всего экономики, но последняя может это сделать, согласуя свои задачи с общественными запросами общества, и соответственно в союзе со всеми видами социального знания, опираясь на его приоритеты в определении целей экономического развития. Только при этом условии возможна адекватная реальности разработка критериев эффективности модели «экономического человека», выявление степени влияния науки на развитие общественного производства в целом и его отдельных отраслей, определение форм взаимосвязи финансового капитала с человеческим, социальным, культурным капиталом. Наконец, только при этом условии возможно дальнейшее развитие самой экономической теории в единстве ее эмпирического и теоретического уровней.

Представляется, что обозначенные установочные рамки являются тем необходимым и искомым ракурсом, который позволяет подойти к оценке возможных антикризисных проектов и коррелирующих с ними способов осмысления (экономического, социологического, политологического, философско-антропологического и др.) путей выхода из переживаемой страной кризисной ситуации. Исходя из такого понимания задачи, редакция журнала посчитала целесообразным и полезным представить в заявленной ею рубрике «Философия экономики» один из таких проектов, рассчитывая, что обсуждение его специалистами разного профиля приблизит к искомому ответу на вопрос о социально-культурных измерениях экономической реальности и месте экономической теории в современном социальном знании.

*И.Н. СИЗЕМСКАЯ,
руководитель проекта*

БЛЕКС И НИЩЕТА «НОМО ECONOMICUS»: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС *

В.П. ВЕРЯСКИНА

Переход России в число стран, идущих по пути капиталистического развития, разразившийся мировой финансовый кризис, затрагивающий во взаимозависимом глобализирующемся мире как развитые, так и развивающиеся страны, и оказывающей на экономику этих стран и ее население негативное влияние, сохранение бедности как мировой и национальной проблемы и рост социального и экономического неравенства, поставившего под сомнение тезис этики утилитаризма о пользе, «приносящей наибольшее счастье наибольшему числу людей» (И. Бентам) — составляет исторический контекст нашей жизни. Этот современный социокультурный и исторический контекст жизни общества в настоящее время особенно актуализирует проблематику человека в экономической сфере. Среди этой проблематики можно выделить ряд возможных ракурсов анализа:

1. Качества человека, влияющие на экономическую деятельность в условиях становления капитализма, их адекватность духу капитализма.

2. Исторические и современные модели человека в экономике и других социальных науках, их связь и возможности междисциплинарного влияния.

3. Роль знаний философской антропологии, исследующей природу человека, для экономического дискурса.

4. Как возможно влияние этики и нравственности, духовных оснований на экономическую деятельность. Каково влияние социально-культурного контекста, в котором она реализуется.

5. Роль человеческих качеств, востребованных постиндустриальным информационным обществом: человек как

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Человек в экономической и других социальных сферах», грант № 08-03-00175а.

ресурс экономики и как ценность и цель развития. Трансцендентные цели в самореализации человека.

Не претендуя на охват в рамках одной статьи всех возможных ракурсов анализа, наметим лишь возможные подходы к некоторым обозначенным проблемам.

Блеск и нищета экономического человека в трактовке В. Зомбарта

Становление капитализма как определенного типа социального порядка требовало и определенных, отличных от традиционного общества, мировоззренческих ориентаций и определенных типов человеческой личности, способных действовать на свой страх и риск, не полагаясь на блага, которые дает индивиду принадлежность к той или иной корпоративной структуре. Индивидуализм и антропоцентризм становятся императивами нового социального порядка. Вместе с тем, истолковываться они могут по-разному. В. Зомбарт, видный социолог и историк становления капитализма, пишет об этом так: «Торгаш и герой — они образуют два великих тезиса, как бы два полюса ориентации человека на Земле. Торгаш... подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? Он хочет брать, хочет за счет по возможности наименьшего действия со своей стороны выменять для себя по возможности больше, хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку; это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? Он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертвовать собой без какого-либо ответного дара; это значит, что он богат. Торгаш говорит только о правах, герой — только о лежащем на нем долге; и даже выполнив все свои обязанности, он все еще «чувствует в себе склонность отдавать...»¹.

Торгашеский дух и дух героический как мировоззренческие ориентации имеют разные интенции. В. Зомбарт критикует нищету торгашеского мировоззрения и исповедующего его адепта — торгаша по всем социальным направлениям деятельности: хозяйственной, научной, государственной, военной. Торгашеский дух характеризуется направленностью всего мышления на практические цели, ему соответствует ярко выраженная тяга к телесным удобствам,

материальному благополучию, комфорту; выгода, связанная с наибольшим удобством и соответствующим набором материальных благ, является важнейшим критерием состоявшейся успешной индивидуальной жизни. «С точки зрения утилитарно-эвдемонической этики это отдельное существо, этот человецишка заключает с жизнью своего рода пакт, по которому он обязуется совершать определенные действия, но только ввиду получения прибыльной оплаты (на этом свете или на том все равно). Самый гнусный клич, который когда-либо издавала торгашеская душа: поступай «хорошо», «чтобы все у тебя было благополучно и ты долго жил на этой земле», — стал девизом всех учений английской этики. «Счастье» есть высшая цель человеческих стремлений»². «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей, который сформулировал Иеремия Бентам, В. Зомбарт назвал подлым «идеалом» на вечные времена. Именно потому, что «счастье» отождествляется с удобством вкупе с благопристойностью и респектабельностью, зарабатывание денег и досуг с каким-нибудь хобби. Это негативные добродетели, то, что следует не делать, повинуюсь склонностям: умеренность, скромность, прилежание, искренность, справедливость, воздержание во всем, покорность, терпение. В. Зомбарт критикует также и социологические взгляды торгашеского духа на примере Г. Спенсера как его выразителя, который хвалит «истинно человеческие чувства»: уважение к праву собственности других людей, пунктуальность и порядочность, верность супружескому долгу, уважение к чужой индивидуальности, чувство независимости. «В этих низинах этики социальной взаимности рождаются и представления торгаша о «справедливости» и «свободе»... Формула справедливости звучит так: «Каждый свободен делать что захочет, пока он не наносит этим вреда такой же свободе всякого другого.» Таким образом, отмечает В. Зомбарт, свобода уравнивается с произволом (в позитивном) и независимостью (в негативном смысле) и выглядит как подведение баланса торговых сделок, а торгашество и респектабельность, выхолащивающие и принижающие человеческий дух и культуру, считаются следствием «естественного» развития, естественное истолковывается как нравственное, вы-

живает сильнейший и наиболее приспособленный к капиталистическому типу общества.

Противоположностью торгашескому является героический дух. (В. Зомбартом он идентифицируется прежде всего с духом немецким.) Его представляют люди долга. «Добродетели героя противоположны добродетелям торгаша: «все они позитивны, все будят жизнь»; это «дарящие добродетели»: готовность к самопожертвованию, верность, простодушие, почтительность, храбрость, благочестие, послушание, доброта...»³. Героическое понимание жизни связано с патриотической настроенностью, служением какому-то делу, чему-то надындивидуальному, например, идее народа, отечества. Оно связано с культивированием «внутреннего человека», с достоинством человека как его нравственной величиной, его творческим служением делу.

Этот анализ важен тем, что показывает неустранимость антитезы ценностных мировоззренческих ориентаций человека на Земле, с одной стороны, и, с другой стороны, введением мировоззренческой составляющей в качестве важнейшего компонента в трактовке типа экономического человека времен его становления. Экономический человек, занятый хозяйственной и другими видами деятельности, еще не превратился в одномерного «*Homo economicus*» как инструментальную модель экономической науки с ограниченным и абстрактным набором качеств, на основе которых возможна калькуляция эффективности производства материальных благ и прибыли.

Существует ли некая предрасположенность «по природе» в качестве определенных душевных свойств к предпринимательской деятельности? Да, «в каждом законченном буржуа обитают, как нам известно, две души: душа предпринимателя и душа мещанина, которые только в соединении обе образуют капиталистический дух»⁴.

Духовная предрасположенность в предпринимательской натуре — быть толковым, умным и одаренным человеком, имеющим желание, охоту к деятельности. **Толковым**, т.е. быстрым в схватывании, понимании, острым в суждении, основательным в обдумывании и одаренным надлежащим «чувством существенного». **Умным**, т.е. способным «узнать свет и

людей». Уверенным в суждении о людях, уверенным в обращении с ними; уверенным в оценке любого положения вещей; хорошо знакомым прежде всего со слабостями и пороками своих окружающих. Это духовное свойство называют как выдающуюся черту больших коммерсантов. **Одаренным**, т.е. богатым «идеями», «выдумками», сопряженными с полнотой «жизненной энергии». Перед глазами встает образ человека, которого мы называем предприимчивым. Все те свойства предпринимателя, с которыми мы ознакомились как с необходимыми условиями успеха: решительность, постоянство, упорство, неутомимость, стремительность к цели, отвага идти на риск, смелость — все они коренятся в мощной жизненной силе, стоящей выше среднего уровня жизненности или «витальности». Резюмируя, можно сказать, что предпринимательские натуры — это люди с ярко выраженной интеллектуально-волево-характеристической одаренностью, которой они должны обладать сверх обычной степени, чтобы совершить великое, и с зачахнувшей чувственной и душевной жизнью.

В. Зомбарт подчеркивает, что отличие мещанина от немещанина выражает глубокое различие существа двух человеческих типов. Можно сказать, что люди бывают либо отдающими, либо берущими, либо расточительными, либо экономными во всем своем поведении. Оба типа — отдающие и берущие люди, сеньориальные и мещанские натуры различно оценивают мир и жизнь. «У тех верховные ситуации, субъективные личные, у этих объективные, вещные; те от природы — люди наслаждения жизнью, эти — прирожденные люди долга, те — единичные личности, эти — стадные люди; те — люди личности, эти — люди вещей...»⁵. Вывод таков: противоположная предрасположенность находит выражение и в оценке деятельности человека. Одни признают только такую деятельность, которая делает высоким и достойным человека как личность. Другие объявляют все занятия равноценными, так как они полезны. Это различие непонимания отделяет культурные миры друг от друга в зависимости от того, господствуют те или иные воззрения. Из соединения качеств предпринимательской и мещанской натур возникает образ буржуа и степень массовости у разных народов подобного типа людей различается.

Из страсти к наживе и предпринимательского духа, из мешанства и отчетности строится сложная психика буржуа, которая при этом эволюционирует от раннекапиталистического к современному этапу развития. Сравним характерные черты буржуа старого стиля и современного экономического человека по В. Зомбарту⁶.

Подводя итог, оценивающий вклад В. Зомбарта, можно выделить следующее. В его концепции модель экономического человека представлена в дискриптивной и типологизирующей форме, вырастающей из многокрасочности исторической картины трансформации общества и человека, связанной со сменой ментальности, стержень которой — отход от заданных традицией образцов, индивидуализм и стремление к обогащению. Палитра человеческих типажей создает многообразие «*homo capitalismus*»: это не только благочестивые трудоголики-протестанты, но и маргиналы — грабители, откупщики, авантюристы, собирательный образ которых несет в себе такие человеческие качества, как изобретательность, организаторские способности, пренебрежение христианскими заповедями, решимость в достижении цели, невзирая на средства. Это образ человека, рациональный душевный механизм которого должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности. «*“Homo capitalismus”* представляет собой искусственное и искусное образование, являющееся следствием такого переворота»⁷. Будучи наследником исторической школы, В. Зомбарт не принимал тезисы классической политэкономии, провозгласившей «естественным» поведение «разумного эгоиста», рационально подбирающего средства для достижения своих целей. «*Homo economicus*» в экономических теориях XIX в., а также и современных теориях, стремится к выгоде, тем самым способствуя общему благу, поскольку из эгоистических устремлений частных лиц «невидимая рука рынка» создает гармонию, именуемую равновесием спроса и предложения.

Можно солидаризироваться с оценкой В. Зомбарта, данной ему как теоретику⁸. Его можно считать одним из тех авторов, которые подготовили современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствием стимулов, приходящих не от

экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем. Без юридической системы контроля за выполнением контрактов, без защиты прав собственности технические новшества не внедряются; без системы образования, без заботы о культуре и искусстве чахнет и инженерная мысль. Нам в России все это хорошо знакомо на практике последних десятилетий: никакая «невидимая рука» не работает, **пока нет тех людей, которые хотят и умеют действовать как рациональные производители**, пока проще заниматься захватом и переделом, никто не пользуется знаниями, почерпнутыми из самых лучших учебников. Социологи написали множество исследований о тех институтах азиатских «драконов», которые способствовали десятилетиям быстрого роста, включая и исследования, опровергающие взгляды М. Вебера на конфуцианство и буддизм. Социальная реальность не делится по факультетам, а потому серьезным экономистом может стать лишь тот, кто знаком с социологией и психологией, использует ее научный потенциал. Отсюда логично посмотреть на те модели человека, которые используются в экономической и других социальных науках.

Исторические и современные научные модели человека в экономике и других социальных науках.

Возможности их междисциплинарного взаимодействия

Как для исторических, так и для современных подходов к анализу экономической деятельности характерно обращение к антропологической проблематике, попыткам объяснить ее, опираясь на понятие «человеческой природы».

Уже Аристотель, автор термина «антропология», при объяснении меновой стоимости товаров обращался к «природе человека», связывая ее с потребностями. Обращение к естеству человека, его природным особенностям было основой сравнимости потребностей. В XVII — XVIII веках при создании экономической науки явно прослеживается влияние биологических аналогий. У В. Петти в работе «Анатомия человеческого общества», создавшего предпосылки трудовой теории стоимости, использованы аналогии функционирования человеческого и экономического организма, в

частности, посредством понятий энергетических, ресурсных затрат, меры их ценности и условия ограниченности. У Ф. Кэне в «Экономической таблице» изложены основы народнохозяйственного баланса, где используется биологическая аналогия обмена веществ у человека – ассимиляция и диссимиляция. Так возникла основа для анализа оборота и воспроизводства капитала. А. Смит – основатель классической английской школы политэкономии, был профессором нравственной философии, на которого оказали влияние взгляды Гельвеция. Гельвеций считал эгоизм естественным свойством человека и фактором общественного прогресса. Эти идеи А. Смит применил для объяснения экономических явлений. Согласно А. Смиту, главным мотивом хозяйственной деятельности является эгоистическое стремление человека к удовлетворению своекорыстного интереса, он не думает об общественной выгоде. Стремление к собственной выгоде, взаимодействуя с аналогичным движением каждого, способно привести общество к благосостоянию, направляемое «невидимой рукой» рынка, которая выступает как объективный закон. Состояние успешного взаимодействия своекорыстного интереса и законов экономического развития А. Смит считал естественным порядком, обусловленным «природой человека». Именно взгляды А. Смита на природу человека и влияние ее на экономические отношения общества легли в основу понятия «человек экономический» – «*Homo economicus*», возникшего у его последователей.

Антропологическая проблематика и различные свойства и параметры «человеческой природы» присутствуют у многих видных экономистов. Современные представители экономических школ Запада Д.К. Гелбрейт, М. Фридмен, П.А. Самуэльсон, Ф. Хайек продолжают обращаться к антропологии, психологии, антропобиологии. «Внимание к природе человека в западной экономической науке скорее правило, чем исключение, стало устойчивой традицией, основанной преимущественно на эмпирических наблюдениях, на интуиции авторов. В настоящее время можно попытаться, пользуясь достижениями антропологии, психологии, экспериментальной нейропсихологии, генетики, этологии найти аргументы в пользу влияния особенностей

природы человека на экономическое поведение»⁹. Можно добавить, что данное взаимодействие наук, естественных и общественных, создает предпосылки для возникновения нового типа знания и демонстрирует теоретическую установку современной философии науки на междисциплинарность в исследованиях одного и того же объекта.

Вместе с тем «Экономический человек» – «*Homo economicus*», достаточно специфическая конструкция. Экономическое поведение реальных экономических индивидов в определенной социокультурной среде, на определенном этапе исторического развития общества, индивидов, обремененных специфическими свойствами и общими качествами, характерными для биосоциальной природы человека, имеет онтологический статус. Для исследования этой социальной реальности, наука, в данном случае экономика, предлагает свою модель человека, которая является инструментом исследования, элементом метода соответствующей теории. «Термину «экономический человек» (*homo economicus*) отдельные авторы придают разные значения. Хорошее определение дает известный экономист и методолог Ф. Махлуп: «*Homo economicus*» – это метафорическое или образное выражение, обозначающее предпосылку гипотетико-дедуктивной системы экономической теории»¹⁰. Место обитания нашего экономического человека – это, прежде всего, теоретические труды ученых – экономистов. В этом смысле в параллель «экономическому человеку» можно поставить «социологического», «психологического», «политологического» и других. Отношение между экономическим человеком и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, – это отношение даже не между теорией и практикой, а между предпосылками теории и практикой. Это отношение представляет собой серьезную методологическую проблему»¹¹. Прежде чем обсуждать эту проблему, обратимся к характеристикам самой модели.

Единогласного, классического определения модели «*homo economicus*» в современной экономической науке не существует. В общем виде она содержит три группы факторов, представляющих *цели* человека, *средства* для их достижения, как вещественные, так и идеальные, и *информацию*,

знание о процессах, посредством которых средства, ведут к достижению целей. Большинство исследователей принимают следующую схему модели экономического человека¹²:

1. Экономический человек находится в ситуации, когда количество доступных ему ресурсов в целом **ограничено**. Он не может одновременно удовлетворять все свои потребности и поэтому вынужден делать **выбор**.

2. Факторы, обуславливающие этот выбор, делятся на две, строго различающиеся группы: **предпочтения** и **ограничения**. Предпочтения характеризуют субъективные потребности и желания индивида, ограничения – его объективные возможности. Предпочтения экономического человека являются всеохватывающими и непротиворечивыми. Главными ограничениями экономического человека можно считать величину его дохода и цены отдельных благ и услуг. Предпочтения экономического человека являются **более устойчивыми**, чем его ограничения. Поэтому экономическая наука рассматривает их как величины постоянные, абстрагируется от процесса формирования и изучает реакцию индивида на изменение ограничений.

3. Экономический человек наделен способностью оценивать возможные для него варианты выбора, с точки зрения того, насколько их результаты соответствуют его предпочтениям. Другими словами, альтернативы всегда должны быть **сравнимы между собой**.

4. Делая выбор, экономический человек руководствуется собственными интересами. Важно то, что действия индивида определяются **его собственными предпочтениями**, а не предпочтениями его контрагентов по сделке, и не принятыми в обществе нормами, традициями и т.д. Эти свойства позволяют человеку давать оценку своим будущим поступкам исключительно по их последствиям, как предполагает утилитаристская этика, а не по исходному замыслу, как предполагает этика деонтологическая. В этом смысле экономический человек и по сей день остается утилитаристом. Благодаря предпосылке собственного интереса всякое взаимодействие между экономическими субъектами принимает форму **обмена**.

5. Находящаяся в распоряжении экономического человека информация, как правило, **ограничена**. Приобретение дополнительной информации **требует издержек**. Один из доступных ему вариантов выбора состоит в том, чтобы отложить решение на потом и заняться поиском новой информации. Время, в течение которого необходимо принять решение, является наряду с доходом, одним из ресурсных ограничений, а издержки поиска – одним из ценовых ограничений.

6. Выбор экономического человека **рационален** в том смысле, что из известных вариантов выбирается тот, который **согласно его мнению или ожиданиям, в наибольшей степени будет отвечать его предпочтениям или, что то же самое, максимизировать его целевую функцию**.

Эта модель экономического человека сложилась в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки. За это время некоторые признаки экономического человека, считающиеся основополагающими, отпали как необязательные, такие, как непременный эгоизм, полнота информации, мгновенная реакция. **Главная характеристика современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции. Это свойство, которое можно назвать экономической рациональностью.** Главным признаком экономических явлений, по мнению Роббинса¹³, определение которого до сих пор считается классическим в экономической науке, называют рациональный выбор, соизмерение целей и ограниченных ресурсов для их достижения в какой бы то сфере деятельности этот выбор не осуществлялся.

«Homo economicus» – это абстрактная инструментальная модель, которая носит редуccionистский характер, поскольку не учитывает множество социокультурных и исторических переменных, в которых реализуется ранее выделенные признаки. Именно поэтому отношение между «homo economicus» и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, не изоморфное отношение между теорией и практикой, а отношение между предпосылками теории и практикой. Расширение предпосылочной базы теории за счет, например, воздействия на выделенные параметры «homo economicus» социокультурной среды, социальных ценностей, принятых в данном историческом сообществе, особенностей национального характера, характеристик человеческого и социального капитала, может обогатить образ экономического человека, повысить эффективность его экономической деятельности, и, возможно улучшить, его социальное самочувствие. Культуры, в которых модернизация соединяется с нравственным потенциалом человека и народа, дают значительный экономический прогресс. Примером может служить Япония. Тезис – «этика и

экономика должны составлять одно целое» — принадлежит Сибусаве Эйти, повлиявшего во многом на облик модернизации Японии и заслужившего звание «отца японского капитализма». «Сибусава предвидел возможные гуманитарные последствия модернизации, предостерегал от опасности развития экономики с упором только на технические достижения и при ориентации только на правовое регулирование экономических отношений. Он одним из первых поставил вопрос об ответственности предпринимательства перед обществом и государством. Экономика должна строиться на основе нравственности, иначе она обречена на самоуничтожение»¹⁴.

Дискуссии о моделях человека в социальных науках

Среди современных теоретиков-обществоведов ведутся дискуссии относительно возможностей моделей человека, используемых в социальных науках, объяснять социальную жизнь. Одни считают редукционистские модели человека — «*homo economicus*», «*homo sociologicus*» недостаточными для объяснения социальных процессов в нестабильном мире и объявляют их «монстрами социальных наук»; другие ищут универсальную модель человека социальных наук, опираясь на образ экономического человека. Социальные нормы и рынок трактуются как различные координирующие механизмы. Социологи оперируют понятиями «норма, санкции, роли», экономисты — «рынок, цена, предпочтения», и характерные черты моделей человека этих наук имеют различные интенции.

«*Homo economicus*» как бы изолирован от остальных людей, поддерживает с ними только отношения обмена и располагает совершенно независимой от других людей функцией полезности, все ограничительные моменты сводятся для него к издержкам, которые он сравнивает со своей личной выгодой. Он подсчитывает ожидаемые стоимостные значения соответствующих показателей и принимает рациональные решения: совершать или не совершать такие действия как нарушение обязательств, обман, воровство, развод, уклонение от налогов, оскорбление, убийство и т.д. На его взгляд, это совершенно корректно, поскольку он не

имеет никаких внутренних оценок, возникающих из социальной взаимозависимости: чувства стыда и сострадания чужды ему. Мораль — фетиш, проповедуемый философами; этика — ограничение, налагаемое на простофилю; социализация в детстве — осталась в далеком прошлом; мир — огромный универмаг... Однако, как оценивает «*homo economicus*» действия других людей? «Все наносящие ущерб действия других людей не должны иметь место!».

Иначе обстоит дело с «*homo sociologicus*»: его личность совершенно «засоциализирована», перегружена и придавлена социальными требованиями, которые он полностью интернализировал, зависив тем самым их ценностью. Он вращается в мире добронравия, морального долга, пристойности, добродетели, ожиданий, предъявляемых окружающими, запросов общественной системы, стыда и страданий и знает только санкции за нарушение норм: эндогенно-психические и экзогенно-штрафные. На призыв действовать согласно собственным представлениям о пользе при условии возмещения ущерба другим он отвечает: «кто я такой, чтобы свободно действовать?» После такой реакции проникнутые сочувствием социологи вообще выпускают этого субъекта из поля зрения теории — они вполне обходятся и без него»¹⁵. Таким образом, экономический анализ, основанный на модели «*homo economicus*», и социологический, исходящий из существования «*homo sociologicus*», действительно являются противоположными точками зрения. Первая позиция сводит все социальные явления к действиям как бы изолированных индивидов и не учитывает других социальных взаимосвязей, вторая позиция — объясняет индивидуальные действия давлением социальной взаимозависимости, и не допускает, что последняя, в свою очередь, возникает из общения между отдельными людьми. Автор данной точки зрения П. Вайзе осознает редукционистский характер этих моделей и, как следствие, их ограниченные эпистемологические возможности и фактически предлагает идти по пути интеграции, создавая единую «модель человека социальных наук».

Предлагается новый образ — «*homo socioeconomicus*» роли координатора, в отличие только от социальных норм

и рынка, как координирующих механизмов. «Homo socioeconomicus» как теоретическая модель индивида должна обладать свойствами, адекватными как для экономистов, так и социологов. Ответы на эту проблему, сводятся к наделению «человека социальных наук» психологическими чертами, тем самым социальные взаимодействия и их координация отчасти переносятся внутрь индивида и сложность межчеловеческого общения объясняется сложностью внутренней жизни человека¹⁶. Однако для понимания социальных взаимодействий это имеет значение лишь в том случае, если «человек социальных наук» обладает способностью согласовывать свои действия с другими людьми.

Следование по этому пути анализа приводит не только к учету психологических черт человека, но и актуализирует проблематику философской антропологии, предметом которой является анализ сущностных параметров «природы человека», исследования их трансформации в определенных социокультурных контекстах. Теоретические достижения философской антропологии, особенно XX века, представленные именами М. Шелера, Х. Плеснера, Э. Кассирера, Н.А. Бердяева, проблематизирующие саму сущность человека, могут иметь важное методологическое звучание для построения синтезирующих моделей «человека социальных наук».

Сама новая модель «человека социальных наук», «homo socioeconomicus» — представляется в следующем виде¹⁷: он имеет внутренние и усвоенные (интернализированные предпочтения). Внутренние предпочтения связаны с нейрофизиологическими свойствами организма; усвоенные предпочтения отражают опыт в обращении с благами и последствия предпринятых действий, наблюдения за образом действий других людей, а также влияние норм. Благодаря этим предпочтения «homo socioeconomicus» становится зависимым от того, что делают другие люди. Он уже больше не «homo clausus» (человек замкнутый): усвоенные предпочтения опираются на социальную взаимозависимость. «Homo socioeconomicus» имеет измерения, отсутствующие у «Homo economicus» и «Homo sociologicus»: он говорит, завидует, любит, ненавидит, клеветает, обескураживает, он мо-

жет действовать по усвоенным нормам, которые не закрепляются никакими внешними санкциями. Иными словами, **человек значителен сам по себе, он теперь действительно социальное существо.**

Если данная точка зрения нацелена на синтез знаний, исходящих от различных социальных наук, и формирование модели «человека социальных наук», способную более адекватно описывать социальную реальность, то другая точка зрения обосновывает позицию о том, что по новому сформированная экономическая модель человека может открывать перспективы выработки единого подхода в социальных науках. Этот подход так же выступает против того, что социальные науки представляют собой набор отдельных ящиков, ассоциирующих с отдельными сферами нашей жизни. «Экономический человек» владеет ящиком с ярлыком «экономика», «социологический человек» ящиком под названием «социология», «политический» и «антропологический» представляет особые случаи «социологического», а принимающие схему А. Маслоу говорят о «психологическом человеке». Развиваемая в данном подходе концепция так же исходит из основополагающей роли определенной гипотезы о «человеческой природе», так как именно она в значительной мере формирует представление о ценностях и социальном порядке. Усеченная модель «экономического человека», ограничивающая сферу его действия только экономическими мотивами, обедняла экономический анализ и оправдывала применение «социологического человека» при анализе преобладающей части социальной реальности. Наблюдаемое в реальности поведение человека всегда свидетельствует о наличии не экономических мотивов, имеет очевидное проявление озабоченности и внимания по отношению к другим людям и ставит под сомнение трактовку человека как эгоиста. Модель человека, обеспечивающая широкие перспективы для выработки единого подхода в социальных науках, ведет свое начало от шотландской школы философов-моралистов, работ А. Смита¹⁸. В русле этой традиции предлагается модель Меклинга и Бруннера¹⁹, сокращенная аббревиатура которой REMM («resourceful, evaluative, maximizing man»), т.е. **изобретательный, оценива-**

ющий, максимизирующий человек. Центральными блоками для построения модели являются поле предпочтений с его специфической структурой и ограничения, которые задают набор возможностей.

Изобретательность, оценивание и максимизация имеют общую основу. Данные эволюционной теории, социобиологии, биоэкономики свидетельствуют, что индивид появляется на свет не как чистый лист бумаги, а имеет широкий потенциал и общую предрасположенность к поведению определенного рода. Это биолого-генетическая наследственность обнаруживает большое разнообразие специфических черт, и мы наблюдаем огромное разнообразие в индивидуальных способностях. Эти различия налагают большие ограничения на возможности социализации. Изобретательность и индивидуальные различия проявляют себя в биологической, культурной и социальной эволюции человеческого рода. Изобретательный человек еще и оценивает. Здесь важны три ракурса оценки: форма поля предпочтений, разделение между экономическими и неэкономическими мотивами и значение личного интереса и эгоизма. Оценка выходит за рамки **только максимизации материального** благосостояния, например, развлечения или наслаждения общественным положением, влиянием, дружбой. Никакое априорное отделение «экономического» от «неэкономического» не может создать полезной основы для анализа. Признание неограниченности сферы обмена или замещения является важным условием анализа общих социальных условий. Это более всего применимо к эволюции социальных институтов. Модель REMM исходит из принципа методологического индивидуализма, считая, что именно индивид оценивает и осуществляет выбор, а процессы социализации и интернализации действуют при наличии фильтра, каковым являются биолого-генетические способности.

Третья составляющая модели REMM – **максимизирующий человек.** По мнению авторов модели, «максимизирующий человек признает, что все ресурсы, включая его собственное время, ограничены. Каковы бы ни были эти ресурсы, человек стремится обеспечить себе наилучшее по-

ложение при тех ограничениях, с которыми он сталкивается. Такая оптимизация осуществляется на основе несовершенной информации, и при этом человек познает, что само по себе принятие решений связано с издержками»²⁰. Модель формирования максимизации может быть полезной при описании поведения человека во множестве ситуаций и применительно к широкому кругу проблем.

Социологическая модель, современной репрезентацией которой может служить позиция Линденберга²¹, противопоставляется им модели REMM. Его модель «социологического человека» – SRSМ обозначает аббревиатуру трех главных элементов, где человек как «чистый лист» произвольно заполняется обществом: социализированный человек, человек, исполняющий роль, и человек, который может быть подвержен санкциям. (socialized, role-playing, sanctioned man).

Сторонники модели REMM приводят аргументы в ее пользу в качестве единой поведенческой гипотезы для социальных наук: «невидимая рука» (термин, введенный А. Смитом) означает возникновение социальных явлений из взаимодействия между индивидами; объяснение с помощью этого понятия образует ядро любого анализа социальных институтов и форм социальной включенности, основанной на модели REMM. Это относится и к анализу абстрактных объективных правил поведения, как условия жизнеспособных обществ (Хайек) и типов морального порядка. Аргументы в пользу данной модели как единой для социальных наук таковы:

– исследования ситуаций типа «дилеммы заключенного»²² показывает, как может возникнуть сотрудничество даже между эгоистическими индивидами, каждый из которых преследует свои корыстные цели;

– в модели REMM акцент делается на изобретательной адаптации, которая выражается в **поведении, основанном на рациональном выборе.** Сила и интенсивность изобретательности меняется в зависимости от ощущения индивидом значимости проблемы и применима к эволюции человека;

– унаследованный капитал общества в виде норм и правил, как социальных ценностей, оказывает влияние на поведение индивида. Влияние социальных ценностей реализуется через более или менее сознательное и намеренное принятие их индивидами в

качестве части, касающейся их ограничений или предпочтений. Эта связь, безусловно, образует важный компонент социокультурной эволюции;

– амбивалентность человеческой природы такова, что каждый человек оставляет за собой всегда право выбора в поведении, а так же руководствуется предпочитаемыми ценностями.

Данная модель формирует курс дальнейших исследований. Это связано с формулировкой базовых идей и их обоснованием: возникновение социальных ценностей, их эволюция и влияния на социальные процессы; природа связи между социальными ценностями, индивидуальным поведением и социальным взаимодействием индивидов; включение социальных норм и правил в фундаментальную модель выбора; исследование условий, ведущих к модификации норм и ценностей как социального капитала, обладающего свойствами общественного блага; понимание более глубокого процесса износа данного вида социального капитала.

Рассмотрение различных моделей «экономического человека» и моделей «человека социальных наук» – дескриптивных и типологизирующих, учитывающих исторический и социокультурный контекст (В. Зомбарт), редукционистских «*homo economicus*» и «*homo sociologicus*», инструментальных, но позволяющих использовать статистические и математические методы в анализе социальной реальности, аналитических (РЕММ), способствующих формированию теоретической картины социальной реальности и синтезу социального гуманитарного знания, позволило выявить различный онтологический и методологический статус этих моделей. Все они связаны, так или иначе, с вопросом о «природе человека», с пониманием человека как **субъекта, способного делать рациональный выбор** в экономической деятельности и в других сферах своей жизни. Сама же эта философско-антропологическая проблема, проблема «природы человека», приобретает новое звучание в современном социокультурном контексте в связи с успехами наук о жизни и подвергает испытанию тезис о способности субъекта делать самостоятельный рациональный выбор, важный не только в экономической деятельности, но и других сферах человеческой жизни.

Примечания

- ¹ Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота // Собр. соч. в 3-х т.: Т. II. – СПб., 2005. – С. 52.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Собр. соч. в 3-х т.: Т. I. – СПб., 2005. – С. 250.
- ⁵ См. там же. – С. 254.
- ⁶ См. там же. – С. 196 – 212.
- ⁷ Sombart W. Die juden und das Wirtschaftsleben. Munchen und Leipzig: Duncker & Humblot. 1913. – S. 281.
- ⁸ См.: Руткевич А.М. Вернер Зомбарт – историк капитализма // Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. Собр. соч. в 3-х т.: т. I. – С.5 – 21.
- ⁹ Гаджиев А.Г. Очерки экономической антропологии. Введение. – М., 1999. – С. 13.
- ¹⁰ MacLur F. The Universal Bodey//Essays in Honour of Lord Robbins. – L., 1972. – P. 113.
- ¹¹ Автономов В.С. Экономическая антропология и модель человека // Очерки экономической антропологии. – М., 1999. – С. 17 – 18.
- ¹² Там же. – С. 18 – 20.
- ¹³ Роббинс В. Предмет экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – С. 18.
- ¹⁴ См.: Карелова Л.Б. У истоков японской трудовой этики. История в портретах. – М., 2007. – С. 196.
- ¹⁵ См.: Вайзе П. Homo economicus и Homo sociologicus: монстры социальных наук// THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. – С. 120.
- ¹⁶ См.: Xogarth R.M., Reder M.V. The Behavioral Foundations of Economic Theory// The journal of Business, 1986. – P. 59.
- ¹⁷ Вайзе П. Homo economicus и Homo sociologicus: монстры социальных наук. – С. 128.
- ¹⁸ См.: Смит А. Теория нравственных чувств. – М., 1977.
- ¹⁹ См.: Brunner K., Meckling W.H. The Perception of Man and the Conception of Government // Journal of Money, Credit and Banking, February 1977. – P. 60 – 85.
- ²⁰ Brunner K., Meckling W.H. The Perception of Man and the Conception of Government // Journal of Money, Credit and Banking, February 1977. – P. 72.
- ²¹ Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular// Sociological Theory, Spring 1985. – P. 99 – 113.
- ²² Эта дилемма показывает, как взаимное согласование интересов «заключенных» приводит к оптимальному удовлетворению эгоистических интересов каждого из них.

МИРОВЫЕ ФИНАНСЫ: НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ.**Основные выводы по результатам проведения****Первой международной сессии стратегического сценирования
(июль 2008 года, г. Модена, Италия)***М.Ю. МИЖИНСКИЙ*

Современное общество оказалось в ситуации утраты смысловой определенности. Налицо объективная проблема глобального финансового кризиса и очевидная растерянность в мире – до сих пор непонятно, что происходит и, главное, что с этим делать. Вполне возможно, что современный глобальный финансовый кризис является одним из проявлений закономерности, о которой писал математик и философ А.Н. Уайтхед: «...существует неотвратимая закономерность в том, что цивилизация, у которой нет какой-либо высшей цели, погрязает в сладострастии или же впадает в монотонное однообразие, в котором гаснет всякое живое чувство»¹. Очень похоже, что переживаемый кризис подобен той катастрофической ситуации, которую М. Хайдеггер² называл утратой европейской цивилизацией жизненного смысла по мере прогрессирующего растворения реальности в абстрактных понятиях. Неконтролируемое и неуправляемое тиражирование и применение огромной массы различного рода производных финансовых инструментов привело к ситуации потери управляемости всей глобальной финансовой системы, реальная база которой была размыта потоком, по сути, абстрактных инструментов, вообразимых существующих в пространстве взаимных договоренностей участников глобальных валютно-финансовых операций. Речь идет не об объективно данных инструментах, а об их воображаемых и искаженных образах, проецируемых в сознании. Как отмечает итальянский философ Джанни Ваттимо³, происходит необратимая эрозия объективности факта, всех основополагающих принципов существования объективной реальности самих понятий, бытия, субъекта, истины... Ваттимо приходит к интересному выводу о том, что бытие будто бы растворяется в языке, который выступает единственным бытием, какое еще может быть позна-

но. Производные финансовые инструменты превратились в тот язык, который подменил собой саму финансовую реальность. Такая форма глобальной финансовой системы, живет по своим законам и разворачивается в своих особых механизмах, которые не могут быть осмыслены отдельно средствами экономической, правовой или психологической наук. Поэтому, как отмечает Ю.В. Громыко, понять, что происходит с мировыми финансами можно только, если, анализируя финансовые процессы, «выйти за рамки исключительно финансово-экономического анализа к рассмотрению социокультурных, политико-антропологических процессов»⁴.

По мнению автора, до сих пор не было предложено достаточно эффективного средства решения проблемы утраты определенности и возвращения ситуации в состояние управляемости. Основным препятствием на пути создания таких средств всегда выступал, помимо прочего, один и тот же фактор – необходимость преодолевать рамки существующих институциональных ограничений в том случае, когда эти рамки больше не соответствуют объективной реальности. В случае с финансовой системой объективная реальность оказалась за рамками существующей институциональной системы, а институты, ответственные за управление этой системой, остались внутри этих рамок. Именно поэтому все формы обсуждения и снятия такого противоречия в рамках сложившихся институтов оказались недееспособными. Как только кризис начался, это стало ясно.

В июле 2008 г., после длительной подготовки, в г. Модене (Италия) была впервые осуществлена попытка формирования нового средства запуска и управления метаинституциональным коллективным взаимодействием на международном уровне – была проведена Первая международная сессия стратегического сценирования⁵, главной целью которой было создать прецедент осуществления качественно нового типа коллективной мыследеятельности – *стратегического сценирования* – на международном уровне. Задача сессии состояла в том, чтобы выработать конкретную форму действия в условиях организации мыслекоммуникации и взаимопонимания различных групп и согласования прин-

ципов разных типов мышления в ситуации кризиса мировых финансовых институтов.

Темой сессии стало построение новой мировой финансовой архитектуры. Настолько амбициозная тема была выбрана не по причине личных амбиций организаторов, а по причине признания объективной невозможности «косметического ремонта» существующей финансовой системы. Организаторы сессии исходили из того, что существующая «финансовая и валютная система, все более дерегулируемая и уходящая из-под установленного контроля, подорвала все виды управляемости, приводя, таким образом, к возникновению целого ряда финансовых пузырей, лишая поддержки сектора промышленности, сельское хозяйство и торговлю»⁶. Организаторы сессии объявили в качестве главной цели своей работы мобилизацию усилий ради обеспечения «всеобъемлющей финансовой и экономической безопасности, предполагающей создание равного доступа к продовольствию, гарантирующей разумные цены на энергоносители, создающей условия доступа к институтам образования и результатам научного прогресса»⁷.

В проведении сессии приняли участие ведущие российские и итальянские парламентарии, юристы, экономисты специалисты в области государственной безопасности, а также эксперты из США и Казахстана⁸, которые все вместе смогли обеспечить баланс теоретических и практических оснований представленных позиций, различных философско-мыслительных концепций. Одним из важнейших продуктов сессии стала Моденская декларация⁹, подписанная представителями парламентов Италии и России, а также группой авторитетных специалистов из Италии, России, США и Казахстана. Сессия, проведенная в г. Модене, рассматривалась организаторами как первый шаг в проведении серии сессий по разработке концептуальных подходов к решению таких сложных проблем, как глобальный финансовый кризис.

Непосредственной практической проблемой, которая послужила причиной необходимости проведения такой сессии явилось отсутствие решений по снятию коллизий между глобальными финансовым и промышленным капитала-

ми. В то же время ключевой мыслительной проблемой, лежащей в основе сессии, является гораздо более широкое и сложное противоречие. Возникновение данной глобальной проблемы следует связывать не столько с научно-техническим и «финансово-коммерческим» типами мышления, позволившими усложнить финансовые операции до уровня бесконтрольности, но и с отсутствием мыслительных средств, позволяющих осуществлять сдвигку институциональных ограничений. Поэтому говорить о возможности решения такой сверхкомплексной полидисциплинарной задачи, находящейся на стыке политико-экономических и гуманитарных проблем, без одновременного применения средств и методов, позволяющих объединять лучшие достижения экономики, права, социологии, политологии, антропологии, философии и пр., бессмысленно. Как отмечал Ю.В. Громыко, «сама анализируемая реальность является крайне сложной, возможно, предельно сложной, поскольку требует целостного взгляда на происходящие события и задает полидисциплинарный контекст, который может быть проанализирован только при попытке соотнести средства и методы анализа, разработанные в разных дисциплинах»¹⁰. Именно синтез философии, политики, экономики и др. можно рассматривать как базис для новой модели работы по получению решений такого масштаба. В этой связи можно утверждать, что, фактически, организаторы сессии поставили перед собой задачу предложить решение проблемы нехватки мыслительных средств, позволяющих осуществить выход из сложившейся ситуации. В качестве инструмента получения такого решения и была впервые предложена сессия стратегического сценирования.

Какие же выводы можно сделать по результатам Первой международной сессии стратегического сценирования?

Как показали результаты проведения 1-й сессии стратегического сценирования, этот инструмент позволяет создать новую модель международного метаинституционального сетевого взаимодействия, перекрывающего деятельность отдельно взятых национальных и международных институтов. Только такая модель может обеспечить условия для выхода за границы сложившихся институционально-деятельностных

возможностей и ограничений и переходу к более высокому уровню организации сознания. Благодаря такой модели может быть осуществлен выход в новое значительно более широкое (свободное) пространство договоренностей.

По мнению автора настоящей статьи¹¹, сессия стратегического сценарирования как форма коллективной мыследеятельности отличается от других форм проектирования будущего. Прежде всего, этот тип деятельности отличается от деятельности международных академических и неакадемических «мозговых центров». Их деятельность направлена на производство аналитических и прочих отчетов и докладов, основанных на анализе всевозможных точек зрения на исследуемую проблему. Главной особенностью такого типа деятельности является отстраненность людей, готовящих такой отчет, от деятельности, направленной на формирование будущего «своими руками». Именно в силу такой отстраненности наиболее влиятельные «мозговые центры», как правило, используют в своей работе средства прогнозирования (или предсказывания), вместо средств проектирования сценариев развития будущего. Включение в эту работу субъектов реального социально-экономического и социально-культурного действия происходит в минимальной форме обмена информацией для повышения точности необходимых прогнозов. Ключевой составляющей таких прогнозов является определение целей и задач по их реализации при полном отсутствии процесса «субъективации» институтов, которые должны будут эти задачи реализовывать. В противоположность этому, цель сессии по стратегическому сценарированию — это не получение объективной картины происходящего или возможных альтернатив происходящему, а создание схемы деятельности, направленной на формирование и *запуск конкретных сценариев развития*. Данная схема создается непосредственно участниками деятельности по ее будущей реализации. Стратегическое сценарирование осуществляется непосредственно субъектами деятельности по реализации сценария. Именно поэтому временные границы такого сценарирования определяются не потребностями абстрактного долгосрочного предвиденья, а теми ресурсами, которые есть у участников сессии — вре-

менной горизонт, который они реально могут удерживать. Благодаря этому, сессия стратегического сценарирования выступает средством коллективной мыследеятельности, которое позволяет не создавать новые спекулятивные идеальные конструкты, которыми можно оперировать для проектирования необходимых образов в сознание, а формировать реально деятельностные сценарии коллективного действия, выстраиваемые на основе конкретных межинституциональных и метаинституциональных договоренностей.

Формирование сценария подразумевает определение ключевых позиций и их заполнение участниками сессии, способными активно представлять эту позицию в будущем. Сценарное мышление требует оргсценария, создание которого само по себе будет бессмысленно без определения ключевых участников (институтов) его реализации и выстраивания договоренностей между группами таких участников (институтов). В этой связи, важнейшее значение имеет проявление позиционной определенности участников сессии и предъявление конкретных возможных способов действия каждого из участников. Разработка сценария деятельности самими субъектами этой деятельности, принимающими на себя ответственность за ее осуществление в целях реализации сценария, отличает сессию стратегического сценарирования от других форм коллективной мыследеятельности, в том числе различного рода конференций и форумов.

Разумеется, само по себе сценарирование не ново — это одна из хорошо известных и достаточно широко применяемых на Западе технологий работы с будущим. В ходе сценарирования осуществляется сценарное мышление, оперирование вариантами будущего на языке настоящего. При этом источники развития будущего находятся в самой исходной ситуации, которая схватывается сознанием в ходе сценарирования. Однако есть существенное отличие сессии стратегического сценарирования, проведенной в г. Модене, от сессий сценарного планирования, используемых сегодня для разработки корпоративных и государственных стратегий. Сценарное планирование, распространенное в США и Западной Европе¹², представляет собой рассмотрение множества альтернативных сценариев будущего, и, фактически, явля-

ется лишь прогнозированием (предсказыванием) будущего через разработку нескольких развернутых картин будущего, каждая из которых реализуется при выполнении определенных условий. В отличие от такого типа прогнозирования, которое строится на выявлении всех возможных последствий текущей ситуации, стратегическое сценирование основывается на понимании и проектировании ее участниками собственных действий по развертыванию наиболее приемлемого сценария будущего в рамках собственных возможностей и ограничений.

Одним из важнейших принципов сессии как формы коллективной мыследеятельности является построение целостного видения комплексной полидисциплинарной проблемы на основе конкретного осмысления рассматриваемой ситуации с индивидуальной позиции каждого из участников. Интеграция разнородных позиций и мнений участников выстраивается вокруг ключевого вопроса, принимаемого всеми участниками. Применение такой технологии позволяет осуществить единение множества разнородных позиций ради конструирования «одной» новой общей позиции; таким образом, осуществляется извлечение конкретного единства из множества актуальных позиций.

Ключевым принципом внутренней организации сессии стратегического сценирования является соотнесение «микроситуации» и «макроситуации» системного кризиса, предложенное Ю.В. Громыко¹³.

Во время проведения сессии в Модене, участникам было предложено разработать механизмы управления событием мирового финансового кризиса на основе соотнесения макроситуации глобального события и микроситуации участников сессии. Проведенная в г. Модене работа может быть описана в следующей последовательности шагов (этапов):

1. Введение участников сессии в «микроситуацию», отражающую «макроситуацию».
2. Выявление и предъявление индивидуальных позиций отдельных участников в качестве ответа на ключевой вопрос сессии в отношении «макроситуации».
3. Интеграция отдельных позиций в единое виденье вокруг ключевого вопроса.

4. Выделение основополагающих принципов реализации наиболее приемлемого сценария метаинституционального сетевого взаимодействия участников.

5. Закрепление в виде схем и текстов единого виденья для избегания его расплывания.

6. Проектирование трансляции результатов «микроситуации» сессии за рамки сессии на уровень «макроситуации» (формирование сети деятельностных плацдармов и запуск пилотных проектов).

Как показывает опыт проведения первой сессии стратегического сценирования, использование подобных средств на международном уровне сопряжено с рядом трудностей.

В ходе проведения сессии наибольшей трудностью, с которой столкнулись организаторы и участники, стало выполнение задачи по удержанию в ходе работы стратегической перспективы развития ситуации и «недопущения подмены стратегической перспективы тактическими процедурными решениями»¹⁴. Тем не менее в ходе сессии в г. Модене почти все участники продемонстрировали способность выделять важнейшие общие стратегические принципы «макроситуации», исходя из ограниченного круга собственных наблюдений, предъявляемых на уровне «микроситуации».

Другая трудность проведения сессии стратегического сценирования заключается в том, что, во-первых, ни один из участников не обладает полной информацией о происходящем кризисе, и, во-вторых, участники из-за сложности самого явления в рамках сессии не имеют возможности получить и проанализировать всю необходимую информацию. Фактически, происходящее явление не может быть осознано в рамках одной сессии. Поэтому сессия стратегического сценирования в противоположность сессиям стратегического планирования не предполагает детального подсчета возможных сценариев будущего, а основывается на выделении единого виденья наиболее приемлемого для участников сессии сценария и выделения общепологающих принципов, наиболее критичных для его реализации. Таким образом, стратегическое сценирование помогает принимать управленческие решения в условиях недостаточности ресурсов, недостаточности информации.

Определенные сложности в ходе проведения сессии возникли в связи с необходимостью обеспечивать не только лингвистический перевод, но и межкультурный перевод, который бы позволил участникам из разных стран эффективнее приходиться к взаимопониманию. Несмотря на то, что в целом организаторы сессии справились с поставленной задачей, стала очевидной необходимость более активного применения в ходе подобных сессий языкового и страноведческого знания как ресурса интенсификации подобных взаимодействий. Так, в ходе проведения российско-итальянской сессии автору настоящей статьи стало очевидно, что для проведения сессий такого сложного межкультурного формата необходимо привлекать к участию модераторов, обладающих знаниями о культурных ценностях представителей страны партнера сессии. Например, во время обсуждения вопроса о долгосрочных инфраструктурных инвестициях итальянские участники проявили максимальную активность после того, как им было предложено обсудить те проблемы, с которыми столкнулись их внуки. В этой ситуации сработало значение института семьи в итальянской культуре.

Особо сложным, по мнению автора настоящей статьи, является обеспечение трансляции результатов работы в «микроситуации» на уровень «макроситуации» без разрушения единого видения сценария. Так как это была первая подобная сессия стратегического сценирования, то пока представляется возможным лишь описывать идеальную модель трансляции результатов работы. В ходе сессии, в случае ее эффективного проведения по вышеизложенной схеме, происходит закладывание основ сетевого взаимодействия вокруг выбираемого сценария действия. Предполагается, что в результате сессии закладываются основы для формирования реально-деятельностных плацдармов, на которых могут быть развернуты проектные действия участников сессии по реализации сценария. После завершения сессии требуется осуществлять набор метапроектных действий по удержанию и интеграции проектных действий участников единого сценария. Возникает вопрос об интеграторе общих усилий, способном выполнять такие метапроектные функции — держателе сценария. В отсутствие такой

интеграции общее видение сценария может быть разорвано отдельными участниками и перенесено в свои профессиональные предметные области без удержания общего сценария. Говоря об интеграторе (держателе) сценария, речь не идет об одном конкретном институте, а скорее о коллективном образовании, которое бы соответствовало принципам международной сетевой организации.

Наибольшую эффективность сессии стратегического сценирования могут продемонстрировать, мне представляется, если они будут реализовываться в качестве серии взаимосвязанных сессий, позволяющих удерживать и координировать сетевое взаимодействие участников по реализации сценария в долгосрочной перспективе и с учетом объективных изменений ситуации. Разработка решений комплексных проблем, таких, как проблема финансового мирового кризиса, по мнению автора настоящей статьи, может осуществляться только в формате серии последовательных и взаимосвязанных сессий стратегического сценирования. Для того чтобы это действительно была Серия, необходимо по результатам каждой сессии формулировать основополагающие принципы, из которых могут последовательно конструироваться необходимые решения. Между сессиями следует проводить экспертно-аналитическую работу по проработке и продвижению этих принципов. Также представляется возможным и важным транслировать технологию сессии стратегического сценирования в научную и образовательную сферы.

С учетом всего вышеизложенного, можно еще раз подчеркнуть, что в г. Модене в Италии в июле 2008 г. имел место очень важный прецедент формирования нового средства запуска и управления коллективным взаимодействием и построения метаинституциональных договоренностей, расширяющих поле позитивных и перспективных решений за счет преодоления действующих институциональных ограничений, на международном уровне.

Примечания

¹ Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии: Пер. с англ. / Сост. И.Т. Касавин: Общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. — М., 1990. — С. 482.

- ² Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1993.
- ³ См.: *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество / Пер. с итал., послесловие Д.М. Новикова. — М., 2003.
- ⁴ Доклад Ю.В. Громыко по результатам 1-й сессии стратегического сценарирования «Мировые финансы: новые инициативы» на международном форуме «Запад — Восток: интеграция и развитие», 9 июля 2008 года, г. Модена, Италия.
- ⁵ 1-я международная сессия стратегического сценарирования «Мировые финансы: новые инициативы» состоялась 7 — 8 июля 2008 г. (г. Модена, Италия) при поддержке форума «Диалог Запад — Восток» и банка «Миллениум».
- ⁶ Моденская декларация, июль 2008 г., г. Модена, Италия. http://www.icie.ru/press-centre/news/news_935.html.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Сессию вели *Ю.В. Громыко* — директор Института опережающих исследований им. Е.Л. Шифферса и *Паоло Раймонди* — координатор итальянской парламентской инициативы «Новый Бреттон Вудс». В работе приняли участие депутаты, сенаторы, ученые и эксперты из России, Италии, Казахстана и США, в том числе: А.Н. Аксаков, А.М. Анисимов, Нунцио Роберто Валенса, И.Н. Гутов, Альфонсо Джигани, В.Т. Зюков, В.Б. Исаков, Паоло Казели, Ю.В. Крупнов, В.Н. Кузнецов, З.А. Кучкаров, Андреа Ланди, Риккардо Педрици, Паоло Раймонди, Дарио Риволта, Дж. Тененбаум и др.
- ⁹ С текстом Моденской декларации можно ознакомиться в газете Коммерсант от 14 июля 2008 г. либо в сети Интернет на сайте Международного конгресса промышленников и предпринимателей http://www.icie.ru/press-centre/news/news_935.html.
- ¹⁰ Доклад Ю.В. Громыко по результатам 1-й Сессии стратегического сценарирования «Мировые финансы: новые инициативы» на международном форуме «Запад — Восток: интеграция и развитие».
- ¹¹ Автор настоящей статьи является одним из участников Первой сессии стратегического сценарирования в г. Модена, Италия.
- ¹² Стратегическое планирование, применяемое в целях разработки стратегий, описано в работах большого количества, и в основном, зарубежных авторов (см., например: *Schwartz P.* The Art of the Long View, Doubleday, 1991; *Kees van der Heijden* Scenarios: The Art of Strategic Conversation, 2005. *Ринглант Д.* Сценарное планирование для разработки стратегии / пер. с англ. Изд-во Вильямс, 2007).
- ¹³ Доклад Ю.В. Громыко по результатам 1-й Сессии стратегического сценарирования «Мировые финансы: новые инициативы» на международном форуме «Запад-Восток: интеграция и развитие».
- ¹⁴ Там же.

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА*

Н.Н. ФЕДОТОВА, Л.Н. ФЕДОТОВ

Становление капитализма на Западе и использование незападными странами догоняющей Запад модели развития привело к отделению экономики от других сфер общества и ее возвышению над ними. Представление о прогрессе утратило полноту своих характеристик и стало отождествляться с экономическим прогрессом, а также с пониманием человека как «экономического». Этот образ человека в экономике постепенно распространился на человека вообще. Внеэкономическая среда вульгарно сводилась к экономической, от чего искажалось содержание не только общества, культуры, морали, но и самой экономической сферы. *Квазиэкономическая идентичность человека не соответствовала наличию у него других жизненных смыслов и задач, упрощала человека до экономического ресурса, общество — до совместных социальных действий, а культуру до одинаковой для всех народов программы человеческой деятельности, присущей Западу.*

Социокультурные предпосылки введения концепта «социальный капитал»

Осуществляемая в обществе капитализация отодвинула внеэкономические факторы на задний план. Экономическая система сама ощутила дефицит социокультурных и человеческих задач. МВФ впервые употребил термины «социальный капитал», «человеческий капитал», заботясь о социальных и человеческих ресурсах экономики. Но люди, озабоченные развитием общества, человека и культуры подхватили эту метафору для того, чтобы показать, что приемлемое для жизни общество, образованный и моральный человек, культурная целостность сами являются капиталом, не менее значимым, чем экономический капитал.

*Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Социальный капитал и проблема идентичности», грант № 07-03-164а и гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых МК-5910.2008.6.

Роль социального капитала в поддержании идентичности общества и индивидов имеет большое значение для понимания изменений, происходящих как в мире в целом, так и в России. Дело в том, что трансформационные процессы поставили большинство обществ перед ситуацией, которая обозначается как *кризис идентичности*. Попытка идеологически выйти из нее является малоуспешной. Ключ к идентичности – в налаживании общественного воспроизводства, социальных связей, доверия в обществе, ответственности, что в совокупности характеризуется понятием «социальный капитал».

Сам вопрос об идентичности является следствием ее нехватки, изменения. Идентичность – это самоидентичность или, как говорит С. Хантингтон, «смысл себя». Без самосознания, понимания «смысла себя» невозможно существовать. Этот смысл не может стать экономическим. Он может стать плюралистическим, но его не может не быть в течение продолжительного времени. Авторы данной статьи обращаются к новой проблеме – они показывают, что на формирование идентичности и преодоление ее кризиса влияет ряд факторов – экономических, политических, социальных, культурных, моральных. Идентичность в обществе поддерживается наработанным социальным капиталом – взаимосвязями, способствующими сохранению механизма социального воспроизводства, доверием, конвертируемостью социального капитала в экономический и другие виды внеэкономического капитала, такие, как человеческий, культурный, символический, творческий, интеллектуальный капиталы. Формирование социального и человеческого капитала не было предметом систематического исследования в отечественной литературе, тем более в связи с его воздействием на идентичность.

Решить поставленные вопросы означало бы одновременно раскрыть процесс осознания значимости самого человека не только как ресурса экономической системы, но его собственной способности быть капиталом общества, а также показать значимость в качестве внеэкономического капитала человеческого взаимодействия в обществе и доверия между людьми, формируемой этим идентичности.

Первоначально эти новые термины в социальной философии и социологии использовались как метафоры, которые дополняли экономическое представление о капитале, призывая учесть факторы, входящие в социальный и человеческий капитал, значимость образованного и культурного населения в экономических и социальных процессах. Позже представления о внеэкономическом капитале обрели статус понятий.

Одновременно обнаруживается также связь концепции социального капитала с концепцией общественного богатства. То, что общественное богатство не отождествляется с материальными вещами и экономическим капиталом даже у экономистов, было забыто в социальных науках и сегодня возрождается в концепции социального капитала.

Социальный капитал

и другие виды внеэкономического капитала

Понятия «социальный капитал», «человеческий капитал», «культурный капитал» и «символический капитал» первоначально были использованы экономистами. Они трактовали отмеченные виды капитала как ресурсы экономики, имеющиеся в обществе, в человеке, в культуре и ее символической составляющей, как то, что может работать на экономику. Но позже понятия внеэкономического капитала используется для характеристики воспроизводства общества, человека и культуры. С их помощью эконоцентризм неоллиберальной концепции заменяется признанием значимости социальной, человеческой, культурной и политической сфер общества при одновременном признании экономической сферы и ее взаимодействия с остальными. Новые понятия утверждали самоценность всех сфер общества, а не только экономики. *На решение этой задачи ориентирована концепция социального капитала, дополняемая понятиями о человеческом, культурном и символическом капиталах.*

Понятие «социальный капитал» является центральным в ряду названных категорий. Оно показывает значимость общества и групповых общественных образований, сообществ для функционирования всех его элементов и сфер – экономики, политики, образования и духовной сферы. Со-

циальный капитал характеризуют отношения между людьми. Но в таких общих терминах концепция социального капитала в некоторой степени парадоксальна тем, что впервые применяет понятие капитала не к экономике, а к социальной сфере. Как уже было отмечено, развитие интереса к внеэкономическому капиталу возникло из двух стремлений. С одной стороны, из попытки экономистов-нелибералов распространить понятие «капитал» на все сферы общества для доказательства преобладания экономики над другими сферами; с другой стороны, из стремления критиков неолитерализма показать значимость внеэкономических факторов, которые образуют другие типы капитала, играющие не менее важную роль, чем экономический капитал.

По мнению ряда исследователей, социальный капитал – это интегральная характеристика, включающая в себя материальные ресурсы (земля, дома, деньги) и символические ресурсы: образование, членство в организациях, почетные знаки, титулы дворянства, фамильное имя, репутация или известность и другие нематериальные активы. Все эти ресурсы принадлежат отдельному человеку, сети людей или ассоциациям. Основополагающая идея концепции социального капитала заключается в том, что социальные сети создают основу для социальных связей, так как в них люди могут кооперироваться друг с другом, и не только с теми, с которыми знакомы непосредственно, для достижения взаимной помощи, успехов и выгод.

Элементами социального капитала выступают: социальные связи и пути, по которым они создаются; доверие, обеспечивающее действие членов общества как единого целого, с достижением синергетического эффекта; нормы и правила, укрепляющие доверие; институты, обеспечивающие функционирование общества. К этому можно добавить позитивные цели членов группы или общества, так как не любая социальная связь или сеть отвечает понятию социального капитала. В мафии отсутствует понятие доверия. Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил или норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом»¹. Нормы, создающие социальный капитал, должны

включать в себя такие добродетели, как правдивость, обязательность, взаимность»¹.

Французский социолог П. Бурдьё рассматривает капитал в трех измерениях, а именно: как экономический капитал, культурный и социальный. Он считает, что «социальный капитал создан из социальных обязательств и взаимоотношений. Это – инструмент актуальных и потенциальных ресурсов, которые вместе составляют институционализированные отношения, построенные на взаимных связях. Члены групп обладают собственным капиталом, из которого им позволено брать кредиты»². Под кредитами понимаются не столько финансовые заимствования, сколько оказанное содействие, помощь и влияние. Социальный капитал – это коллектив с установленной долей ответственности между его членами. П. Бурдьё считает, что социальный капитал характеризует вклад членов господствующего класса (группы или сети) с целью поддержать воспроизводство групповой сплоченности и сохранения господствующих позиций.

Для американского ученого Дж. Колемана социальный капитал включает те аспекты социальной структуры, которые облегчают действия индивидуумов внутри группы. Дж. Колеман показал, что люди в группе осуществляют контроль над ресурсами, в которых они видят свой интерес. Под ресурсами он понимает наличные социальные связи и коллективные ценности, сформированные их наличием. Люди участвуют в изменениях и трансферте ресурсов. Такие социальные отношения облегчают действия членов общества. Социальный капитал понимается им как «капитал, складывающийся из индивидуальных ценностей, которые постепенно перерастают в ресурсы социальной структуры»³. Согласно Колеману, социальный капитал отличается от других видов своим происхождением. Физический и человеческий капитал характеризует индивидов, социальный капитал относится к сфере отношений между индивидами.

Дж. Колеман, благодаря понятию социальный капитал, пытается оценить целостность общества или организации, например, организации системы образования, чтобы приспособиться к изменениям, сохранить общество, гуманистический образ человека и культуру. Отношения людей, по

Дж. Колеману, могут быть объединяющими и разъединяющими. Контроль за ними осуществляется властными отношениями, отношениями доверия, системой доверия и рынком. Властные отношения содержат передачу права контролировать как объединяющие, так и разъединяющие действия. Отношения доверия характеризуют готовность к совместному риску. Принимая какое-либо решение, доверяющие друг другу люди согласны разделить риск неудачи. *Система доверия характеризует перевод доверия с микроуровня индивидуальных отношений на макроуровень общества, где доверие принято в качестве социальной нормы.* Деньги и рынок также являются связывающими индивидов в общество. Социальные отношения, возникновение которых появляется, когда индивиды, чтобы лучше использовать индивидуальные ресурсы, объединяются между собой.

Идея «социального капитала» появляется в связи с тем, что полученные в семье, среди соседей, в школе примордиальные формы солидарности могут разрушаться в обществах с многообразными социальными отношениями. Такие традиционные институты, как семья, соседство могут терять свое значение. Возникает новый мир, в котором «несвязанные прежде чужаки чувствуют близость, а соседи становятся чужаками»⁴. В ходе развития «естественная физическая окружающая среда» вытесняется «сконструированной». *Однако и «сконструированное» общество должно обрести способность к воспроизводству, к тому, чтобы быть естественным для своих обитателей, а значит, способным обеспечить их идентичность.* Дж. Колеман осознает печальные последствия индивидуализации, которое, по его мнению, ставит всех в положение «бедного богача», имеющего в избытке материальные ресурсы при отсутствии или недостатке социальных ресурсов.

«В терминах социального капитала я мыслю будущее социальной жизни – сети, нормы и доверие, дающие возможность участникам совместно действовать более эффективно для достижения целей долевого участия», – писал социолог Р. Патнэм⁵. Изучая региональное управление в Италии, он пришел к выводу, что северная Италия развита лучше, чем южная потому, что в ней больше социального

капитала. Социальный капитал достигается долгими социальными связями, в которых люди помогают друг другу, основываясь на взаимном доверии и нормах взаимодействия. Патнэм считает, что *социальный капитал возникает в сообществах с сильными моральными ресурсами. Социальные связи – нормы взаимодействия – доверие – социальные связи – такой вид социальных отношений, по Патнэму, делает возможным цивилизованное сообщество.* Он считал, что добровольные организации в демократическом обществе показывают степень участия социального капитала в социуме. Эти ассоциации способствуют и усиливают роль коллективных норм и доверия, которые являются основой поддержки хорошо слаженных коллективов. Использование социального капитала означает общие обязательства, помогающие осуществлению совместных целей.

Социальный капитал не является единственным видом внеэкономического капитала. Он дополняется другими. Социальный капитал понимается как включенность в систему отношений, обеспечивающих доступ к ресурсам других акторов (или более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью), способствующая наращиванию совокупного капитала и углублению неравенства в обществе⁶. Человеческий капитал связан с индивидуальностью. Человеческий капитал включает как количественный размер труда, используемого в производстве, и объем знаний, так и умения, которыми обладают трудовые ресурсы.

Понятие «человеческий капитал» используется в экономических дисциплинах с 1960 г. и означает в целом оценку готовности человеческих ресурсов к росту экономики общества. В частности, это такие атрибуты, принадлежащие отдельным людям, как их умения и знания в различных областях жизнедеятельности, наличие образования. Человеческий капитал должен постоянно обновляться и расширяться, для того, чтобы соответствовать современным требованиям. *Под человеческим капиталом понимается воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, имеющих не только экономическую ценность. Они составляют капитал, так как могут служить источником будущих доходов и выгод (как материальных, так и психоло-*

гических). Но это капитал особого рода, так как он воплощается в личности своего носителя⁷.

Исследователи человеческого капитала на Западе показали связь уровня образования людей с величиной их доходов. Чем образованнее человек, тем у него больше шансов, используя это ценное качество, занять лучшие рабочие места и получить достойное вознаграждение. При этом вознаграждение будет соответствовать капиталовложениям. В соответствии с этим же принципом объясняется неравенство в доходах и социальном положении. К сожалению, эта норма не соответствует посткоммунистическим обществам, где образование не гарантирует попадание в средний класс, и в социальной стратификации образованные люди могут оказаться на уровне более низком, чем необразованные. Однако эта ситуация соответствует переходному периоду и не может продолжаться долго.

Человеческий капитал недолго трактовался только как характеристика человеческих ресурсов, необходимых экономике. Он стал рассматриваться с 80-х годов прошлого века также как характеристика самого человека, его творческих способностей, ценностей, способности к социализации, без которой невозможно воспроизводство общества, формирование социального капитала. Люди, не осознающие своей принадлежности к обществу, — маргиналы, криминальная публика не производит общезначимых ценностей и отношений и препятствует воспроизводству общества.

Логика размышлений над цепочкой факторов, дополняющих экономику и в известной мере определяющих ее перспективу, привела к понятию «культурный капитал», который характеризует культуру общества, воспроизводство культурных образцов, вклад отдельного социума в мировую культуру. Наибольший вклад в его разработку внес французский исследователь П. Бурдье. Согласно П. Бурдье, культурный капитал может быть представлен в трех состояниях: «инкорпорированном состоянии, т.е. в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированном состоянии — в форме культурных товаров (картин, книг, словарей, инструментов, машин и т.д.); институционализированном состоянии, т.е. в формах объективации»⁸.

В социологии используется также понятие «символический капитал», который представляет собой подсистему культурного капитала и характеризует способность людей к восприятию символического содержания культуры. Символический капитал означает способность человека к владению символами своей культуры, адекватному выражению культуры общества в отдельном человеке. Бурдье пишет, что политический капитал, например, «является формой символического капитала, кредитом, основанном на вере и признании, точнее, на бесчисленных кредитных операциях, с помощью которых агенты подменяют человека или предмет той самой властью, которую они за ним признают»⁹.

Сферы применения социального капитала

Сферы функционирования социального капитала хорошо определил П. Бурдье: «Капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, и ценой более или менее серьезных трансформаций, может выступить в трех основных облициях: экономического капитала, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности; культурного капитала, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций; социального капитала, образованного социальными обязательствами («связями») ... который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула...», и, добавляет П. Бурдье, «символический капитал — как капитал в любой его форме, представляемой (т.е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или не узнаванием»¹⁰.

«Социальный капитал — это такая система, при которой отдельные люди вместе образуют нечто большее, нечто иное, нежели просто совокупность множества отдельных людей»¹¹. К числу сфер, в которых создаются основы социального капитала, относятся семья, институты образования, церкви.

Человеческие отношения составляют основной ресурс социального капитала. Эти отношения затрагивают людей

с различными индивидуальными характеристиками и неодинаковым поведением. Однако «разобщенность должна смениться сплоченностью индивидуальных предпочтений и действий»¹². Основу социального капитала составляет доверие в отношении людей, открытость информации и установленные нормы, которые регламентируют основные формы поведения. Теряя доверие, общество разрушает этот капитал. Социальный капитал способствует объединению различных социальных связей и обобщению идеологии.

Эффективность образования, выступающая одним из источников создания социальных связей, по заключению Дж. Колемана, *проявляется не столько в обеспеченности школы материальными ресурсами, сколько в ее способности нивелировать социальное неравенство учащихся. Школа может сглаживать неравенство детей по их происхождению.*

Рост социального капитала рассматривается как развитие детей соответственно нормам общества в постоянной связи с взрослыми. Такие отношения важны для становления детей в социальной структуре. Социальный капитал формируется не только в семье, но и за ее пределами, в обществе и определяет возможности социализации. Роль семьи заключается в том, что в ней происходит первоначальное развитие познания у детей, и в ней люди получают первый социальный опыт. Ресурс семьи различен для многих людей, но может стать значительным для молодых ребят и подростков только в социальном контакте со взрослыми. Церковь также является организацией, которая создает сети и связи людей. Церковь, семья и школа выступают такими организациями, которые могут обеспечить нормативную связь и закрытость сетей, что требуется для успешного развития детей.

Дж. Колеман увидел сходство социального капитала с общественным товаром, который формируется и *приносит прибыль не только тем, кто пытается его реализовать, но и всем, кто является частью социальной структуры*¹³.

В рамках социального капитала формируется культурный капитал. *Отношение строится на основе ценностей и норм, которые представляют, что можно и чего нельзя в социальной жизни*¹⁴. Нормы и ценности, произведения искус-

ства и архитектуры создаются в условиях социального взаимодействия.

Понятие «социальный капитал» используется для анализа таких сфер, как социальная стратификация и социальная мобильность. Особое внимание уделяется среднему классу, молодежи и ее социализации, расовым и гендерным проблемам. В этой связи, как показал Дж. Лури, *социальный капитал необходим для концентрации человеческого капитала*¹⁵, а значит и индивидуальных смыслов как основы идентичности. Иными словами, социальные механизмы воспроизводства общества, обеспеченные социальным капиталом, действуют в интересах человека.

По мнению Н.Е. Тихоновой, «социальный капитал понимается не столько как наличие основанных на доверии отношений или включенность в неформальные сети взаимоотношений или добровольческие ассоциации, сколько как одна из форм находящегося в распоряжении акторов капитала, различные формы которого (экономический, властный, культурный и т.д.) способны самовоспроизводиться и накапливаться, имеют ликвидность и доступный для измерения объем, конвертируются одна в другую и, самое главное, обеспечивают самовозрастание совокупного капитала — качество, принципиально отличающее капитал в любой его форме от «просто» ресурса»¹⁶.

Поэтому социальным капиталом может считаться лишь тот наращенный объем связей, влияния и доверия, который препятствует маргинализации общества. В противном случае коррупционные связи окажутся наиболее крепкими. Для таких стран, как Россия, Индия применение понятия «социальный капитал», предназначенного для западного общества, открывает ряд незамеченных западными авторами существенных характеристик. *Во-первых, то, что частные и корпоративные цели, связи и доверие не создают социального капитала до тех пор, пока они не работают на общество в целом.* Так, доверие в банде не является социальным капиталом. Это приводит нас к выводу, что дефиниция социального капитала должна быть изменена в сторону большей универсальности, которую она может обрести при учете опыта незападных стран. *Во-вторых, если социальный ка-*

питал есть действительно капитал, то он распределяется неравномерно и может приватизироваться, как и другие виды капитала, что лишает его общественного предназначения — работы на общество в целом. На это обратила внимание Н.Е. Тихонова, которая привела расчеты индексов распределения социального капитала у различных групп населения по трем типам связей, формирующих социальный капитал — вовлеченности в повседневные контакты и поддержку (доверительность), включенных в институциональные сети — «ассоциации» (взаимоподдержка) и наличие связей (доступ к дефицитному ресурсу)¹⁷. Этот последний уровень обеспечивает больший капитал.

Основной упор делается сегодня на развитие интеллектуальных способностей человека. Во многих случаях экономическая и социальная отсталость мешает решению этой задачи. Развитие высокотехнологичных производств сегодня обеспечивается не столько увеличением затрат труда и капитала, сколько повышением эффективности производства, которая зависит не только от экономических факторов. Одним из таких является социальный капитал. Как отмечает А.В. Воробьев, «успех Финляндии и других скандинавских «тигров» целиком обусловлен инвестициями в их человеческий и социальный капитал, а также «эффективностью управления государственными расходами», а не запасами недр и их продаж за рубеж»¹⁸.

При этом он добавляет, что первоочередными остаются экономические задачи, рост ВВП, развитие реального сектора экономики. По мере того как информация и знания начинают быть базовым ресурсом современной экономики, появляются такие понятия, как «социальный капитал». Автор пишет: «Термин «капитал» нами рассматривается не в сугубо экономическом значении как самовозрастающая стоимость, а для того, чтобы подчеркнуть особую значимость социальной составляющей современного общества («капитал» в переводе с латинского — главный)»¹⁹.

Конвертируемость различных видов капитала

В.В. Радаев отмечает, что сегодня насчитывается несколько видов капитала, еще больше, чем приведено выше:

экономический; физический; культурный, человеческий; социальный (который иногда рассматривается как включающий в себя человеческий, культурный и символический); административный; политический; символический. Экономический капитал включает в себя денежный капитал (финансовые средства), производственный капитал (средства производства), товарный капитал (готовые продукты). Иногда сюда включаются активы домашней хозяйственной деятельности²⁰. Социальный капитал, по мнению автора, экономически значим, поскольку «он связан с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами»²¹. Это происходит потому, что социальный капитал определен (например, Дж. Колеманом) как отношения, порождающие действия и вызывающие ожидания ответственных действий от других без применения санкций, т.е. доверие.

В.В. Радаев, занимающийся экономической социологией, обнаружил полезное свойство этих категорий в сближении наук, в одновременном применении их в сфере социологии, экономики и других дисциплин. Проанализируем его концепцию и, следуя его методологии, попытаемся дать понятие социального капитала.

Прежде всего, В.В. Радаев анализирует свойства экономического капитала, которые могли бы позволить применить это понятие в отношении общества, человека, культуры. К ним он относит капитал:

- как ограниченный хозяйственный ресурс;
- как накапливаемый хозяйственный ресурс;
- как ресурс, способный превращаться в денежную форму;
- как стоимость, воспроизводящаяся в процессе непрерывного кругооборота форм;
- как стоимость, приносящая новую, добавочную стоимость.

В результате, под капиталом В.В. Радаев понимает «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»²².

Однако это понимание может быть расширено. Если экономический капитал включает в себя денежный, произ-

водственный и товарный капиталы, то человеческий капитал с экономической точки зрения — это знания, умения, навыки человека, полученные посредством образования, которые являются источником дохода человека в будущем. Одна экономическая трактовка недостаточна. Она слишком узка даже для сегодняшних потребностей экономики, не говоря уже о том, что человеческий капитал способен характеризовать развитие человека, способы его социализации, рефлексии и пр.

Культурный капитал дан в нерелфескируемом, практическом знании, когда человек не размышляет над нормами поведения в своем сообществе, а считает их естественными в результате воспитания в семье и других первичных социальных группах, а также своей жизни в обществе, пройденной социализации.

В.В. Радаев пишет: «Каждый капитал стремится к доминированию, однако среди всех перечисленных форм экономический капитал по праву занимает центральное место... он изначально близок своему политико-экономическому понятию... на эмпирическом уровне параметры экономического капитала, как правило, коррелируют со многими параметрами, обозначающими количество и качество прочих ресурсов. Тем не менее... при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным»²³.

Если автор этого высказывания признает, что для экономики недостаточно понятия «экономический капитал», то предшествующая его мысль о господстве экономического капитала теряет смысл. Понятия о социальном и других видах капитала (человеческом, культурном, символическом) введены, прежде всего, с целью отказа от этой нелиберальной трактовки господства экономики, экономоцентризма. Термин «капитал» в отношении человека, культуры, общества стал возможным для доказательства того, что они есть: капитал — это ограниченный ресурс; это — накапливаемый ресурс; это — ресурс, способный превращаться в ценностную и институциональную формы; это — ценность, производящаяся в процессе непрерывного кругооборота форм; это — ценности, приносящие новые ценности и формирующие приемлемое

для жизни общество; это — ресурс, без которого не может функционировать экономический капитал и капитализм в цивилизованной форме, без которых он становится «диким», криминальным, коррумпированным, корпоративным, антинациональным пр.

В результате, под социальным капиталом, опираясь на определение экономического капитала В.В. Радаевым, можно понимать накапливаемый ценностный и институциональный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания ценностей, общественных связей, доверия, развития человека и культуры путем взаимной конвертации своих разнообразных форм, включая экономическую, но отводя ей определенное место, подчиненное другим формам капитала.

Как уже было отмечено, В.В. Радаев в иерархии капиталов на первое место ставит экономический. Он считает, что «все указанные формы капитала могут в той или иной мере конвертироваться в экономический капитал, в том числе и в денежную форму. Социальный капитал приносит информацию об экономических ресурсах. Административный капитал открывает наиболее краткий путь к их источникам, а политический капитал дает возможности побороться за их источники. Культурный капитал облегчает способы мобилизации экономического капитала. Символический капитал позволяет представить его более значительным в глазах других агентов. Наконец, человеческий и физический капиталы помогают извлекать из использования экономических ресурсов наибольшие доходы»²⁴. Аналогичным образом экономический капитал облегчает доступ к другим видам капитала.

Выше было отмечено, что в экономике Скандинавских стран, особенно Финляндии, продуктивно используется социальный, культурный и человеческий капиталы. Интересно, что Государственный институт экономических исследований имеет специальное подразделение, занятое изучением социального капитала и степени его развитости в Финляндии. В выпущенной этим институтом книге по социальному капиталу, в частности, обсуждаются: социальный капитал и экономическая эффективность; социальный капитал и переходные экономики; может ли региональный эко-

номический рост быть объяснен с помощью социального капитала; социальный капитал и уменьшение бедности.

Отмечается особая значимость социального капитала для регионального социума, так как здесь социальные связи более прочные и более очевидны, и люди более тесно связаны между собой, чем в обществе большего размера. Локальная значимость социального капитала состоит в том, что он легко мобилизуется для экономических и других целей. Даже Парламентская комиссия Финляндии по проблемам будущего занимается исследованием социального капитала, сосредотачиваясь на проблемах образования, производительности, равенства. Исторические корни социального капитала финские исследователи находят в трудах А. Смита, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Веблена и других исследователей, рассматривавших соотношение социальных и экономических структур. Понятие социального капитала в Финляндии используется в концепции социальной помощи и улучшения благосостояния населения, в концепции социального государства. Россия, согласно 7 статье Конституции, также является социальным государством, и для нас также необходимо изучение социального капитала. Финны применяют понятие социального капитала в образовательной политике, политике в сфере труда, в решении жилищных проблем. Их интересуют сети, функционирующие в качестве социального капитала – от простых знакомств, соседства, родства, семьи, корпорации, до более обширных, охватывающих все общество связей.

Разрабатывается концепция сетей, сетевого капитала и сетевого социального капитала, их пересечений. Подчеркивается значимость локальных сетей, которые могут быть защищены традициями, примордиальными формами солидарности, хотя это и создает открытость от социальных институтов. Социальный капитал влияет на рост экономического капитала региона. В данной работе используется концепция Мирового банка, который говорит, что устойчивое развитие обеспечивается ростом социального капитала. Именно Всемирный банк пытается интегрировать различные определения социального капитала, сделанные для раз-

ных сфер общества в нечто целостное: «Все они подразумевают, что социальные отношения и институты характеризуются как виды общественного богатства. Поскольку выгоды таких общественных благ невозможно получить частным образом, то большинство рациональных акторов недоинвестирует в их поддержание. Поэтому социальные институты и отношения имеют только публичную поддержку. В таком случае вызов заключается в том, чтобы найти такие меры социальной политики, которые поддерживают социальный капитал»²⁵.

Аналитически-консалтинговая российская компания подготовила доклад «Доверие в экономике: количественная оценка», где введен количественный индекс доверия – одно из важнейших составляющих социального капитала: «Одним из главных уроков изучения экономической жизни является то, что благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия»²⁶. Что собой представляет доверие как экономическая категория? От чего зависит уровень доверия и можно ли его измерить? Если можно измерить уровень доверия, возможно ли регулярно рассчитывать индекс доверия? Какова практическая польза от этого инструмента – индекса доверия? – вот далеко не весь перечень проблем, анализируемых в докладе.

В определении понятия «доверие» заинтересованы и экономисты, и социологи. Доверие может быть определено как уверенность в ком-нибудь или в чем-нибудь. Особую роль доверие играет в экономике. Через доверие здесь проверяется развитость социального капитала. Без доверия невозможны инвестиции, растут транзакционные издержки и замедляется экономический рост. Впереди оказываются страны с более высоким уровнем доверия.

Таким образом, выявлены два источника представлений о внеэкономическом капитале: потребности экономики в использовании в приспособлении социальных, культурных и человеческих ресурсов, с одной стороны, и потребности общества, культуры, интересы развития человека, ценные сами по себе, с другой.

Примечания

- ¹ Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. — М.: 2002. — С. 121.
- ² Цит. по: Van Lin. Social Capital. A Theory of Social Structure and action. Cambridge, 2001. — P. 22.
- ³ Field J. Social Capital. — L.; N. Y., 2003. — P. 2.
- ⁴ Шверт Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 1—2.
- ⁵ Ibid. — P. 32.
- ⁶ Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // ОНС. 2004. № 4. — С. 24—35.
- ⁷ Радаев В.В. Понятие капитала, форма капиталов и их конвергенция // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. — С. 20—31.
- ⁸ Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Ноябрь 2002. № 5. — С. 60.
- ⁹ Бурдые П. Социология политики. — М.: Socio-logos, 1993. — С. 208.
- ¹⁰ Бурдые П. Формы капитала. — С. 60.
- ¹¹ Элиас Н. Общество индивидов. — М., 2001. — С. 19.
- ¹² Цит по: Field J. Social Capital. — P. 21.
- ¹³ Ibid. — P. 24.
- ¹⁴ Гидденс Э. Социология. — М., 1999. — С. 43.
- ¹⁵ Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differencies // Women, minorities, and employment discrimination / Ed. by P.A. Wallace, A. Le Mund. Lexington, MA. 1977.
- ¹⁶ Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. — С. 25—26.
- ¹⁷ Там же. — С. 25.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. — С. 23.
- ²¹ Там же. — С. 26.
- ²² Там же. — С. 21.
- ²³ Там же. — С. 29.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Social Capital. Global and Local Perspectives. — Helsinki. 2000. — P. 9.
- ²⁶ Николаев И.А., С.В. Ефимов, Марушкина Е.В. Доверие в экономике: количественная оценка. Аналитический доклад. Аудиторско-консалтинговая компания «ФБК». Департамент стратегического анализа. Москва, март 2006 г.

ИСТОКИ КРИЗИСА — НЕ В ЭКОНОМИКЕ!

В.И. ФИЛИН

Отсутствие полноценного гражданского общества является основой кризисных явлений. Истоки кризиса находятся не на поверхности, и не только в плоскости экономики, но значительно глубже — в структуре отношений между государством и обществом, обусловленной высокой дистанцией власти, низким уровнем доверия и слабой субъектной позицией.

В экономике не бывает ничего «неожиданного»

Мировой финансовый кризис вскоре стали называть кризисом экономическим, а сегодня мы можем наблюдать и его социальные последствия.

Практически все население страны обеспокоено пришедшим к нам из-за рубежа экономическим кризисом. Экономика нашей страны, после начала ипотечного кризиса в США, также вступила в стадию рецессии.

— Так, практически свернута еще не начавшаяся программа ипотечного жилья.

— Ведущие банки страны объявляют о прекращении ипотечного кредитования.

— Повышаются кредитные ставки, сокращается выдача кредитов.

— Останавливаются промышленные предприятия, снижается выпуск металла, потянувший за собой добычу угля, соответственно, сокращаются рабочие места.

Если кризис начался в США, то уместен вопрос — почему в России, в стране с огромным потенциалом как природных богатств, так и интеллектуальных ресурсов, резко падает национальная валюта (рубль снизился на 34,5% по отношению к бивалютной корзине) и в связи с чем гигантскими темпами растет валюта страны, в которой кризис зародился? Что же это за феномен такой, когда печатаются триллионы долларов, не подкрепленных по существу ни золотовалютными активами страны (в США золотовалютный запас равен 65 млрд долл.), ни экономикой этой страны, находящейся в трансе, однако доминирующей над на-

шим рублем, в значительной степени обеспеченным активами страны и ее золотовалютным резервом (427,1 млрд долл.)?

Есть ли объяснение такому явлению и возможен ли выход из данной ситуации?

Весной 2008 г. правительством было официально заявлено о рекордных темпах экономики и гигантском росте Резервного фонда и золотовалютных запасов страны — около 600 млрд долл. США. Население убеждали в том, что якобы ему ничего не грозит, ибо мы третьи в мире после Китая (1,8 трлн. долл. США) и Японии (1,0 трлн. долл. США) по золотовалютному запасу. И вдруг «неожиданно» мы оказываемся втянутыми в кризисный штопор мировой экономики.

Но в экономике не бывает ничего «неожиданного». Переориентировав экономическую модель на экспорт сырьевых ресурсов (37% валютных доходов от всех продаж), и разместив вырученные средства в иностранных компаниях и банках, укрепляя тем самым экономику зарубежных стран, правительство практически отказалось от поддержки своего товаропроизводителя, закрыв инвестиции из Резервного фонда в собственный сектор экономики.

Данное стратегическое решение государства предлагалось обществу как единственно возможное и наиболее эффективное, в то время как уже были построены модели динамики банковской системы, прогнозирувавшие ее коллапс (И.Г. Поспелов), научное сообщество активно предлагало альтернативные экономические модели (С. Глазьев, М. Хазин и др.). Были проведены точные расчеты (Е.В. Попова — помощник руководителя Администрации Президента), согласно которым, при инвестиции в реальный сектор экономики за счет Стабилизационного фонда 3 — 5 млрд. долл. США в дополнении к реальному уровню — уровень прогнозного тренда в 6% может составить 1,0 — 1,5%. Таким образом, рост экономики составит 7 — 7,5% в год, что увеличило бы ВВП к 2011 г. в два раза и позволило бы снизить инфляцию до 1,0 — 2,0%.

Однако что же происходило на деле? Министерством финансов было заявлено, что мы достаточно удачно разместили свой Резервный Фонд и Золотовалютный запас в зарубежной валюте и акциях зарубежных компаний, отчего доход от такого размещения составляет в год 4% — от дол-

ларового размещения и 2% — от размещения в евро, а поскольку это в двух мировых валютах — то и опасаться нам нечего. В то же время Внешторгбанк брал кредиты под 6,25%. Были также приобретены акции западных компаний, находящихся в настоящее время в стадии банкротства.

Взяв за основу норвежскую модель по использованию золотовалютных запасов страны, правительство не провело детального анализа эффективности этой модели, в частности, тех выгод, которые эта модель дала самой Норвегии.

В Норвегии самый высокий уровень социальной защищенности. По результатам 2005 г. ООН определил ее как страну с самым высоким уровнем жизни, а также с отлаженным новейшим производством, находящейся на постиндустриальной стадии развития. Мы же по доходам на душу населения занимаем лишь 97 место в мире. Доля государственных расходов в ВВП Норвегии составляет около 50%, в России этот показатель не дотягивает и до 30%, а это ведь фактор влияния на экономическое развитие обеспечение стабильности и социальной справедливости в стране. Что же касается валового дохода на душу населения, то в России он в 8 раз ниже, чем в Норвегии. Такая страна, как Норвегия, с устойчивой экономикой и не имеющая социальных проблем, может рисковать потерей нескольких миллиардов долларов от вложения нефтедолларов в зарубежные компании и банки. Суммарный результат от размещения Норвежского Государственного нефтяного фонда в облигации иностранных правительств и акции крупнейших Транснациональных Корпораций в 2002 г. составил отрицательный баланс в — 4,7%.

Зная об отрицательном результате, государство разместило в 2007 г. 97% валютных резервов страны в зарубежные банки и компании, что составило 280 млрд долл. США, в отличие от Китая при 1,8 трл. долл. США, разместившего 4,7%, Гонконга при 132 млрд. долл. США, разместившего 0,3%, Японии при 1 трл. долл. США, разместившей 0,0004%. И наконец, самого США при 65 млрд. долл. США разместившего 0%.

После размещения Стабилизационного фонда и Золотовалютного резерва страны за рубежом экономика России стала в значительной мере зависеть от экономик США и

Европы. К сожалению, нас связали не только экономически, но и политически, со всеми вытекающими из этого возможными последствиями.

Представляется, что кризисные явления, которые с нарастающей силой проявляются в нашей стране, обусловлены не столько внешними экономическими факторами, сколько внутренними и должны рассматриваться как индикаторы слабости и низкой эффективности социально-экономических, политических, управленческих подсистем современного российского общества.

Обосновывая данный вывод, обратимся к исследованию, проведенному большой группой западных экономистов под руководством Тиффера и Ширли (финансирование осуществлял Всемирный банк). Цель исследования была выяснить, какие факторы более всего влияют на развитие страны в смысле доли валового дохода на душу населения. В ходе проекта, который был завершен в 1994 г., было исследовано 84 страны. Получилось, что такие факторы, которые обычно относят к экономической политике: уровень инфляции, собираемость налогов, открытость для внешней торговли, — не являются определяющими. Гораздо сильнее влияют правила, которые действуют в стране: власть закона, риск экспроприации, угроза дефолта и несоблюдение правительством своих контрактных обязательств, уровень коррупции, качество бюрократии. То, что связано с правилами, влияет в два раза сильнее, чем то, что связано с хорошей экономической политикой. Страна, которая имеет плохую экономическую политику, но простую, ясную прочную систему правил, развивается существенно лучше, чем страна, где замечательное правительство проводит очень мудрую экономическую политику¹.

Отсутствие полноценного гражданского общества является основой кризисных явлений. Истоки кризиса находятся не на поверхности, т.е. не только в плоскости экономики, а значительно глубже — в структуре отношений между государством и обществом, обусловленной высокой дистанцией власти, низким уровнем доверия и слабой субъектной позицией.

Современное российское общество является квази-гражданским, поскольку его структуры и институты обла-

дают лишь формальными признаками образований гражданского общества и не выполняют его основных функций.

Среди основных функций гражданского общества можно выделить следующие:

1) обеспечение обратной связи (коммуникации) с государством;

2) содействие конструктивной общественной кооперации.

Сегодня у нас социальные институты гражданского общества только формируются, а потенциал самоорганизации достаточно низок.

Коммуникация нарушена как по вертикали, так и по горизонтали. Для решения вопросов любого уровня используется вертикаль, причем в более выигрышном положении находится субъект, имеющий возможность непосредственного доступа к вертикали власти (включается так называемый административный ресурс).

Нарушение горизонтальных коммуникаций приводит к разобщенности социальных факторов. Складывается достаточно серьезная ситуация, грозящая спонтанными проявлениями общественного протеста и недоверия к власти. Разобщенное общество не может адекватно и своевременно отреагировать на изменения ситуации, вызванные решениями и реформами сверху. Нарастает социальное напряжение без конструктивного выхода, поскольку нет канала обратной связи и не сформированы общественные институты, выражающие интересы общества.

В настоящее время мы находимся в состоянии предкризисного напряжения, что сильно увеличивает социальные риски.

С понятием гражданское общество тесно связано понятие социальный капитал. Как пишет А. Аузан, «социальный капитал — это продукт, который производит гражданское общество. Экономический капитал — основа и продукт бизнеса. Человеческий капитал — продукт, например, таких вещей, как образование. А социальный капитал производится гражданским обществом и только гражданским обществом»².

Можем ли мы оценить наш социальный капитал, и возможные эффекты от инвестиций в него? «Подобно другим

формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно»².

Проявляет себя социальный капитал в таких формах, как обязательства, эффективные нормы, открытые информационные каналы. Способствует развитию социального капитала замкнутость внутренних коммуникаций и эффективные организационные структуры.

Основное значение социального капитала в процессе формирования гражданского общества состоит в том, что социальный капитал создает пространство доверия, т.е. необходимые условия для эффективной социальной коммуникации. Как в бизнесе, где капитал прирастает к капиталу, так и в социальной сфере доверие рождает доверие.

Проблема стабильности в стране – это проблема доверия действующей власти. Примеров тому в истории достаточно – это великая депрессия в США 1929 г. Это финансовый кризис в Германии в 1922 – 1923 гг., да и наш собственный дефолт 1998 г.

Для восстановления доверия к власти и ее институтам, ей потребуются кардинально изменить подход к решению экономических проблем. Необходимо привлечь все население, активизировать его в части решения задач по достижению наивысшего уровня жизни в стране.

Необходима национальная идея

Такой идеей может стать признание населения страны как реального собственника всех активов государства, представив населению юридически оформленное подтверждение на долю его собственности. Именно данное право закреплено Конституцией РФ. Только в том случае, когда население убедится, что оно реально может влиять на экономику страны, можно рассчитывать на положительный результат и доверие к власти со стороны народа. Необходимо расширение государственного сектора экономики в области стратегических направлений промышленности, а также создание Народных предприятий в стране, которое во взаимодействии с государственным сектором экономики будет способствовать формированию и расширению как сред-

него, так и малого бизнеса, составляющего сегодня доходность в структуре ВВП лишь 10 – 12% (в США – около 90%). К счастью, мы еще обладаем определенными золотовалютными ресурсами, которые необходимо направить в нужное русло, а именно – определить стратегическую линию в части вложения денег из Стабилизационного фонда.

Принимая во внимание все вышесказанное, я предлагаю свой Проект вывода страны из кризиса, его главная составляющая – формирование гражданского общества на фоне повышения благосостояния всего населения. И по сути, и по целям, и по предлагаемым способам выхода из кризиса – это социально-экономический проект под названием **«АКЦИЯ»**.

Проект «Акция» представляет собой программу, в которой отражены не только актуальные ориентиры и общие задачи, но и уточнены сроки достижения подцелей, скоординированы усилия исполнителей на основе глубокого изучения исходного уровня развития социально-экономического объекта и социальных нормативов. Проект характеризуется глубокой проработкой социальных задач и включает меры как социально-диагностического, так и организационно-управленческого (технологического) обеспечения.

Проект «АКЦИЯ», предлагаемый в качестве инновационной технологии социального управления, призван решить комплекс жизненно важных проблем, стоящих перед российским обществом и государством на этапе перехода к новым принципам государственно-общественных отношений и на качественно новый этап инновационного развития.

Основная цель проекта – формирование гражданского общества и сплочения нации через проведение акционирования всех активов государства населением страны и формирование чувства реальной принадлежности к активам государства как собственника.

Социальные последствия достижения данной цели должны выразиться в том, что население, реально ощутив значимость своей роли в управлении государством, должно почувствовать также и свою ответственность за происходящее в стране, а, следовательно – с более высоким уровнем осознанности настроиться на цели развития и процветания страны.

По замыслу проекта, *после установления оценки всей государственной собственности, каждый гражданин РФ получает именную акцию достоинством в 4 млн руб.*, дающую право получения дивидендов от вложения ее в государственный сектор экономики страны.

Акция размещается населением через «Общенародный фонд» в одном из представленных им перечне госпредприятий. Далее «Общенародный фонд» определяет процент дивидендов по каждому из предлагаемых госпредприятий. Государство обеспечивает поквартальную выплату дивидендов в соответствии с установленным процентом, но не менее 2,5% номинала акции. Причем каждый акционер вправе перевести свою акцию в другое госпредприятие, но не ранее отчетного годового собрания предприятия, в котором размещена его акция.

В отличие от ваучера, акция является:

- *именной,*
- *не продаваемой,*
- *не закладываемой,*
- *не передаваемой третьим лицам,*
- *и по наследству.*

Одним из основных достижений подобного акционирования является то, что население, став реальным акционером, становится совладельцем предприятий госсектора, в которые им были вложены акции, и осуществляет контроль за работой как топ-менеджеров предприятий, так и чиновников, их обслуживающих. В результате не только более эффективно используются трудовые ресурсы, а значит – получение большей прибыли и налоговых отчислений, но и начинают формироваться гражданские институты.

Более того, всенародное акционирование госсектора экономики страны исключает возможность приватизации госпредприятий одним лицом или группой лиц, концентрирующих огромные финансовые средства, что решает проблемы социального неравенства, коррупции и возможности несправедливого перераспределения государственных ресурсов.

Акционирование также открывает реальную конкуренцию между госсектором и частным бизнесом, что должно

привести к значительному повышению качества продукции и услуг, а также снижению их стоимости, что способствует удовлетворению потребностей граждан в сфере повышения материального благополучия. В то же время оно способствует развитию среднего и малого бизнеса.

Ключевым моментом акционирования является то, *что стабилизационный фонд не раздается населению, а становится залоговым инструментом, который призван обеспечить своим финансовым ресурсом совместно с золотовалютным резервным фондом страны и ее активами платежеспособность выпущенных акций.* Примечательно также, что предлагаемый проект *исключает инфляцию*, так как деньги населению поступают от прибыли предприятий, выпускающих продукцию или оказывающих услуги, где размещены акции, что означает обеспечение рублевой массы получаемой населением от дивидендов, производимой госсектором продукцией и услуг.

Обеспечение государством платежеспособности акций предоставляет возможности для восстановления и расширения государственного строительного сектора и решения проблемы обеспечения дешевым жильем населения страны в короткие сроки, что также способствует удовлетворению одной из основных потребностей населения.

Кроме того, обеспечение всего населения страны акциями на собственность независимо от возраста (а значит, выдачу его гражданину Российской Федерации с момента рождения) способствует росту населения страны, решению демографической проблемы, которая на сегодня является одной из острейших проблем российского государства.

Данный проект, вернув населению уверенность в завтрашнем дне, представляет возможность разморозить имеющиеся у населения многомиллиардные (как рублевые, так и валютные) финансовые средства и вложить их в экономику страны, обеспечив тем самым свое благосостояние и укрепив нашу национальную валюту.

Исполнение данного проекта может быть поручено «Общенародному фонду», создание которого является ключевым моментом проекта, так как для осуществления взаимоотношений с государством обществу необходимо сфор-

мировать субъекта ответственности, осуществляющего координацию и управление данным проектом. Необходимо отметить, что подобные Фонды общенационального значения сегодня создаются во многих странах мира. Они работают уже десятки лет и имеют огромное значение в социальной сфере государств. В качестве примера можно привести штат Аляска в США, где граждане получают дивиденды от добычи нефти посредством фонда. Общая сумма на каждого гражданина Аляски составляет величину достаточно внушительную — 52 тысячи долларов, в той же Норвегии общая сумма составляет 34 — 35 тысяч долларов на человека.

Кроме того, «Общенародный фонд» — не столько коммерческий проект, нацеленный на получение дивидендов, сколько последовательная цепь событий в самых важных сторонах общественной жизни. Политической составляющей этого проекта является создание системы развитого общественного правления, где сознательные, информированные, обладающие правом на часть общенародной собственности граждане будут формировать эффективную, патристичную властную элиту, способствуя таким образом становлению гармонии между государственным управлением и общественным самоуправлением.

Комплексные социально-экономические последствия реализации проекта «Акция»:

- Стабилизационный Фонд начинает работать на экономику страны, что предполагает мощный экономический рост за счет масштабного вливания дополнительных финансовых средств (15 триллионов руб.) в госсектор экономики.
- Усиливается научно-промышленный потенциал страны.
- Осуществляется повышение жизненного уровня населения.
- Население получает дополнительные рабочие места.
- Возвращается уверенность в завтрашнем дне.
- Формируются позитивные демографические тенденции.
- Снижается социальная напряженность в стране.
- Все население становится реальным собственником активов страны и таким образом принимает участие в управлении общенародными ресурсами.

Таким образом, анализируя сущность и содержание проекта «Акция», можно сделать вывод о том, что проект «Ак-

ция» представляет собой универсальный механизм урегулирования социальных противоречий и удовлетворения ведущих потребностей общества, обладающий высоким потенциалом реализации при получении (разрешительной) поддержки государства и (деятельностной) поддержки общества.

Универсальность данного механизма заключается в том, что в процессе реализации данного проекта:

— достигаются значимые как для государства, так и для общества цели социально-экономического свойства (причем как в сфере удовлетворения текущих потребностей в насущно-необходимом, так и в сфере становления инновационной экономики);

— решаются ранее неразрешимые, весьма актуальные для общества проблемы социальной несправедливости и социальных противоречий (что, кстати, является профилактикой социального взрыва, обусловленного недовольством своего положения у большинства граждан страны);

— формируется инновационный по существу вид общественно-государственной формации, основанный на принципах совместного владения национальной собственностью, взаимосогласования интересов, гармонизации процессов управления и самоуправления, а также — выстраивания единой стратегии развития.

Все вышеизложенное, а также актуальность, востребованность и масштабность данного проекта позволяют вывести данную инициативу на уровень общенациональной идеи, способной мобилизовать общество на достижение стратегической цели инновационного прорыва, конечным итогом которого должно стать получение значительных конкурентных преимуществ в условиях экономического кризиса, что, собственно, и требуется в настоящий момент российскому обществу более всего.

Примечания

¹ См. об этом: Аузан А. Общественный договор и гражданское общество. Лекция. 24 января 2005 г. / www.polit.ru

² См. там же.

³ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. — С. 124.

КРИЗИС КАК ПОТЕНЦИАЛ И РЕСУРС

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Нынешний все расширяющийся и углубляющийся кризис является серьезным испытанием на профессионализм. В том числе – для специалистов по социальным коммуникациям. Не секрет, что в кризисной ситуации руководство компаний, проводя неизбежные сокращения, одними из первых в топку этих сокращений отправляет специалистов по связям с общественностью, корпоративной социальной ответственности. Разумеется, в каждом конкретном случае владельцам и топ-менеджменту виднее, кто должен, как говорил И.В. Сталин, «выпасть из партийной тележки на этом повороте истории». Но все же хотелось бы обратить внимание на некоторые важные обстоятельства, которые могут предохранить от излишне поспешных решений. Да и профессиональное сообщество должно отдавать себе отчет в своих возможностях и востребованности, пусть даже слабо осознаваемой и артикулируемой.

От кризисов никто не застрахован. Это всегда форсмажор: глобальный финансовый кризис, политический кризис, природный катаклизм... Разумеется, любой кризис – пренеприятнейшая вещь. Но эффективный менеджмент, да и бизнес в целом, на то и являются деловой активностью, чтобы извлекать пользу из любого обстоятельства, переправляя, по возможности, минусы на плюсы. Так и кризис, создавая весьма серьезные проблемы, обладает некоторыми особенностями, позволяющими говорить о нем как существенном ресурсе развития, включая репутационный, имиджевый потенциал. Задача в том, чтобы определить его и грамотно использовать.

Прежде всего, это связано с тем обстоятельством, что в условиях кризиса легче проводить нововведение: провести реорганизацию, перепрофилироваться, сменить организационно-правовую форму, избавиться от неудобных и т.д. В этом плане возможности кризиса настолько существенны, что ими не только пользуются «по факту», но и, как хорошо известно из новейшей истории, сознательно организуют или провоцируют кризисную ситуацию. Правда, такая практи-

ка достаточно рискованна. Разоблаченная провокация и связанная с нею манипуляция серьезно бьют по манипулятору. (Достаточно вспомнить однотипные «российские августовские ситуации» 1917 и 1991 гг.)

Как возможности реализации потенциала кризиса, так и порождаемые проблемы, большей частью связаны именно с социальными связями и отношениями, социальным позиционированием компании. Обозначим главные из них.

Разъяснительная работа. Пожалуй, это главное, чего ждут от руководителя. Понимание происходящего, какие решения приняты или будут приняты. Что ожидается в перспективе: ближней и хотя бы – среднесрочной. И на разъяснительную работу нельзя жалеть время. Отсутствие разъяснений со стороны руководства деморализует коллектив, становится источником слухов, а то и паники. Особенно необходима эта работа, если существенную часть персонала компании составляют лица женского гендера. И отнюдь не потому, что представительниц прекрасного пола отличает какая-то «непонятливость». Наоборот. Женское мировосприятие радикально отличается от мужского. Используя компьютерную метафору, можно сказать, что мужчина всегда в каком-то одном файле, для того, чтобы перейти в другой «файл» (жизненную ситуацию), ему надо выйти в «директорий». Женщина же в любой момент позиционирует себя во всех «файлах» одновременно, она всегда строит целостную осмысленную картину мира, в центре которого находится она сама. И в кризисе эта целостность начинает «съезжать», рушиться. Именно поэтому женщины легче впадают в панику – не по недомыслию, а, наоборот – в силу излишней смысловой нагруженности происходящего. И в этом случае надо особенно не жалеть времени на разъяснения: почему кризис, в чем его причины, какие приняты решения, какие ожидаем последствия...

Корпоративная культура. Кризис не только испытание ее на прочность. Успешное прохождение кризиса – мощный источник формирования и развития корпоративной культуры, выводит ее на новый уровень. Оно стимулирует оздоровление, сплоченность коллектива. Кризис и его преодоление оставляют неизгладимый – героический – след в истории компании, порождают свой эпос, легенды, героев...

В кризисной ситуации важен *личный имидж руководства*, спокойствие, ясность понимания. Особую роль играет сохранение руководителем чувства юмора (в меру). Как вспоминал один полярник, однажды под их лагерем на дрейфующей льдине ночью прошла трещина. Зимовщики, особенно новички, впали в панику: кто-то тащит спасать вещи, оборудование слева направо, кто-то — справа налево. А начальник станции — опытный «полярный волк» — проснулся, посмотрел на эту суету и сказал: «Господи, да куда оно все денется?! Ведь лед кругом». И все враз успокоились. Юмор (в меру) руководителя свидетельство более широкого горизонта понимания, неопасности происходящего. Мы мечемся в панике, а он ходит и улыбается... Значит, он знает что-то такое, чего мы не знаем. Другой разговор, что руководитель может улыбаться, имея билет в кармане и удивляясь, что эти люди еще на работу ходят. Но даже такой случай — подтверждение общего правила, поскольку свидетельствует о «большем понимании» происходящего. В нормальной же ситуации руководитель должен «держаться лицом», готовя себя к роли «спасителя» (компании, нации). У кризисов есть удивительная особенность — они рано или поздно проходят. И к этому надо готовить себя и подчиненных. Выход из кризиса позиционирует руководителя как лицо, прошедшего тех, кто был в зоне его ответственности, через все эти перипетии, что именно благодаря его мудрому руководству мы вышли из этих испытаний «изрядно ошипанные, но не побежденные».

Дело, однако, не только в личных коммуникациях.

PR как Public Relations и Public Responsibility: от недоверия к социальной ответственности и социальному партнерству. Когда в одном из недавних телевизионных интервью главу Сбербанка РФ Г. Грефа спросили — что может быть залогом успешного прохождения кризиса, он ответил: «прежде всего — крепкая корпоративная культура и социальная ответственность». И, думается, он глубоко прав.

Закреплению позиций на рынке способствует укрепление репутации, испытанием которой становится кризис. По общему мнению отечественных и зарубежных экспертов, одним из решающих факторов возникновения и раскручивания нынешнего кризиса является «кризис доверия». Вза-

имное недоверие бизнеса, общества и власти, недоверие друг другу не только деловых партнеров, но и различных социальных групп разрушительно для экономики в целом, а не только для банковского дела, финансовых отношений. В России же, глубоко травмированной поспешной и несправедливой приватизацией, безответственностью власти и банков во время дефолта, глубоко разлитым правовым нигилизмом и политическим цинизмом, степень и глубина недоверия особенно велики. Впору говорить об экономике современной России как «экономике недоверия». Массовые сокращения, невыплаты зарплаты, неплатежи и невозвраты по кредитам только усугубляют ситуацию. Поэтому кризис в России развивается быстрее и глубже, чем в мире, а риск перерастания финансового и экономического кризиса в кризис социальный, а затем и политический достаточно велик.

Важно понимать, что любые антикризисные меры могут стать эффективными только при условии развития ответственного социального партнерства. Решение же этой задачи не может быть «спущено сверху». Оно может стать результатом только самостоятельно определяемой меры и формы социальной ответственности бизнеса.

Речь ни в коем случае не идет о благотворительности. Филантропия как таковая есть дело личностного выбора каждого — не только бизнесмена, но любого гражданина, включая подростков и пенсионеров. Всерьез и по большому счету благотворительность — не дело бизнеса. Она снижает капитализацию, ведет к нецелевому расходованию средств, формирует отношение к бизнесу как «дойной корове».

Дело бизнеса — *развитие социального партнерства на основе продуманных социальных инвестиций* — как внутренних, так и внешних.

Репутация, социальная ответственность многогранны. Они, разумеется, включают выстраивание отношений с потребителями, партнерами, поставщиками, инвесторами. В том числе — донесение до них информации о своих возможностях и планах.

Бренд и репутация. Экономический кризис выполняет функцию санации рынка, расчищает его, избавляя от слабых, случайных, неконкурентоспособных игроков, оставляя игро-

ков сильных, состоятельных. И это сюжет не только маркетинга, поскольку освобождаются доли рынка. Это и наполнение брендов новым, дополнительным содержанием. Любой бренд – социальный миф, некая история о волшебном артефакте, открывающем дверь в царство мечты. В кризисной ситуации сохраняющийся на рынке бренд приобретает дополнительную смысловую нагрузку: устойчивости, надежности. Поэтому умелое использование этой ситуации дает возможности для закрепления лояльности потребителей данным брендам. Но этим дело не исчерпывается. Кризис дает исключительную возможность демонстрации нашей надежности и ответственности не только рыночным партнерам.

Прежде всего, речь идет о сохранении и обеспечении роста человеческого потенциала предприятия. В оправданном стремлении снижения издержек, в том числе – за счет сокращения занятых, бизнес (если только он хочет существовать и развиваться дальше) должен *сохранить свой человеческий капитал*. Это не просто занятые, «человеческие ресурсы» и т.п., а та часть работников, которая способствует росту капитализации. Без учета этого обстоятельства есть опасность остаться при материальных ресурсах, основных фондах, активизировать и эффективно использовать которые будет весьма проблематично.

Кроме того, сохраняя костяк компании, проявляя о нем заботу, мы резко повышаем свой рейтинг на рынке труда, получая существенное конкурентное преимущество. Наконец, просто нужно помнить, что при выходе из кризиса на рынке труда не будет лишних квалифицированных и компетентных кадров. А учитывая «демографическую яму», в которую Россия погружается одновременно с кризисом, то весьма вероятно проблематичность кадров как таковых.

Внутренние социальные инвестиции оказываются выгодными не только обществу, государству, но и самой компании – как ее работникам, так и бизнесу. Например, если они оформлены в виде коллективного договора, то эти затраты выводятся из-под налогообложения. Для государства такие инвестиции (затраты на образовательные и медицинские услуги, организацию полноценного отдыха, питания работников и т.п.) – не только поддержка социально-культурной сферы, но и одна из мер по сдерживанию инфля-

ции, поскольку эти деньги не обналичиваются. Общественным мнением такое поведение компании воспринимается позитивно, способствуя наращиванию нематериальных активов и конкурентных преимуществ компании не только на рынке, но в социальной среде в целом.

Важное место в условиях кризиса занимают выверенные *внешние социальные инвестиции*. Многие отечественные предприятия активно участвуют в развитии и благоустройстве материальной среды места размещения, участвуют в развитии социально-культурной сферы, гуманитарной деятельности. И политика сокращения издержек в кризисный период не может служить основанием огульного сокращения этих расходов.

Конечно же, частью таких программ придется пожертвовать, но полный отказ чреват негативной реакцией общественного мнения, органов власти: «Нахватали, а теперь шкуру свою спасают...». Поэтому необходим тщательный отбор внешних социальных инвестиций, желательно – в соответствии и согласованием с маркетинговой стратегией развития социальных коммуникаций. Нельзя забывать и о необходимости укрепления доверительных отношений с органами власти, а без внешних социальных инвестиций, совместного решения острых социальных проблем таких отношений не выстроить.

Закреплению этих преимуществ способствует *активная работа со СМИ*, которым нужны не только сенсации и скандалы, но и хорошие новости, если только это действительно затрагивает интересы широкого круга их читателей, слушателей, зрителей.

Все рассмотренные обстоятельства показывают, насколько важна в кризисной ситуации коммуникативная компетентность руководства, насколько важен и востребован в этих условиях профессиональное консультирование. Не только сохранить бизнес, но и выйти из кризиса окрепшими, реализовав отмеченные выше возможности, можно только при условии хорошо просчитанных оптимальных социальных инвестиций, способствующих росту репутации компании, налаживанию прочных позиций на рынках и в обществе, включая отношения с органами власти и СМИ. И упускать такие шансы – не просто ошибка, это – вопиющий непрофессионализм.

ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

В.А. КОЛПАКОВ

Экономической науке присущ ряд отличительных особенностей, которые всегда привлекали внимание методологов науки. На современном этапе развития экономической науки, и особенно в связи с изменением роли экономической теории в процессах социального конструирования и культурно-цивилизационного прогнозирования, которое в полной мере проявилось в самом конце XX в., усилилась необходимость вновь обратиться к таким казалось бы традиционным методологическим проблемам, как: объект и предмет экономической теории, ее эмпирический и теоретический уровни, соотношение фактов и «фикций», т.е. продуктов творческого конструирования, проблема проверяемости экономических выводов (верифицируемость и фальсифицируемость), прогностическая функция экономической теории. Повышенный интерес к методологическим вопросам экономической теории, который произошел в конце XX столетия, отмечают многие исследователи, в частности, американский экономист Иэн М. Стюарт. При этом он обращает внимание на тот факт, что такие традиционные темы, как:

«1. Какова природа теории в экономической науке?

2. Что экономисты могут знать о реальности?

3. В какой степени экономисты могут предсказывать будущее?»¹ все еще остаются главными темами современной экономической методологии.

Этот факт говорит не столько о неизменности исследовательских интересов философов науки, сколько о сложности, трудно поддающейся логической экспликации самого предмета рассмотрения. Ведь методологический анализ этих и других проблем направлен на выявление специфики экономического знания в сравнении его как с естествознанием, так и с другими науками об обществе, между которыми, как теперь принято говорить, существует лишь «скользящая граница», а не четко определенная грань.

Однако обратиться к методологическим экспликациям экономической науки нас заставляет, прежде всего, следующая задача. — выявить гносеологические основания экономической теории, которые позволяют ей претендовать на конструктивную роль в самых разнообразных процессах современного социального развития.

Объект, предмет и метод экономической науки

Анализ развития экономической науки показывает, что можно заметить смену парадигм — появление, наряду с исходной натуралистической исследовательской программой (социальной физикой и социальной механикой), антинатуралистических программ (культурцентристской, холистской и историко-антропологической)².

Однако различие парадигм или исследовательских программ ставит вопрос об объекте и предмете экономической науки, которые в этом случае становятся продуктами ее метода. На вопрос о том, а что же такое реальная экономика, которую изучает экономическая наука, в разных исследовательских программах возникают разные ответы. Адам Смит, явно действуя в естественнонаучной парадигме или социальной физике, воспринимает экономику как ту часть хозяйственной жизни, которая имеет объективный и квазинатуралистический характер, что позволило позже применить к ней методы, похожие на методы физики как наиболее развитой в ту пору сферы естествознания. Такой частью хозяйственной жизни является саморегулирующийся рынок, который Смит анализировал с опорой на парадигму Ньютона. Если же рассматривать историко-антропологическую парадигму Ф. Броделя, то для него экономика — это и хозяйственная жизнь, с кругом повседневных хозяйственных забот, составляющая ее гумусный слой, и рыночные отношения обмена, и сфера государственных монополий, которую, кстати, он считает собственно капиталистической экономикой в узком смысле слова.

Получается, что *экономическая реальность не дана как самоочевидность, вопреки определению объекта науки как реальности, существующей независимо от нас*. Это положение в полной мере может быть отнесено и к социальной реаль-

ности, изучаемой другими науками об обществе, например, социологией. В теории познания ключ к пониманию этой ситуации лежит в разделении объекта и предмета науки. Однако при всей видимой тривиальности этого разделения, оно гораздо сложнее, чем это представляется на первый взгляд.

Хрестоматийное требование – обозначить объект и предмет экономической науки – предполагает, что объект есть некоторая часть объективной реальности, противостоящая субъекту познания и его практике, которая от него не зависит. Объект попадает в поле зрения субъекта познания, будучи обнаружен в ощущениях субъекта, но главным образом он «вырезается» из объективной реальности предметно-практической и опытно-экспериментальной деятельностью субъекта. К гносеологическому анализу этой познавательной ситуации можно подойти, используя классическую или неклассическую теорию познания.

В классической концепции истины объект и предмет познания не различаются принципиально или же полагаются подобными. Предполагается, что, во-первых, объект познания существует вне и независимо от субъекта, во-вторых, результат познания определяется только свойствами самого объекта, а все субъективные «привнесения» должны быть устранены из этого результата. Таким образом, получаемые научные истины трактуются наподобие слепков с объективной реальности в голове субъекта, субъект познания играет при этом пассивную роль и сознательно стремится лишь устранить все, что «искажает» процесс чистого отражения, все то, что еще Ф. Бэкон называл идолами. Заметим, что на ранних этапах становления новоевропейской науки *познавательный процесс*, т.е. деятельность, направленная на объект, имеющая целью сделать его частью субъективной реальности ученого, понимался близко к вещественному проникновению в сознание копий, слепков или эйдосов природного мира. Процесс познания представлялся наподобие потока чувственных данных или данных опыта, перетекающих по сенсорным каналам субъекта и наполняющих его сознание разнообразными формами материального мира. Доминирующим познавательным отношением, характерным для такой модели познания, было *созерцание*. Анализируя реф-

лексию познавательных установок начального периода развития науки, И.Т. Касавин приходит к следующему выводу: «Универсальный опыт Бога, теоретически воссоздать который стремилась нововременная наука, сам рассматривался, в сущности, как универсальное условие всякого опыта вообще, что и воспроизвел в своем учении Кант. Этот опыт полагался существенной чертой науки, взирающей на свой объект бесстрастно, воспроизводящий его как он есть сам по себе, безотносительно к условиям и позиции наблюдателя»³. А это значит, что первоначально познавательный процесс и его конечный результат не отделялись друг от друга и не рассматривались независимо друг от друга. Это обстоятельство во многом было обусловлено культурно-историческими условиями, в которых зарождалась наука и которые к настоящему времени достаточно подробно исследованы.

В неклассической и постнеклассической концепции истины отношение между объектом и предметом науки претерпевает серьезные изменения. Теперь предполагается, что ученый не имеет дела с объектом как таковым, а посредством ряда познавательных процедур превращает его в предмет познания. Предмет – это «вырезанная» для исследования и обработанная или сконструированная наукой часть объекта. Один и тот же объект может превратиться в предметы исследования разных наук⁴. Но даже для одной науки, для экономики, в зависимости от исследовательской программы, один и тот же объект предстанет различными предметными областями исследований.

Если считать, что объектом исследования экономической науки является реальная хозяйственно-экономическая деятельность общества, то получается, что при смене парадигм экономической науки в этой разнообразной деятельности вычленяются различные объекты. Одним из таких объектов может быть рынок, стремящийся к равновесию между спросом и предложением, другим – комплексно взятые уровни хозяйственной деятельности, как мы уже это видели в парадигме Броделя. Экономическая наука в таком случае предстает как бы наукой о разных объектах. *В действительности же, изменение парадигм – есть лишь способ различного теоретического конструирования, абстрактного*

концептуального выделения предмета исследования для экономической науки из объекта, которым для экономической науки в целом является реальная многообразная хозяйственно-экономическая жизнь общественного организма.

Непонимание этой особенности современного научного познания сказывается не только при построении экономических теорий, но и при попытке их онтологизации или, как говорят иначе, гипостазировании теоретических конструкций: *нередко бывает, что онтология оказывается предзаданной гносеологическими и онтологическими предпосылками теории, а не раскрывается в следствие научного исследования.*

Рассматривая эти сложности в отношении предмета и метода экономической науки, Л. фон Мизес отмечал, что *существует привычка путать экономическую теорию и экономическую историю. Экономическая история предполагает деятельность, аналогичную историческому познанию в целом. Она направлена на изучение фактов, их изменения и взаимодействия. Что касается экономической теории, «она является ветвью праксеологии, априорной теории человеческого действия»⁵. Здесь экономист действует на уровне теоретического мышления, аналогичного логическому или математическому. И этот уровень, согласно Мизесу, не может быть основан только на наблюдении. Он критикует Дж.М. Кейнса, полагавшего, что даже дедуктивные теории основаны на эмпирическом наблюдении. Мизес считает это утверждение заблуждением. Экономические исследования, которые построены на изучении и наблюдении эмпирических фактов, он всецело относит к разделу экономической истории.*

Для экономической теории он считает абсурдным предположение об изучении фактов, а также превращение некоторых конструкций в факт. Примером такого превращения является гипостазирование «экономического человека» как рационального эгоиста из понятийного арсенала экономической науки в реального агента экономических отношений. Человек в экономике, по мнению Мизеса, не ведет себя всегда рационально. Тем не менее, многообразие его мотивов не может быть учтено теорией. Теория должна принять во внимание один единственный факт, состоящий в том, что

«всякое действие неизменно направляется одним мотивом — стремлением достичь ситуации, которая устраивает агента больше, чем исходная, существующая до его действия»⁶. Принято считать, что экономика анализирует, в частности, поведение фирм и других крупных хозяйствующих субъектов. Но знание природы бизнеса не является гарантом получения правильных выводов в экономической теории, так как, во-первых, экономика не сводится к бизнесу, а изучает все типы рыночных явлений, и, во-вторых, *экономиста интересуют процессы, относящиеся к жизни каждого человека, а не только отдельных агентов экономических отношений.* Тем не менее, «экономист... может успешно трудиться за письменным столом, как это делают логики и математики. Его отличает не особая возможность изучать факты, доступные лишь посвященным, а иной взгляд на мир, позволяющий обнаружить такие аспекты явлений, которые не в состоянии увидеть другие. Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, — худший враг ясного логического мышления»⁷. Худший, так как содержит весьма коварный порочный круг — объект теоретического исследования возникает как следствие онтологических предпосылок теории, чтобы впоследствии торжественно гипостазироваться как результат ее теоретических открытий. Здесь, на мой взгляд, и пропущено различие объекта и предмета познания. Ибо то, что выше истолковывалось как распад экономической науки на не связанные между собой дисциплины при различии исследовательских программ, ориентирующих на изучение якобы разных объектов, является на самом деле конструированием разных предметов экономической науки, сформированных из такого общего для них объекта, как хозяйственно-экономическая деятельность людей. Плюрализм позиций при этом расширяет широту охвата объекта познания и всесторонность его рассмотрения.

Мизес — сторонник методологического индивидуализма, позиции, которая только в деятельности отдельных индивидов, а не коллективов, не обществ, не наций находит источник для теоретических рассуждений. Его точка зрения была во многом обусловлена неприятием фашизма и соци-

ализма. Он считал, что идеи, разделяемые отдельными людьми, определяют их принадлежность к группе, а не наоборот, ибо группа действует не по собственной воле, а по воле входящих в нее индивидов. *Индивид, по его мнению, и есть онтологическая предпосылка экономической теории, положения которой не должны далее гипостазироваться как реальность.* Однако и у Мизеса объект познания экономической науки эксплицируется как хозяйственная жизнь людей, причем всех людей, а не только специализированных агентов бизнеса или рыночных отношений.

Цитированная статья Мизеса написана в 1962 г., с тех пор некоторые его методологические выводы приняты одними, отрицаются другими и оспариваются третьими. Однако проблема онтологизации или гипостазирования экономической теории осталась одной из самых неразработанных в методологии.

Факты и теоретические конструкторы экономической науки

Методологию экономической науки всегда интересовало соотношение между экономическими теориями, экономическими фактами и реальным миром. Эта проблема была также связана с задачей определения достоверности полученных результатов и нашей способностью на их основе продвигать исследования и увеличивать эффективность экономической науки в сфере предсказания явлений реальной экономики.

Многогранность и сложность решения проблемы соотношения теоретических конструкторов и экономических фактов на деле приводит к появлению ряда альтернативных методологических позиций. Приведем некоторые из них.

Редактор книги «Факт и фикция в экономической науке. Модели, реализм и социальное конструирование», профессор философии университета Эразма в Роттердаме У. Маки, приходит к выводу, что экономика – «мрачная королева социальных наук». Свою необычную характеристику экономической науки он связывает со следующими факторами: 1) стремлением экономистов отбросить из своего интеллектуального инструментария не нравящиеся им идеи; 2) убеждением, что экономическая необходимость руково-

дит социальной жизнью и следующее отсюда «бессердечное отношение» экономики к человеческим страданиям; 3) завышенная оценка роли денег и рынка, слепая к социальным нормам. Отсюда следует, по его мнению, непонимание экономикой основных фактов экономической реальности, ведущее к неспособности предсказать кризисы и экономическую динамику на теоретическом уровне.

Однако не все согласны с подобным определением статуса этой «королевы наук», и многие по-прежнему возлагают на нее наибольшие надежды по поводу ее способности отразить интересы реального мира, дать информацию об экономической реальности⁸.

Здесь проглядывает рассмотренная выше дилемма Мизеса: экономическая история – экономическая теория. Экономические историки в этом определении всегда теряли абстрактные принципы, а экономические теоретики – реальность фактов.

Продолжающиеся дебаты о кризисе экономической науки почти единодушно характеризуют его как кризис отношений между теорией и реальностью, а так же как конфронтацию в понимании задач и возможностей экономической теории, ее взаимосвязи с фактами, способности экономической теории быть верифицированной. На первый взгляд, эти альтернативы разделяют методологов на два лагеря. В одном из них находятся все те, кого Мизес называл *экономическими историками*, т.е. сторонники эмпирических исследований, полагающие, что экономическая реальность связана с обнаруживаемыми фактами. Они видят цель исследования в предсказании хода экономического развития, а нередко и его преобразования, которые рассматривают теорию как инструмент этого предсказания или преобразования и усматривают в точности предсказания процедуру верификации теории.

На другой стороне находятся *экономические теоретики*, которые нередко создают дедуктивные формализованные построения, не являющиеся, по их мнению, инструментом непосредственного предсказания экономических событий. Они не претендуют на реальное участие в усовершенствовании экономики, не ищут истину, автономию которой

они защищают, подобно тому, как некоторые этики защищают автономию морали, они не добиваются немедленной верификации своих формализмов. С точки зрения последних, формализация и математизация экономической теории не ведет к социальной инженерии в самом экономическом процессе, подобно тому, как это часто происходит в естественных и в технических науках. По их мнению, не существует аналогии между экономической наукой и естествознанием. Как отмечал Мизес, «позицию экономиста по отношению к объекту его исследований можно сравнить не с отношением авторов технической литературы к инженерам и рабочим, а скорее с отношением биолога ко всем живым существам – включая людей, – чьи жизненные функции он пытается описывать»⁹.

Не инструментальный, не утилитарный характер методологии экономической науки, а отсюда и самой экономической теории в качестве метода, подчеркивает известный английский экономист и методолог науки М. Блауг. Он пишет: «...когда я употребляю термин “экономическая методология”, я веду речь не о методах и технике экономических исследований, а о методологии в непосредственном смысле слова: об изучении принципов, регулярно применяемых при формулировке и обосновании экономических теорий. Фундаментальные методологические принципы могут быть легко усвоены и, усвоив их, мы неизбежно повысим нашу способность оценивать и сравнивать конкурирующие экономические теории»¹⁰.

Блауг дает более детальную типологию методологических расхождений по названным пунктам, которые не столь прямо предстают как альтернативные, а создают некий веер *расходящихся точек зрения*.

Он показывает существенную роль традиции конвенционализма, обновленным примером которого становится для него позиция известного экономиста М. Фридмана. Последний утверждает:

- методология экономической науки носит инструментальный характер;
- научные теории являются инструментами прогнозирования, а не способом выявления причинно-следственных

связей, что соответствовало бы, по его мнению, наивно-реалистическим позициям;

- экономические построения не основываются на реалистических предпосылках, достаточно сказать «как будто»;
- экономические теории это не верифицируемые и не фальсифицируемые свободные творения разума¹¹.

Блауг останавливается и на других вариантах неоконвенционализма, менее радикальных, чем у Фридмана, но достаточно отличающихся от его позиции. Позицию всех разновидностей конвенционализма он называет оборонительной, направленной на защиту науки от критики. Блауг анализирует позицию близкого к неоконвенционализму П. Самуэльсона, который, однако, требует операциональной содержательности экономических теорий. Его взгляды близки к теории фальсификационизма К. Поппера. Сходных с ним идей придерживается Т. Хатчинсон. Согласно его взглядам, теория не может быть априористской. Самуэльсон и Хатчинсон отрицают идею Мизеса и Фридмана относительно свободы теорий от способности быть подтвержденными или опровергнутыми.

Блауг детально исследует оттенки и вариации других направлений, останавливаясь, в конечном счете, на институционализме. Он согласен, что методология последнего – это «рассказывание историй», в которой очевидно проявляется направление экономической истории, о котором писал Мизес. Блауг пишет: «Возможно, экономические проблемы настолько сложны, что «рассказывание историй» – лучшее, что мы можем делать. Но даже если это так, то кажется странным, почему мы должны пропагандировать эту безопасную методологию и считать предосудительным применение более рискованной методологии фальсификационизма. Несомненно, чем больше фальсификационизма, тем лучше»¹². Таким образом, дилемма Мизеса об экономической истории и экономической теории упорно воспроизводится в методологии экономической науки.

Блауг ссылается на появившееся в методологии различие между моделями и теориями, которое стало популярным и разрушающим эту альтернативу.

Многие считают модели нефальсифицируемыми, т.е. не опровергаемыми (своего рода истинами факта, добытыми

истинами. — В.К.), теории же — фальсифицируемыми. Фальсифицируемость — это проверка на статус научности теории. Если можно предположить некие факты, способные опровергнуть теорию, значит, она может быть научной. В отличие от философских утверждений или повседневных суждений, носящих характер убеждений, принципиально не опровергаемых фактами и, если изменяемых, то по правилам ценностных изменений, фальсификационизм осуществляет демаркацию науки от этих систем.

Действительно, это достаточно нетривиальный шаг. Посмотрим, снимает ли он коренную антиномию экономической науки — ориентацию либо на факт, либо на теоретическую фикцию.

Модели, теории и институты

Принято считать, что быть экономистом — это строить экономические модели, утверждает упомянутый выше У. Маки. Часто это требование достаточно жестко: под моделью в экономике понимается экономическая модель. Моделью обычно называют аналог, схему, знаковую структуру, замещающую определенный фрагмент реальности, являющийся оригиналом модели. Промоделированные свойства оригинала расширяют знания о нем. Модель может быть математической, т.е. описывать оригинал в виде системы уравнений. Модель может быть в большей или меньшей мере адекватна реальному миру.

Маки задается вопросом, как определить истинность или ложность модели. Ответ состоит в том, что модель строится посредством деятельности, ориентированной на факты. Хорошая модель является приемлемым упрощением реальных зависимостей, позволяющим понять их сущность. Она призвана соединить абстрактное и конкретное. Среди реалистов, т.е. людей, ищущих истину как отображение объективных процессов, бытует мнение, что «модели дают истинную репрезентацию экономической реальности»¹³. Более того, модель отображает вариацию реальных факторов и их динамику. Модель тем лучше, чем более она адекватна фактам. Она может быть применена в реальной экономике и давать, тем самым, позитивный

эффект. Она также чувствительна к повседневным представлениям.

Если попытаться дать определение модели, оно будет состоять в том, что модель — это идеализированное и динамическое отображение реальных сторон экономического процесса и факторов, воздействующих на его изменение, т.е. она является своего рода эмпирическим обобщением. Такое понимание модели, по мнению К. Гувера, ведет к противоречию между более точными, более надежными и представленными в малом масштабе параметрами модели и менее точным, менее надежным и более пространственными параметрами теории. Теории — это слишком широко представленные модели, которые раскрывают базовые потенции процесса. Экономические теории чаще более конкретны (в отличие от политико-экономических. — В.К.), в них обсуждаются более конкретные проблемы и общим суждениям часто предшествуют модели¹⁴. Модель включает и «рассказывание историй», то, что Мизес относил к экономической истории, а не теории. Она тем самым является посредствующим звеном, соединяющим экономическую историю и экономическую теорию. *Модель не обязательно истинна, но она стремится отразить объективность и подлинность реальных связей.* По крайней мере, она защищает реалистический базис теорий, даже когда невольно включает неправильные предположения¹⁵.

Введение моделей как посредников между реальностью фактов и теорией резко увеличивает число сторонников «реалистического» истолкования теории. Как писал французский экономист М. Алле, «любая наука опирается на модели, а всякая научная модель содержит в себе три различные стадии: формулировку исходных гипотез; вывод из этих гипотез всех следствий; сопоставление следствия с данными наблюдения. Теория, гипотезы и следствия которой не могут быть сопоставлены с реальностью, не представляет никакого научного интереса. Сама по себе логическая дедукция, будь она даже математической, если она тесно не связана с изучением реальности, не имеет какой-либо ценности в плане понимания этой реальности»¹⁶. Как видим, и у этого экономиста модель есть посред-

ник между экономической реальностью и экономической теорией.

Можно даже предположить, что моделям в этом смысле присущи особенности теорий среднего уровня — специализированных, часто отраслевых теорий экономической науки в отличие от ее общих теорий и абстрактных теорий политэкономии.

Экономическая наука гораздо больше работает с моделями, чем социология и другие науки об обществе. Частоту использования моделей можно сравнить, пожалуй, лишь с математической лингвистикой. Модельное рассмотрение более характерно для естествознания, физики, и применение моделей в экономическом знании обусловлено тем, что, во-первых, здесь есть измеримые взаимосвязанные понятия, такие, как спрос и предложение, издержки и прибыль, занятость и безработица, доход и распределение, рост и цикличность, мотивация и потребление и пр. Во-вторых, моделируются квазиприродные зависимости экономики, в которых натуралистические программы исследования имеют оправдание, отмечая определенную сводимость или, по крайней мере, сходство процессов в экономике с природными явлениями, описываемыми механикой и математикой, становящимися в экономике примерами социальной механики или социальной математики. Натуралистические исследовательские программы в социологии редко сталкиваются со столь квазиприродными социальными образованиями и столь очевидной дифференциацией социальных подсистем на количественно исчисляемые.

Вместе с тем, все те, кто считает, что теория в экономике подтверждается данными опыта и без этого не может выполнить ни предсказательной, ни объяснительной функции, ни установить причинно-следственные связи, безусловно также опираются на модели.

Наращение уровня абстракции характерно для науки в целом. Переход от модели к теории рассматривается как опора на выявление квазиприродных фактов.

Однако экономические теории опираются не только на модели. В любом случае они есть изобретения ума, и поэтому содержат своего рода фикции, продукты интеллектуаль-

ной игры. Имеющиеся модели не препятствуют теоретической фантазии и поискам более долговременных связей и закономерностей в экономике, ее перспектив и ретроспектив. Теории строятся экономистами на более широкой социальной и теоретической базе, под влиянием философии науки, социальной философии, политико-экономических представлений, в зависимости от предпочитаемых исследовательских программ и характеризуют абстракции более высокого порядка в сравнении с моделями и менее высокого уровня, в сравнении с предельными абстракциями философских теорий. Как и в других социальных науках, например, в социологии, их обычно причисляют, как я уже отметил, к теориям среднего уровня. Обычно из этих теорий эксплицируются некоторые антропологические предпосылки или модели человека, которые могут быть следствием методологической редукции, доводимой до отологической редукции человека, например, «экономического человека», так и редукций, которые не онтологизируются и не ведут к отказу от представлений о полноте человеческого бытия, сохраняя функции полезного метода¹⁷.

При создании теорий экономисты явно или неявно опираются на различные гносеологические и онтологические предпосылки. Мы уже видели среди них, например, «индивид» Мизеса и «истинный индивидуалист» Ф. Хайека, коллективизм и кооперация Р. Туомелы и В. Балзера¹⁸, реализм Алле, равно как конвенционализм и антифальсификационизм Фридмана и фальсификационизм Блауга. Исследовательские программы в экономике, как и в других науках, вырастают на пересечении философских принципов, наиболее абстрактных теорий дисциплины и предметно ориентированных походов.

Экономическая онтология может частично базироваться на моделях, как отмечает Маки, но она также может выстраиваться с использованием данных других социальных наук, на социальном опыте экономических агентов, на религиозных убеждениях и философских категориях. Экономическая онтология часто базируется и на генерализованных онтологиях. Однако в целом экономическая онтология представляется ему не столько продуктом генерализован-

ных онтологий, сколько все же совокупностью моделей, используемых экономистами в своих рассуждениях. Но и в первом, и во втором случае экономическая онтология имеет решающее значение: «экономисты вдохновляются тем, чтобы найти более адекватную технику и построить модели, которые лучше соответствуют их представлениям о конструируемой ими экономической реальности»¹⁹.

Многие экономисты не имеют таких взглядов на экономическую онтологию или, как говорил Й. Шумпетер, «видения», хотя именно «видение» многие экономисты и считают онтологией. «Экономический человек» становится онтологией тогда, когда «черный ящик» экономики оказывается пустым от всего, кроме факта и теоретической фикции. Быть экономическим — это черта человека, направленная на защиту своих экономических стремлений, на защиту своего виртуального самоуважения²⁰.

Социальное конструирование реальности создает многообразные онтологии экономики, выступающие как видение, предпосланное созданию теорий.

Но помимо фактичности моделей и мировоззренчески окрашенных онтологических предпосылок теории, есть экономические и социальные институты, многократно униженные цитированными в этой статье экономистами как то, что ведет к «рассказыванию историй». Однако институционализм в экономике растет, и причина этого роста состоит в том, что натуралистическая ориентация на модели и реалистические теории не решает многих проблем экономики, связанных с ее социальной ролью и функционированием в обществе. Институты — это, прежде всего, правила и нормы, общие коллективные представления, стандарты научности и пр. Реальность, которую так упорно хотят сберечь в моделях, не представлена только в фактах, ее другой стороной является ценностно-нормативный мир институтов. В частности, общество институционализирует цели экономической теории, не давая ей возможности быть чистой игрой ума, а ставя перед ней цели предсказания и улучшения общества и экономического положения людей. Да, они не действуют, как математические формулы для инженеров, но участвуют в формах социального конструирования реаль-

ности. Эта позиция не является антиреалистической, если принять цели и ценности людей за часть изучаемой экономистами реальности. С этим, разумеется, никак не мог бы согласиться радикальный реалист Алле, для которого экономическая реальность есть реальность факта. Этой гипотезе мы находим немедленное подтверждение: «Предметом экономической науки не может быть определение целей, которые общество должно ставить перед собой. В любом обществе встают вопросы, связанные с целеполаганием, но определение целей не входит в сферу интересов экономической науки; впрочем, оно вообще не входит в сферу науки»²¹.

Однако это не так для антинатуралистически ориентированных исследовательских программ экономической науки, поставленная обществом задача роста экономики может стать целью экономической науки, равно как задача обеспечения более справедливого распределения. Социальное конструирование реальности, социальная инженерия базируется на намерении что-то изменить.

Не меньшее место занимают ценности как феномен реального познавательного процесса. По мнению Д. Мак Клоски, социальным наукам и философии никогда не удастся избежать не просто ценностей, но даже риторики. Знание социально конструируется и начало такого конструирования связано с нахождением общих стандартов или ценностей. Хотя все мы устремлены к реальным ситуациям, однако есть также этический реализм, имеющий колоссальное значение для эпистемологии как коллективного творчества²². Согласно этическому реализму, мы не можем со всей очевидностью утверждать, что то, что мы Знаем — есть знание об Объективном Мире. Напротив, материальный реализм не только принимает, как очевидное, связь между окончательной гносеологией и онтологией, более того материальный реалист исходит из *этического* предположения, что *плохо* не быть материальным реалистом и не видеть эту связь²³. И этим он убедительно показывает, что познание человеческих сообществ отличается от познания природы.

Модели, теории и институты в экономике взаимосвязаны. Такой подход не дает прерогативы натурализму, а все

более усиливает значимость антинатуралистических методов исследования в экономической реальности.

Примечания

- ¹ Стюарт И.М. Роль методолога // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2 т.: Т. 1. — СПб., 2002. — С. 9.
- ² См.: Колпаков В.А. Философия науки и методология экономического знания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. — С. 133 — 148.
- ³ Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. — М., 1999. — С. 66.
- ⁴ См.: Косарева Л.М. Предмет науки. Социально-философский аспект проблемы. — М., 1977.
- ⁵ Мизес Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // Thesis. Научный метод. 1994. № 4. — С. 205.
- ⁶ Там же. — С. 208.
- ⁷ Там же. — С. 209.
- ⁸ См.: Maki U. Introduction // Fact and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Conversation / Ed. by U. Maki. — Cambridge, 2002. — P. 3 — 5.
- ⁹ Мизес Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки. — С. 208.
- ¹⁰ Блауг М. Несложный урок экономической методологии // Thesis. Научный метод. 1994. № 4. — С. 53.
- ¹¹ Там же. — С. 53 — 54.
- ¹² Там же. — С. 68.
- ¹³ U. Maki. Introduction // Fact and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Conversation. — P. 11.
- ¹⁴ См.: Hoover K. D. Economics and Reality // Ibid. — P. 137 — 150.
- ¹⁵ См.: Niniluoto I. Truthlikeness and Economic Theories // Ibid. — P. 214 — 230.
- ¹⁶ См.: Алле М. Современная экономическая наука и факты // Thesis. Научный метод. 1994. № 4. — С. 11.
- ¹⁷ См.: Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9.
- ¹⁸ См.: Tuomela R., Balzer W. Collective Acceptance and Collective Attitude: on the Social Construction of Social Reality // Fact and Fiction in Economics. — P. 269 — 284.
- ¹⁹ U. Maki. Introduction. — P. 17.
- ²⁰ См.: Pettit Ph. Rational Choice, Functional Selection, and «Empty Black Boxes» // Fact and Fiction in Economics. — P. 231 — 256.
- ²¹ Алле М. Современная экономическая наука и факты. — С. 17.
- ²² См.: McCloskey D.N. You Shouldn't Want a Realism if You Have a Rethoric // Fact and Fiction in Economics. — P. 329 — 340.
- ²³ Ibid. — P. 336, 337.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философское измерение

ТВОРЧЕСКОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ВВЕДЕНИЕ В ГУМАНОЛОГИЮ

М.Н. ЭПШТЕЙН

Конец человека?

Судьба человека в начале XXI в. все чаще рассматривается под знаком его исторического конца и вступления в эпоху **постгуманизма**. Идея сама по себе не нова. Еще в XX в. постгуманистические движения вдохновлялись ницшевской философией сверхчеловека, а затем постструктуралистской эпистемой «конца человеческого» (М. Фуко). Но к началу XXI в. идея исчерпания и преодоления человека получила новый импульс в грандиозных успехах технической и особенно кибернетической цивилизации.

В США еще в 1990-е гг. возникло движение трансгуманизма, которое пытается соединить прорывы в области компьютерных и генетических технологий с философией преодоления природных ограничений, присущих человеку как смертному существу. Завершается медленный этап эволюции разума в форме человека как биологического вида — и начинается новый этап ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. Трансгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точки развития, которая современными футурологами, такими, как Рэй Курцвайл, прогнозируется на середину XXI в. Тогда созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда и упирающихся) человек.

Лучшее, на что может надеяться человек как биологическая форма разума, — это на свою внутреннюю технизацию, которая дополнит технизацию и роботизацию всего социума. Биологические, несовершенные органы все более будут заменяться искусственными, нестареющими, и возникнет непрерывный энерго-информационный обмен постчеловеческого техноорганизма со всей окружающей средой. По предсказанию Р. Курцвайла, уже к концу XXI в. мир будет населен преимущественно искусственными интеллектами в форме информационных программ, передвигающихся от одного компьютера к другому через электронные сети. Эти компьютерные программы будут способны манифестировать себя в физическом мире в виде роботов, а также одновременно управлять множеством своих программируемых тел. При этом индивидуальные сознания будут постоянно сочетаться и разделяться, так что уже невозможно будет определить, сколько «людей» или «разумных существ» проживает на Земле. Новая пластичность сознания и способность перетекания из интеллекта в интеллект серьезно изменят природу личной идентичности. Физические, технологически неопосредованные встречи между двумя людьми в реальном мире станут исключительно редкими. То, что традиционно понимается под субъектом, растворится в информационных потоках и электронных сетях. Самоуправляемые компьютерные программы, как тютчевские «демоны глухон», будут вести беседу между собой¹.

Трансгуманизм — это внеакадемическое движение энтузиастов кибер-разума. Однако и в академических кругах растет интерес к новым технологиям и их воздействию на гуманитарные науки, порождая новое поле исследований, которое часто называют *posthuman studies* — «постчеловеческие» или «постгуманитарные» исследования. Хороший пример — влиятельная книга Кэтрин Хэйлес «Как мы стали постчеловеками: Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике»².

Постгуманизм и гуманология.

Кеносис человека. Теологические параллели

Далее я предложу свое критическое введение в это новое дисциплинарное поле, которое я определяю как «гума-

нологию» (*humanology*), а не «постгуманистику». Суть не в конце человека, а в расширении самого понятия «человеческого», которое переходит на всю совокупность сотворенного человеком, даже там, где он «кончается» как биологический организм и активный субъект. Как ни пугающе выглядят перспективы исчезновения человека в машинно-информационной цивилизации, важно понять, что такое «исчезновение» заложено в кенотической природе самого человека, его способности к самотрансценденции, перенесению своей сущности в нечто радикально отличное от себя. Напомню, что под кеносисом в теологии понимается самоопустошение Бога, сначала творящего отдельный от себя мир, а затем умаляющего себя вплоть до принятия человеческого облика (кеносис, *κένωσις* (греч.) — опустошение, истощение, от *κενός* — пустой). Как этот кеносис действует дальше, уже в творческой деятельности человека?

Человек создает формы техники и цивилизации, способные существовать в автономном режиме, независимо или почти независимо от его прямого вмешательства. Не так ли Бог создает формы мироздания, включая самого человека, способные существовать автономно, без прямого вмешательства Творца свыше? Действие естественных законов мироздания и свободная воля человека не суть аргументы против бытия Творца, напротив, иудео-христианская теология как раз исходит из этих предпосылок суверенности творения. Точно также и гуманология строит свое представление о человеке на основе его радикальной способности к самоотчуждению, созданию самодействующих кибернетических существ и алгоритмов искусственного разума. Если человек создан свободным, по образу и подобию своего Творца, то не может ли он и дальше передавать эту свободу своим творениям, наделять их той же суверенностью мышления и деятельности, какую сам получил от Бога? Речь идет о творческой эстафете, передаваемой Богом человеку, а человеком — искусственному разуму.

Эта теория *интеллектуальных эстафет* позволяет понять, почему признание автономности будущих высокоразвитых киборгов (кибернетических организмов) ничуть не ведет к принижению роли человека, к дегуманизации, ан-

тигуманизму или постгуманизму. Ведь и признание автономии и свободы человека в мироздании не обязательно ведет к атеизму, отрицанию роли Творца. Иудео-христианская теология подчеркивает глубочайшую, неотъемлемую свободу человека как свидетельство его сыновства, укорененности в свободной воле Отца. Точно также и признание возможной автономии и даже «своеволия» киборгов может углубить наше представление о человеке, проложить новые пути гуманологии. Иными словами, гуманология так же относится к постгуманистике, как теология — к атеизму. Для атеиста или богоборца свобода человека означает, что «Бог умер»; для воинствующего постгуманиста, «человекоборца» свобода киборга, искусственного разума означает, что «человек умер». Но для теологии такая «смерть Бога» есть лишь знак его бесконечной творческой силы и милости к человеку, способности «самоистощаться» в своих творениях и, через мистерию Богочеловека, смертью попирая смерть, воскресать и воскрешать к новой жизни. Точно так же и человек, исчезая и «самоистощаясь» во все более совершенных и автономных творениях своего разума, передавая им свои человеческие свойства (вычисления, коммуникации, моделирования, конструирования, накопления и обмена информации и т.д.), обретает новую, «сверхчеловеческую» жизнь в своих творениях.

Теология постигает волю и образ Бога даже в его предельном самоумалении, его радикальном очеловечивании и осмертливании, когда Бог перестает быть трансцендентным и становится полностью имманентным своему смертному творению. Богочеловек — центр христианской теологии. Точно так же техночеловек — центр новой гуманологии, которая постигает человеческое в самых радикальных преобразованиях, выводящих его далеко за рамки биологической природы. Даже в тех предельных случаях, когда человеческий разум всецело переходит в искусственный разум его творений и освобождается от своей начальной привязки к биологически активному субъекту, — это тоже область гуманологии. Иными словами, гуманология «растягивает», «расширяет» поле человеческого по сравнению с традиционной сферой гуманитарных наук, которые изучают твор-

ческую деятельность человека (историю, искусство, язык, философию), но оставляют в стороне область естественно-научных практик и технологий, как если бы они не были свидетельством о человеке. Но разве самоотчуждение, самопреодоление и даже самозабвение человека не есть квинтэссенция человеческого? Гуманология заходит «за край» гуманитарных наук именно в те области, где человеческое наиболее радикально изменяет себе, вместе с тем оставаясь собой.

И одновременно гуманология отказывается присоединяться к тем поминкам по человеку, которые справляют недалековидные технократы и футуристы: для них рост информационной мощности машин, их растущая интеграция (между собой) и автономизация (от человека) свидетельствуют о конце человеческого этапа истории. Но правомерно ли само их ключевое понятие «posthuman» (постчеловеческий), которое не только по звучанию, но и по сути сближается с «posthumous» (посмертный)? Предвосхищая новый, «постбиологический» этап развития цивилизации, должны ли мы хоронить человека, отождествляя его тем самым с его биологическим субстратом? Или быть человеком — значит выходить за грань «человеческого, слишком человеческого», по образу и подобию самого Творца, который потому и Творец, что выходит за грань «божественного, слишком божественного», создавая мироздание и в нем — человека?

Сверхчеловек — (само)творение человека

«Трансгуманизм» представляется более оправданным понятием, чем «постгуманизм», поскольку «транс» указывает на движение *через и за* область человеческого. При этом между гуманизмом и трансгуманизмом по сути нет никакого противоречия. Ведь именно человеку свойственно быть больше или меньше себя, заходить за собственный предел (в обе стороны). *Термины «гуманизм» и «трансгуманизм» описывают одно и то же отношение человека к самому себе, в котором он выступает и как субъект, и как объект.* «Трансгуманное» существо, или, привычнее выражаясь, сверхчеловек, — это *субъект* того отношения, *объектом* которого выступает человек.

Когда Ф. Ницше устами Заратустры провозглашает переходность человека, он именно подчеркивает, что создание сверхчеловека — это *дело человека*, что сам человек — это только мост, протянутый между обезьяной и сверхчеловеком.

«И Заратустра говорил так к народу: *Я учу вас о сверхчеловеке*. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором»³.

В одном Заратустра ошибается: разве все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя? Какие же это существа — рыбы, змеи, олени? что они создали выше себя? Это единственно свойство человека, создающего то, что красивее и долговечнее его самого. И грядущий сверхчеловек, каким бы он ни был наделен физическим и интеллектуальным превосходством, — это тоже создание человека, его способность превосходить себя. Именно и только человеку, создающему искусство, технику, цивилизацию, наконец, новые потенциальные формы жизни и разума, свойственно перешагивать через себя, быть мостом к высшей цели. В ницшевской проповеди сверхчеловека нет, по сути, ничего, что не содержалось бы в знаменитой ренессансной речи Джованни Пико делла Мирандола о достоинстве человека:

«...Принял Бог человека как творение неопределенно-го образа и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю.... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные су-

щества, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные»⁴.

Если вычесть из Пико делла Мирандола религиозную составляющую ренессансного гуманизма, то как раз и получится ницшевский человек, пролагающий себе путь к сверхчеловеку. «...Можешь переродиться по велению своей души и в высшие...» (Пико делла Мирандола). «Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя...» (Ницше). Ницше исходит из той же самой гуманистической темы, только трактует ее менее точно, поскольку ссылается на неведомые «все существа», тогда как у Пико делла Мирандола именно и только человек может перерождаться (преображать себя) в нечто высшее.

Но и религиозная составляющая «достоинства человека», по сути, не снимается у Ницше, напротив, приобретает еще большую напряженность. У Пико делла Мирандола человек поставлен Богом в центр мира, как сверхсущество, у Ницше сам человек пытается стать таким сверхсуществом, превзойти себя, обрести атрибуты Бога. Это выворачивание той же самой трансцендентной, «божественно-бесконечной» складки, которая Ренессансом заложена в существо человека, а теперь разворачивается из него как «сверхчеловеческое» — то, что Жиль Делёз в своей книге о Мишеле Фуко (в главе «Человек и Надчеловек») называет «сверхскладкой».

Делёз так излагает «постгуманистическую» концепцию Фуко, солидаризируясь с нею. В «классической» формации XVII — XVIII вв., у Спинозы, Лейбница, Паскаля, человек — это складка, морщинка на лике Бесконечного, которая должна быть разглажена, чтобы обнаружилась вечная, божественная природа человека. В «исторической» формации XIX века, у Кювье, Дарвина, Адама Смита, Маркса, человек складывается, обретает радикальную историческую конечность, вписывается в контекст языка, эволюции, производства, задается обстоятельствами места и времени. Наконец, в той «формации будущего», провозвестником которой, по Делёзу, стал Ницше, сама складка начинает множиться, человек становится сверхчеловеком, не утрачивая своей конечности, но как бы многократно ее воспроизводя

в перспективе «вечного возвращения». «Сверхскладчатость» можно обнаружить в бесконечной саморефлексивности современной литературы и искусства, в множасьихся спиралях генетического кода, в самоорганизации хаоса и других сложных, случайностных процессов, в бесконечно делимых и самоповторяющихся узорах фракталов. Это уже не трансцендентно (теологически) бесконечное, сморщившееся в человека, но все еще поддающееся разглаживанию, выявлению своей божественной природы (как в XVII – XVIII вв.). И это уже не исторически конечное, которое глухо и бесповоротно замкнулось в себе, стало вполне земной, преходящей человечностью (как в XIX в.). Это *бесконечно множимая конечность*, историчность, которая сама трансцендирует себя, устремляясь к предельной интенсивности, к сверхчеловечности. По Делёзу, эта новая формация, открывшаяся в XX и XXI вв., по своему творческому потенциалу ничем не уступает двум предыдущим, а может быть, и превосходит их⁵.

Если принять этот взгляд, очевидно, что никак не приходится говорить о конце человека – скорее, о начале его самоумножения в виде «сверхскладки», «сверхчеловечества». *Быть человеком – это и значит становиться сверхчеловеком*. Человеческое возводится в высшую степень интенсивности, расширяет свой диапазон в бытии, создавая вторую, в перспективе самодействующую и самомыслящую природу. *Гуманология* – это и есть наука о человеке, *переступающем свои видовые границы, наука о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума*, потенциально превосходящих биологический вид homo sapiens.

Экология человека

До недавнего времени в распоряжении ученых была только одна, естественная форма жизни и одна, человеческая форма разума, исследование которых не позволяло прийти к обобщениям о природе жизни и разума именно потому, что они были доступны для наблюдения только в единственном числе, тогда как обобщение требует сравнения разных форм одного явления. Гуманология рассмат-

ривает человека в ряду не только **вне разумных форм жизни** (растений и животных), но и **вне биологических форм разума**, – как элемент некоей более общей парадигмы, как «одного из»: в ряду гуманоидов, киборгов (киберорганизмов), роботов.

Постепенно в этих расширенных рамках человеческое приобретает ту специфику, которой раньше обладали только его подвиды – нации и этносы в составе человечества. Глобализация, т.е. объединение наций в техно-экономически-культурную целостность человеческого рода, происходит одновременно со *спецификацией и даже «нацификацией» самого человечества как одного из видов (species) разумных существ*. Такая «постановка в ряд» сужает значение данного элемента и одновременно маркирует его, выделяет как особо значимый. У феномена человека появляется как бы грамматическая форма, «падеж» со своим определенным значением, тогда как раньше он был внесистемным феноменом, единственным субъектом и объектом гуманитарных наук. Теперь мы начинаем рассматривать человека как *одну из фигур ноосферы*, и он получает дополнительные *дифференциальные признаки*. Гуманология обогащает тот язык, которым мы говорим о человеке, вносит в гуманитарные науки новую парадигму: человек в его отличии от других форм разума. Тем самым *гуманология выделяется из круга традиционных гуманитарных наук*, конституирует себя как новую науку о человеке.

Машины, техника, компьютеры все более овладевают традиционными областями человеческого мышления и действия (вычисление, конструирование, производство, строительство, накопление и обмен информацией и т.д.). Соответственно и человеческое, в его несводимости к этим человекообразным функциям машины, все более воспринимается как нечто **редкое, диковинное, удивительное**, не просто «поглощается», но «дегустируется», у него появится особый, благородный вкус и запах, как у старинного вина. Нужна высокоразвитая техническая цивилизация, чтобы запечатлеть образ человека на таком экологическом уровне: тело, прикосновение, взгляд, разговор по душам, вера, надежда, «любви старинные туманы». Возникает примерно

такое же *отстраненное и остраивающее отношение к человеку, как к природе в рамках экологии*, — отношение издалека, как к *исчезающему виду*. Уже в XVIII — XX вв. объектом такого экологического внимания и ностальгического влечения, наряду с первозданной природой, становятся первобытные народы, архаические и традиционные культуры, т.е. человек как предмет этнографии или культурной антропологии. Эта перспектива расширяется в будущее. Постепенно и *современный человек* будет передвигаться в область *экологического* внимания и заботы, поскольку «современность» будет все более осознаваться как техносреда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадают «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума — «полудикой», промежуточной между природой и культурой, полустественной-полуискусственной.

Соответственно этому новому мироощущению возникает и *гуманология* — *дисциплина, которая относится к гуманитарным наукам, как экология — к наукам естественным*. Физика и биология изучают природу «как таковую», тогда как экология рассматривает ее во взаимоотношении с человеком, как часть человечески формируемой среды. Подобным же образом гуманитарные науки изучают «человека как такового», тогда как гуманология изучает человека как часть технически формируемой среды, как один из видов разумных существ, «биовид» (разумный организм), наряду с возможными «техновидами» (разумными механизмами). Гуманология также изучает способы взаимодействия между био и техно в человеке, технизацию организма и очеловечивание машины.

Вслед за природой, которая интегрируется в состав растущей всепланетной цивилизации, и человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду. Функция человеческого, возможно, будет закрепляться за искусственно изолированными, охраняемыми территориями, «антропарками», вроде того, как природа в настоящем, «первозданном» виде уже сейчас существует за оградой искусственных заповедников. Само естественное становится функцией искусственного, предметом культу-

рации и консервации. Такие *плантации, или заповедники, или натуральные музеи человеческого* будут принимать самые причудливые формы, как некомпьютеризованные островки давно прошедшей «естественной цивилизации».

Как пример только что зародившегося *гуманологического предмета* можно привести рукописание — маленький заповедник человеческого в мире компьютерной печати. Моя рука, уже привыкшая нажимать клавиши с готовыми буквами, вдруг заново ощущает свою *человечность*, водя пером по бумаге. Раньше акт письма не воспринимался как собственно человеческий, поскольку он имел функциональную нагрузку: передача информации. В компьютерный век письмо, уступая эту функцию машине, заново открывает свою телесность. Писание — способ касания бумаги и символическое прикосновение к адресату, будущему читателю; откровение о личности, интимное обнаружение психомоторных свойств автора. Писание — это нечто «дикое» в сравнении с печатанием: ритуальная пляска руки, разновидность танцевального искусства... Как видим, сам этот предмет — письмо — существовал издавна, но *предметом гуманологии* становится впервые именно в своем исчезающем и новооткрытом качестве: как устаревший способ коммуникации, как проявление тактильно-жестиккулярных свойств, как рецидив и рудимент человеческого в постчеловеческой цивилизации. Недаром появляется даже такой термин: «мокрая подпись» (wet signature), т.е. традиционная чернильная подпись, в отличие от просто подписи (без эпитета), под которой уже понимается электронная, цифровая идентификация. Технизация человеческих способностей, их передача машине ускоряет процесс архаизации и экологизации самого человека как природного существа.

Гуманология в системе наук о человеке

На рубеже XX — XXI вв. вырисовывается новое соотношение между тремя основными дисциплинами изучения человека: *антропологией, гуманитарными науками и гуманологией*. Разница между ними соответствует трем основным эпохам в развитии цивилизации: доисторической, исторической и постисторической.

Антропология изучает человека как биологический вид, важнейшей особенностью которого является культурная эволюция; как отдельную ветвь естественной эволюции животного царства. Предмет — физиология, раса, этнос, примитивные формы хозяйства и религии, генетические и культурные свойства, специфические для вида *homo sapiens* в его переходе из природы в культуру. При этом культура берется в своих ранних, нерасчлененных, синкретических формах, в связи и по контрасту с природой, а не в исторически более поздних внутренних своих подразделениях.

Гуманитарные науки изучают человека как суверенного субъекта, творца и распорядителя всей окружающей знаковой, культурной вселенной. Они имеют дело с различными областями развитой и дифференцированной культуры, целенаправленными творческими усилиями человека: философия, нравственность, язык, литература, искусство, история, психология... Отсюда и множественное число слова *humanities*, указывающее на расчлененность и многообразие человеческих способностей.

Гуманология изучает человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно объемлет и растворяет их в себе. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится — создатель среди своих созданий. Если антропология изучает специфические признаки человека среди других живых существ (животных и особенно высших приматов — гоминидов), то гуманология изучает специфические признаки человека среди мыслящих существ, умных машин и техноорганизмов (муже- и женоподобных — гуманоидов, андроидов, гиноидов).

Таким образом, гуманология *зеркально симметрична* по отношению к антропологии, поскольку обе эти дисциплины обращаются к пороговой ситуации человека на границах с природной и технической средой. Предмет антропологии — человечество, *вырастающее из природы*; предмет гуманологии — человечество, *врастающее в технику*, которую оно само создает.

Гуманология имеет дело с человеческим в плане его **интеграции** или **контраста** с машиной. Гуманология изучает то,

что остается человеческого в человеке после присвоения его разумных функций мыслящей машиной, — и то, что происходит с машиной по мере ее поумнения и очеловечивания. Гуманология — это **экология человека**, но вместе с тем и **антропология машины**, т.е. наука о взаимном перераспределении их функций, о **технизации человека и гуманизации техники**. У слова «человекообразный» появляется новый референт — машина. Раньше нелепо было прилагать меру и понятие человека к таким приборам, как паровая машина, рычаг или телескоп, поскольку они имитировали и усиливали лишь отдельные функции человеческого организма (рука, глаз и т.п.). Но мыслящая машина, которая начинает усваивать одну из основных функций мозга, вычислительную, уже достойна называться человекообразной, даже если внешне она не похожа на человека.

Таким образом, гуманология возникает вследствие перехода человека в новую, активно-эволюционную, искусственно-техническую фазу развития. Человек уходит в прошлое как биовид и переходит в будущее как техновид, мыслеформа, киберорганизм (киборг), свободная генетическая и/или технологическая фантазия. Предмет гуманологии — это **человеческое, которое остается за пределом машины, и человеческое, которое интегрируется в машину**.

Двуединство гуманологии отражает двунаправленную эволюцию самого человека как **natura naturata** и **natura naturans**, как природного творения и творца второй, искусственной природы (культуры, техники). Человек одновременно экологизируется — как природное творение; и технизируется — как творец автономных форм искусственного разума. Судьба человеческого в перспективе этих радикальнейших трансформаций — развилка между биозаповедником и техновселенной...⁶

Соответственно возникают два направления в гуманологии:

— **эко-гуманология** — о человеке как выходе «консервативной», природной среды, страдающем, смертном существе, физически несовершенном, творчески одаренном, культурно дерзающем — о специфике человека, не сводимой к машине;

– *техно-гуманология* – о функциях человека, передаваемых машине, интегрируемых в новых техно-организмах, способных к дальнейшему самостоятельному развитию и все менее зависимых от их прародителя, homo sapiens.

* * *

Человек – биологически и интеллектуально ограниченное существо: у его органов чувств – узкий диапазон восприятия, у его мозга – слабая память и медленный темп переработки информации, у его тела – ограниченный запас выносливости и краткий срок жизни, и все это сокращает эволюционный потенциал человека как вида. Возможны, по крайней мере, гипотетически, более успешные, конкурентоспособные формы искусственной жизни. *Переступая границы своего вида, человек становится одновременно больше и меньше себя.* Меньше, потому что он уже не краса и цель творения, не пик эволюции, каким воображал себя с эпохи Возрождения, но только точка перехода от органической к технической эре, от мира природы к миру культуры, где возникают все более свободные от него, самодействующие системы разума. С другой стороны, человек превосходит себя в своих сверхчеловеческих созданиях. Происходит одновременно истощение, исчерпание человека как отдельного вида – и распространение человеческого за его биологический предел.

Подобно кеносису Бога, который воплощается в слабой, смертной человеческой плоти, чтобы наделить людей даром обожения, люди истощают себя в своих творениях, мыслящих машинах, чтобы передать им свою человечность, способность мыслить, свою мечту о бессмертии, всезнании и всемогуществе. В XXI в. гуманитарные науки могут пережить кризис, подобный кризису теологии в XX в. Кеносис Бога, его самоистощение в человечестве дальше переходит в *кеносис человека*, его самоистощение в новейших технологиях.

Гуманология и есть попытка осмыслить эту перспективу «творческого исчезновения» человека. Наряду с *«а-теологией»*, которая исследует Бога в формах его отсутствия, молчания, неучастия и даже «смерти Бога», можно предста-

вить себе *«а-гуманитарное»* исследование, которое рассматривает феномен человеческого в его отчужденно-опустошенных и даже деградированных формах, таких, как порожденные дурным намерением или ошибкой колонии компьютерных вирусов. Гуманология тем самым переступает предел гуманитарных наук, которые имели дело с «человеческим, слишком человеческим». Само человеческое ставится под вопрос, проблематизируется в этой новой теоретической модели. Но тем самым человеческое и обнаруживает впервые свой подлинный масштаб – способность создавать нечто, превосходящее своего создателя⁷.

Примечания

- ¹ Такое видение нового века изложено в книгах Kurzweil M. The Age of Spiritual Machines. – NY, 1999; The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – NY: Viking, 2005. Подробнее об идеях Курцвайла см.: Эпштейн М. Нулевой цикл столетия. Эксплозив – взрывной стиль 2000-х // Звезда. 2006. № 2.
- ² Hayles N. Katherine. How we Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1999.
- ³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т.: Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 8.
- ⁴ Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т.: Т. 1. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. – С. 507–508.
- ⁵ См.: The Deleuze Reader / Ed. and with an introduction by Constantin V. Boundas. – NY: Columbia UP, 1993. – P. 95 – 102.
- ⁶ Разумеется, нельзя исключить и третьего варианта: будет найден счастливый синтез биологического и технического, который позволит жизни не отставать от разума, сопутствовать ему в скорости информационных обменов и вселенской экспансии. Возможно, что генетика окажется медиатором между органической природой и техническим разумом, позволяя создавать новые формы жизни, обладающие бессмертием, бесконечной информационной емкостью и физической приспособляемостью, способные к быстрой эволюции. Этот вариант, обсуждавшийся еще С. Лемом в «Сумме технологии», заслуживает отдельного рассмотрения, которое выходит за рамки данной статьи.
- ⁷ О гуманитарии в контексте других методологических проблем см.: Epstein Mikhail. The Role of The Humanities in Global Culture: Questions and Hypotheses // Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge (Bowling Green University, Ohio). 2001. № 2. <http://www.rhizomes.net>

ТЕЛЕСНЫЙ ПОДХОД В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

А.Л. АЛЮШИН, Е.Н. КНЯЗЕВА

Спор с вычислительным подходом

С начала 1990-х годов в западной когнитивной науке интенсивно развивается так называемый телесный подход. Английское словосочетание «embodied cognition approach» точнее было бы переводить как подход с точки зрения «отелесненности» процесса познания, телесной облеченности всякого познающего существа. Такое уточнение мы всегда будем иметь в виду, говоря неуклюже, но кратко: «телесный подход». Среди создателей нового подхода такие ученые, как Р. Бир, Р. Брукс, Т. ван Гелдер, Э. Кларк, Ж. Лакофф, П. Маес, Э. Прем, Э. Телен, Ф. Варела и ряд других.

В данной статье мы раскроем основные положения телесного подхода, рассмотрим меру их новизны, а также выскажем некоторые идеи, к которым телесный подход подвел нас самих.

Возникновение и быстрое развитие телесного подхода было подстегнуто глубокой неудовлетворенностью ряда ученых доминировавшим с 60-х гг. вычислительным подходом (computational approach) к объяснению познавательных способностей человека и животных. Излюбленной сферой приложения усилий представителей вычислительного подхода была проблема искусственного интеллекта. Идеалом виделась возможность построения системы, полностью имитирующей человеческий интеллект. В качестве модели для имитации брался компьютер. Предполагалось, что и мозг работает по принципам компьютера. Наглядным образцом такого рода устройства стал автомат для игры в шахматы, основанный на просчитывании всех возможных ходов максимально далеко вперед.

Создателей устройства радовало и обнадеживало то, что возможности автомата в чем-то даже превосходят возможности человеческого интеллекта. Казалось, стоит еще и еще повысить тактовую частоту процессора, добавить гигабайтов памяти, объединить множество компьютеров в единую сеть, запустив по возможности параллельно, что уподоби-

ло бы их нейронной сети мозга, одновременно выполняющей множество задач – и цель достигнута.

Нет, заявили сторонники телесного подхода: резервы на этом пути, конечно, есть, но сам путь обходит стороной главное.

Возражения новаторов в адрес вычислительного подхода в обобщенной форме можно сформулировать следующим образом:

1. Вы сводите функции познания к функциям чистого, абстрактного интеллекта. Интеллект у вас существует как бы вне тела, вне физического организма, взятого в его естественном функционировании и движении и в окружении других материальных тел. Фактор телесной облеченности субъекта восприятия и мышления в вашей модели не только излишен, но и вреден, поскольку только затемняет и искажает деятельность чистого интеллекта. Тем самым ваша модель лишается связи с реальностью, а потому объяснительной и эвристической силы.

2. Вы рассматриваете когнитивные функции, причем сведенные лишь к интеллектуальным функциям, в их наличной данности, в полностью развитом виде, игнорируя и общее эволюционное происхождение этих функций (процесс филогенеза), и постепенность их формирования в процессе индивидуального развития особи (процесс онтогенеза).

3. Мыслительные операции человека, в вашем представлении, строятся по принципу символического представления (репрезентации – поэтому вычислительный подход нередко называют также репрезентативным), который лежит в основе работы компьютера, где входные данные переводятся на особый символический язык, посредством которого обрабатываются. Это означает, что если процесс «вне» головы, вызвавший когнитивный акт, можно объяснить как физический динамический процесс, то процесс «в» голове следует объяснять по законам семантики, т.е. смыслового отношения одной системы символов с другой системой символов. Тем самым процесс познания, а с ним и мир в целом, оказывается удвоен, разорван по меньшей мере на две несводимые реальности – физическую и семантическую.

4. Черты самоорганизации и самодвижения в компьютерах весьма ограничены. Моделируя когнитивные функции по образцу функций компьютера, мы лишаем этих черт и естественное функционирование мозга, а потому нуждаемся во введении в модель мозга внешней движущей силы или программы, посредством которой осуществляются самотестирование системы и ее самоконтроль.

Ведь, во-первых, если подходить к пониманию деятельности мозга по семантической схеме, вряд ли можно утверждать, что семантические системы, в отличие от физических динамических систем, способны к спонтанному движению, в том числе «переведению» себя в другую систему символов. Во-вторых, с технической точки зрения, компьютерные операции осуществляются в тактовом режиме, а не непрерывно: с каждым новым тактом, отмеряемым процессором, изменяется распределение электромагнитных состояний, что в более широком временном масштабе выглядит как непрерывная работа компьютера. Но такого рода движение есть не подлинное динамическое движение, а последовательность сменяющих друг друга статических состояний. Тем более не есть оно самодвижение, поскольку осуществляется только путем «подталкивания» со стороны процессора, и одно статическое состояние никоим образом не способно самопроизвольно перетекать в другое состояние, разве что как сбой системы.

В противовес вычислительному подходу была выдвинута теоретическая концепция, базирующаяся на следующих утверждениях.

1. Познание телесно, или «отелесненно». То, что познается и как познается, зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве. Устроены тела по-разному — потому и познают тела по-разному. Если раньше гносеологи говорили, что познание теоретически нагружено (т.е. то, что мы видим, во многом определяется имеющимися у нас теоретическими представлениями), то теперь можно сказать к тому же, что познание телесно нагружено. Нельзя понять работу человеческого ума, если брать ум аб-

страгированным от организма, телесности, определенным образом обусловленного восприятия посредством конкретных органов чувств.

2. Познание ситуационно. Познающее тело погружено в более широкое — внешнее природное и, в случае человека, социокультурное окружение, оказывающее свои влияния.

3. Познание инактивировано (*enacted cognition*). Познание осуществляется в действии и через действия. Через действия формируются когнитивные способности, как видовые, так и индивидуальные. Когнитивная активность в мире создает и саму окружающую по отношению к познающему существу среду — в смысле отбора, вырезания им из мира именно и только того, что соответствует его телесным потребностям, когнитивным способностям и установкам.

4. Познавательные системы есть динамические и самоорганизующиеся системы. В этом функционирование познавательных систем принципиально сходно, единосушно функционированию познаваемых природных систем, т.е. объектов окружающего мира. Потому и мир остается един, а не разорван на динамическую «внеголовную» и семантическую «внутриголовную» половины.

Обратим внимание на то, что сторонники телесного подхода очень охотно используют термин «когнитивный агент». Почему не «субъект» — термин, давно принятый в философии? Объяснение мы видим в том, что термин «когнитивный агент» (английское *agent* происходит от лат. *agitare*, которое означает «приводить в движение, двигать-ся») указывает на деятельностный характер познающего субъекта, осуществление им познания через двигательную активность.

Прикладные нужды науки

Потребность в смене теоретической парадигмы диктовалась в значительной степени технико-прикладными нуждами. Прогрессивно мыслящие ученые, работающие в области технического создания искусственного интеллекта, все были мало удовлетворены традиционным подходом и работали над новыми конструктивными принципами.

Исходными в своей работе новаторы приняли следующие установки¹.

— Автономное движение искусственного существа в окружающей предметной среде.

— Телесность искусственного существа, означающая, что существо должно быть воплощено как физическая система, способная действовать в реальном материальном мире с координацией своих воспринимающих и двигательных подсистем.

— Взаимодействие существа с окружающей средой путем избирательных, пробных контактов, как бы провоцирующих отклики среды.

— Сбор и накопление информации о среде путем пробных контактов и провоцирования.

— Способность самостоятельно вырабатывать новые и более адекватные способы действия в разнообразной и изменчивой среде. Искусственное существо должно быть наделено свойством избыточности потенциальных вариантов действий.

Подход был действительно новым. Не строго логические квазимыслительные шаги недвижимой, размещенной на столе вычислительной машины, и не проявление в двигательных операциях одного из предзаложенных алгоритмов, как в традиционном роботе, а самоусовершенствование когнитивных способностей устройства через его материальное движение — познание из движения.

Один из лидеров телесного подхода в робототехнике Р. Бир обозначил в середине 1990-х гг. техническую задачу, вполне выполнимую, как он считал, в пределах десятилетия: создать искусственное существо, по двигательным и познавательным способностям идентичное насекомому³. Почему ученые-прикладники ориентировались на насекомых? Насекомые очень подвижны, имеют жесткий опорно-двигательный аппарат, который легче воспроизвести из искусственных материалов, обладают простой, но эффективной в своем радиусе действия системой восприятия.

Поставленная задача действительно была выполнена. Одно из достижений — создание миниатюрного летающего существа наподобие стрекозы, самостоятельно ориентирую-

щегося в простой предметной среде. Начинает прорисовываться и новая задача — создание коллективов искусственных устройств. Ведь если брать тех же насекомых, то многие их виды социальны. Отдельные особи оказывают поддержку и передают информацию друг другу, а активность каждой особи детерминируется потребностями сообщества в целом.

Много интересного, как нам кажется, ждет при создании полчищ единообразных миниатюрных насекомоподобных существ. Можно предположить, что именно полчища искусственных познающих существ окажутся эффективными в обследовании недоступных поверхностей и пространств сложной конфигурации, например, на других небесных телах. Возможно их применение в метеорологии и океанологии при исследовании потоков воздушных и водных масс. За счет разноса базы и согласования перемещений полчище искусственных существ могло бы очень точно ориентироваться и само, и передавать информацию о движениях других. Это была бы целая считывающая «скатерть», дифференцирующая и интегрирующая динамику процессов своим совокупным телом.

Козволюция познающих существ и их среды

Телесный подход предлагает срединный путь понимания взаимоотношения субъекта (агента) и объекта (предмета или среды). С одной стороны, телесный подход далек от субъективного идеализма, в котором только субъект активен, а внешний мир, если он вообще признается существующим, есть лишь проекция активности субъекта. Но, с другой стороны, далек он и от позиции, которую можно назвать объективизмом, где линии детерминирующего воздействия идут исключительно от внешнего мира к субъекту и где субъект сталкивается с жесткой, противостоящей ему как недвижимая стена средой, к которой ему остается лишь в одностороннем порядке приспосабливаться. В рамках телесного подхода активны и агент, и среда. При этом, однако, среда вообще, как весь внешний, объективный мир, и конкретная среда определенного агента познания далеко не тождественны.

А. Бергсон еще в конце позапрошлого века начал развивать идеи, конгениальные телесному подходу. В 1896 г. в «Ма-

терии и памяти», а затем в главном своем труде «Творческая эволюция» (1907), Бергсон связал процесс выделения субъектом предметов из среды, в том числе и самого себя как одного из предметов, не только с особенностями чувственных рецепторов субъекта, но и с его потребностями и вызываемыми ими действиями. «Неорганизованные тела выкраиваются из ткани природы восприятием, ножницы которого как бы следуют пунктиру линий, определяющих возможный захват действия»⁴.

Именно через движение ребенка осуществляется его самовыделение из среды. Эту идею высказал А. Бергсон в работе «Материя и память» задолго до появления теории Пиаже, в которой данная идея получила глубокую разработку. «Наша мысль изначально связана с действием. Именно по форме действия был отлит наш интеллект»⁵, — писал Бергсон. «Наши потребности — это... пучок света, направленный на непрерывность чувственных качеств и очерчивающий там отдельные тела. Потребности наши могут быть удовлетворены, лишь если мы вырежем в этой непрерывности наше тело, а затем отделим от него другие тела, с которыми наше тело вступит в отношения, как с личностями»⁶.

Идеи Бергсона продолжал развивать М. Мерло-Понти. В 1945 г. он писал о том, что организм активно выбирает из всего разнообразия окружающего мира те стимулы, на которые ему предстоит откликнуться, и в этом смысле создает под себя свою среду. Познающее тело и окружающий его мир находятся в отношении взаимной детерминации⁷. Стронники телесного подхода полностью разделяют такое суждение, почитая Мерло-Понти как одного из своих идейных предшественников.

Каждый живой организм «раскраивает» мир по-своему. Организм выбирает из огромного резервуара возможностей мира то, что отвечает его способностям познания (способностям мышления и восприятия). В процессе формирования собственной идентичности живой организм как существо когнитивное вырезает из окружающей реальности контур своей среды. По словам Мерло-Понти, воспринимаемый мир — это совокупность дорог, по которым движется мое тело. Это — невидимое видимого, принадлежность

всякий раз лишь к определенному фрагменту мира. «Плоть мира — это кладезь возможностей»⁸. Познающее тело выводит на поверхность в данном, конкретном акте познания лишь одну из них, лишь что-то из того, что присуще миру и, одновременно, что отвечает его познавательным устремлениям.

Глаз человека приспособлен к определенному «оптическому окну», отличающемуся от «окна» некоторых насекомых, питающихся нектаром (пчелы, бабочки, муравьи), способных видеть в ультрафиолете. Ухо устроено так, что слышит в определенном «акустическом окне», оно не способно воспринимать ультразвуковые сигналы, которыми пользуются для коммуникации некоторые животные, такие, как дельфины и летучие мыши. Мир голубя окрашен в пять цветов, перед бабочками открывается неожиданное великолепие мира в ультрафиолетовом свете, недоступное человеческому глазу, ночные животные (волки и другие хищные звери), как правило, не различают цветов, т.е. видят мир черно-белым, а палитра красок мира, представляющая перед человеческим глазом, широка и включает в себя множество цветов и оттенков цвета.

Свое деление на осязаемое и неосязаемое, значимое и незначимое, до чего есть дело и до чего нет дела, существует, как для биологических видов, и для человека, и для собаки, и для комара.

Каждый вид имеет как бы каску наподобие шахтерской со своим фонариком, который светит туда, куда направлен вектор потребностей и устремлений. Фонарик освещает окружающее в собственном волновом диапазоне, выработавшемся за долгое время, он выхватывает те контуры из мрака (или, лучше сказать, из всех вариаций возможных контуров), которые прорисовываются именно в этих световых или акустических волнах. Потому направленно ищущий луч познания как бы заранее размечает то, что предстоит увидеть, оставляя вне поле зрения недоступное или незначимое. Отрезается тот кусок торта, который предстоит съесть.

Известный психолог У. Найссер в своих исследованиях, проведенных в 1970-х гг., показал, что воспринимаемое поступает в мозг не в чистом, первозданном виде, «как оно

есть там снаружи», а ложится на предуготовленную схему, которую он назвал «форматом». Сам существующий на данный момент формат задается всей суммой предыдущих восприятий, что свидетельствует о самоорганизации познавательного процесса и его гибкой приспособляемости исходя из предшествующего опыта. «Информация, заполняющая формат в какой-то момент циклического процесса, становится частью формата в следующий момент, определяя то, как будет приниматься дальнейшая информация»⁹.

В процессе создания формата, по Найссеру, необходима функция воображения, которое готовит схему будущих восприятий. С одной стороны, субъект безотчетно создает для себя «когнитивную карту среды»¹⁰, которая направляет и делает избирательным его восприятие. А с другой — сами объекты предоставляют возможности, которые могут быть восприняты или не восприняты субъектом.

Может возникнуть возражение: активность субъекта здесь понимается очень ограниченно или вообще метафорически. Да, он отрезает свой кусок торта — но не печет сам торт. Он размечает реальность для себя, как сеткой в поле зрения прицела, но разве от прицеливания меняется физическим образом реальность сама по себе, реальность для всех других?

В широком временном масштабе — может меняться. В ходе общей эволюции жизни происходит взаимное приспособление познающих живых организмов и среды их обитания, во всяком случае, ее органической части. Поэтому эволюцию можно с полным правом называть коэволюцией. Зрение медоносных пчел смещено к ультрафиолетовой части спектра «для того» или «потому», что так им лучше видятся цветки с нектаром, которые есть для них фрагмент среды. Но и цветки прошли в ходе эволюции свою часть пути. Естественным образом отбирались растения с цветками, наиболее заметными для пчел, поскольку те, унося пыльцу на своих ножках, расширяли ареал таких растений.

Итак, мир живого существа возникает с его действием. Это — инактивированный мир. Не только разум познает мир, но и процесс познания формирует разум, придает познавательной активности конкретную конфигурацию. Прав

Варела, утверждая, что «мир, который меня окружает, и то, что я делаю, чтобы обнаружить себя в этом мире, неразделимы. Познание есть активное участие, глубинная ко-детерминация того, что кажется внешним, и того, что кажется внутренним»¹¹.

Субъект и объект познания взаимно детерминируют друг друга, находятся в отношении ко-детерминации. Они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творяются, изменяются в когнитивном действии и благодаря ему.

Наглядный образ такого рода циклической, взаимно полагающей связи дает нам известная картина Маурица Эшера «Рисующие руки» (1948). Правая рука рисует манжету с запонкой. Ее работа еще не закончена, а справа уже детально прорисована левая рука, которая рисует манжету с запонкой, из которой выступает правая рисующая рука. Эти две руки взаимно рисуют друг друга, они взаимно полагают условия своего возникновения. Их взаимное определение выделяется на общем фоне рисунка и составляет некое единство, некое автономное действие, которое можно, пожалуй, назвать креативным кругом.

Подобным образом взаимно полагают и определяют друг друга субъект и объект познания, когнитивный агент и среда его активности. «Мы не можем выйти за пределы той области, которая определена возможностями нашего тела и нашей нервной системы, — отмечает Варела. — Не существует никакого иного мира, кроме того, о котором мы узнаем через эти процессы, — через процессы, которые предоставляют нам данные и из которых мы устанавливаем, кто мы есть. Мы находимся внутри некой когнитивной области, и мы не в состоянии выпрыгнуть из нее или установить, где она начинается и как мы ее обрели»¹². Отношения субъекта и объекта познания строятся по принципу возвратности, взаимоотношенности, референтности. Это — отношения соучастия.

Инактивация, вдействие человека в мир означает пробуждение мира в результате действий субъекта познания. Изменяя мир, субъект изменяется сам. Дорога не дана ищущему и познающему человеку априори, она проклады-

вается в ходе продвижения по ней. Не только идущий прокладывает дорогу, но и дорога делает идущего. Пройдя путь, он превращается в другого человека.

Матрешка тел

Мы все время говорим о теле. Но что есть тело — живое тело? Где его границы? На первый взгляд там, где кончаются волоски на нашей коже, там и кончается тело. Но это только на первый взгляд. Если копнуть глубже, начинаются парадоксы. Муравейник или пчелиный рой — это единое тело, единый организм? Если да, то что тогда сказать об отдельном муравье? Клетки, составляющие организм человека, — это отдельные тела? Если да, то мы имеем не одно тело, а матрешку вложенных одно в другое тел.

Если подключить сюда вопрос о субъекте, или агенте, познания, то можно запутаться еще больше. Интуитивно можно предположить, что каждый субъект познания имеет свое тело, облечен в него, и, наоборот, каждому телу соответствует свой субъект познания. Но тогда наша матрешка начинает выглядеть страшноватой. В нашем собственном теле, оказывается, копошатся мириады тел-клеток, и каждое со своим знанием, со своим кругозором. В то же время, может быть, и мы входим в какой-то вышестоящий организм? Допустим, в тело человечества как биологического вида или вообще в тело всего живого.

Мы можем испытать тело на предельные границы не только «растягивая» его «вверх-вниз» по множественной «матрешечной» включенности одного в другое, но и разворачивая во времени в единую живую «змейку» поколений тел, последовательно порождающих одно другое и сшитых нитками генов. О возможности такого взгляда писал Бергсон: «Всякий индивидуальный организм, будь то даже организм человека, представляет собой только почку, распустившуюся на соединенном теле своих родителей»¹³.

Да и с телом «в границах кожи» не все так просто. Вот вы идете и поскользываетесь. Пока вы что-то успеваете сообразить, ваше тело без вашего контроля умудряется произвести невообразимый кульбит и восстановить равновесие. Кто-то без вашего участия получает сигнал об опасности

повреждения, вычисляет нужное приложение сил и прочие гимнастические тонкости. Значит, в вас дремлет кто-то, кому скорее вы принадлежите, чем он вам. Таких «кто-то» может быть не один, а целая гроздь, навешанная на общий позвоночник. Среди них ваше осознаваемое «я» далеко не венчает все сооружение, а помещается где-то на срединных этажах. Реально физиологическое, до-сознательное тело человека представлено и контролируется самыми древними и самыми надежными, быстро и нерелективно реагирующими областями мозга, скрытыми под эволюционными мозговыми новообразованиями, венчает которые лобные доли мозга, ответственные за ассоциативное и креативное мышление.

Чтобы совсем не заблудиться в царстве множасьих тел, нам надо принять рабочую гипотезу, вводящую представление о теле и субъекте познания в более или менее четкие рамки.

Мы считаем, что под телом, обладающим свойством познающего существа, следует понимать животную особь, способную добывать информацию и самостоятельно передвигаться в пространстве. За скобками сразу остаются три большие категории: то, что внутри тела, — клетки, входящие в состав организма на принципах полного «членства», но не симбиоза; то, что над, — сообщества и популяции животных, которые нельзя считать едиными организмами, и растения.

Способность познания возникает как ответ на потребность существа распознать угрозу своей целостности и неповрежденности и двигательно отреагировать: отодвинуться, убежать, уплыть или погубить самого обидчика. Здесь свойство жизни, бытия живым, и свойство познания смыкаются, сходятся к одному пракорню. Познавать — это по изначальному смыслу распознавать. Распознавать угрозу, познавать, чтобы остаться в живых, чтобы жить.

Кто-то рискнет назвать организмом сообщество животных — тот же муравейник. Но если применить критерий способности движения как пробу на наличие у организма познавательных свойств, то сообщество сразу отпадет. Конечно, в отдельных случаях перелетать может весь пчелиный рой — но все же двигается, щупает усиками окружение, тя-

нет былинку, добывает пищу, разузнает, что нового не рой или муравейник в целом, а отдельная пчела или муравей.

Наконец, почему бы не причислить к познающим существам растения — ведь они есть живые тела, организмы? Разве дерево не спасает себя от повреждения — в полном соответствии с исходным свойством живого, — затягивая рану от удара топором?

Мы бы сказали, что растение действительно обладает восприятием — но как рудиментом свойств, почти полностью атрофированных, отпавших за ненадобностью в ходе эволюции. Растения обрели способность получать питание путем синтеза неорганических веществ, а они доступны практически в любой точке и не требуют перемещения. Животному приходится беспрестанно шастать, чтобы добыть еду или самому не стать едой, а потому держать уши на макушке. Растение же может быть спокойно: оно получает пищу по месту постоянной регистрации в лесу. При растительном, т.е. недвижимом, образе жизни развитые чувства просто ни к чему. Что толку иметь способность учуять угрозу, если нет способности убежать, отстраниться от нее?

Теперь поставим вопрос в иной плоскости: насколько далеко контуры познающего существа простираются в окружающий мир и насколько глубоко окружающий мир, пусть невидимым образом, внедрен в познающее существо?

С точки зрения сторонников вычислительного подхода, мир поделен на две несводимые реальности: символическую, представленную внутри головы, и физическую — вовне. Для них поэтому встает проблема: как соединить обе эти реальности или объяснить одну через другую.

Телесный подход говорит о единстве реальности и принадлежности к ней как агента со свойственными ему когнитивными процессами, так и внешней ему среды. Эта единая реальность имеет физический характер, а процессы в ней являются динамическими процессами самоорганизации.

Для телесного подхода здесь таится одновременно и теоретическая проблема, и методологический соблазн. Проблема в том, как, наоборот, разделить субъект и объект, качественно различить их. А соблазн в том, чтобы продолжить, «распростереть» субъект дальше во внешний мир, размыть

границы между ними. Коль скоро реальность едина, нет препятствий для проникновения, включения элементов среды в тело когнитивного агента.

Проблема может быть обернута противоположной стороной. Все для субъекта познания становится внешней средой, включая само его тело: члены тела и органы чувств, поставляющие материал для обработки, и мозговые клетки, производящие обработку. Тело принадлежит субъекту, но не является субъектом. Что же тогда остается от субъекта, где он сам? А ничего не остается, он нигде. Он растворен в среде, от него осталось эфемерное, материально не фиксируемое образование — поток ментального, висящее в пустоте «я».

Опять парадокс. Опять нужен критерий, предотвращающий как раздувание субъекта до необозримых размеров путем вглатывания доброй порции окружающей среды, так и «испарение» субъекта. Таким критерием может быть допущение конгруэнтности, совпадения контуров познающего существа и тела как биологического организма. Субъект не «помещен» в теле, субъекту не «принадлежит» тело, а тело — во всей множественности и сложности его функций, от физиологических до идеальных, — и есть субъект познания.

Воображаемые миры

Человек всегда был связан путами своего тела, но часто мечтал сбросить или хотя бы ослабить их. Тема освобождения от уз тела была развита еще в философии ранней йоги. Ее создателем был Патанджали. Патанджали — автор сутр, которые датируются очень неопределенно: от II в. до н.э. до IV в. н.э.

В древнем источнике записано: «Вследствие ослабления оков кармы и постижения образа действия своего сознания йогин, «изымая» сознание из собственного тела, «помещает» его в другие тела, а за «перемещенным» сознанием следуют и органы чувств»¹⁴.

Развита в ранней йоге и тема обретения сверхестественных способностей тела. При упоминании последних всегда должна идти речь о необходимости отделения проверенных фактов от вымысла и фальсификаций. Но нам перечень этих

сверхестественных способностей в данном случае интересен тем, что он дает представление от противного о том, что именно в своем теле йоги считали нуждающимся в изменении и способным претерпеть изменение.

«Из этих [восьми совершенных способностей] уменьшение есть [обретение размера] атома; легкость — [когда йогин] становится невесомым; увеличение — [когда он] достигает огромного размера; приращение — [когда йогин] касается луны кончиками одних лишь пальцев; всепреодолевающая воля — [это] стремление, не встречающее препятствий, когда, например, он входит в [толщу] земли и проходит [сквозь нее], как если бы она была водой; господство — [когда йогин] контролирует «[великие] элементы» и производные от них [объекты] и не подвержен контролю со стороны других; владычество — [когда йогин] управляет их возникновением, разрушением и соединением; осуществимость всего желаемого есть свойство [полного] осуществления задуманного: каково намерение — таково и состояние «[великих] элементов. Однако [йогин] не изменяет ход вещей на противоположный, хотя и обладает такой способностью.

— Почему?

— Потому что [все] существующее [установлено именно] таким образом в соответствии с намерением другого — «Изначально совершенного»¹⁵.

Последняя фраза указывает на то, что йоги считали полную «перекройку» карты телесных способностей хотя и возможной, но не только не необходимой, но и вредной, идущей вразрез с божественным замыслом.

Связанность человека своей телесностью обусловлена, в самом общем плане, обстоятельствами физического бытия живых существ на Земле. Но каковы именно эти обстоятельства? И что было бы, если бы они были другими? Здесь телесный подход открывает богатое поле для анализа и даже воображения. Анализ, правда, связан с задачей в некотором роде вылезти из собственной шкуры, поскольку чем более естественно какое-либо обстоятельство, более общезначимо, укоренено в самом природном порядке вещей, тем оно менее заметно, как бы само собой разумеется.

Понятно, что, живи и формируйся существо на другой планете, другим было бы и то, что оно познает, — инопла-

нетное. Но дело в том, что во многом другим было бы и то, как оно познает, — по-инопланетному. Возможно, иными были бы базисные категории и общая сетка восприятия и мысленного представления мира.

В телесном подходе присутствуют два противоположных мотива в трактовке роли тела в процессе познания. С одной стороны, только через тело и его движение формируется и осуществляется познание. Но, с другой стороны, тело приносит такие искажающие влияния, от которых приходится избавляться. Идея чистого интеллекта присутствует и как предмет критики, с точки зрения ее нежизненности и научной несостоятельности, и как идеал. Сам по себе недостижимый, именно он задает направленность вектора объективации. Такое противоречие можно снять в уме с помощью гегелевской диалектической триады: до помещения в тело чистый интеллект есть выхолощенное представление, но после помещения в тело и с учетом такой помещенности — на новом витке спирали, он становится важным притягивающим аттрактором и задающим критерием.

В телесном подходе получила развитие тема категоризации человеком мира исходя из базисных обстоятельств физического существования его тела. Сетка этих категорий как бы накладывается на мир, и только согласно ее клеточкам мир и воспринимается. Категории эти не случайны и не произвольны, как полагали некоторые психологи, в частности, бихевиористы и сторонники культурного релятивизма в антропологии. Они происходят из телесного опыта, а он имеет повторяющийся и устойчивый характер. Категории имеют свою базисную логику, которая направляет мышление и всесторонним образом выражается в языке, в том числе задает употребление метафор¹⁶.

У Лоренца произведен разбор в основном трех категорий, идущих от Канта — пространства, времени и причинности. Представление о причинности, по Лоренцу, возникает из наблюдения неизменной временной последовательности явлений и допущения как бы переноса энергии от причины к следствию. Другими учеными предложены и другие категории или кинестетические схемы. Среди них: схемы заключенности или помещенности во что-то, отноше-

ний часть — целое и исток — путь — цель, категории силы, подчиненности, доминирования, симметрии, берущей начало в симметричности тела и обуславливающая восприятие всего окружающего исходя из представления о симметрии, и др.

Э. Рош предположила, что среди нескольких возможных уровней обобщенности (таксономии) есть базисный уровень категоризации, и подкрепила гипотезу экспериментальными психологическими исследованиями. Так, при вопросе: на чем мы обычно сидим? наиболее распространенным ответом будет: на стуле, хотя есть и более высокий уровень обобщения для понятия стул: мебель, и более низкий, конкретный — мягкий стул со спинкой¹⁷.

Базисный уровень задается сочетанием факторов биологии, культуры, когнитивной потребности в информативности и одновременно задачей экономичности сообщения. Категория базисного уровня характеризуется тем, что она 1) связана со сходными моторными действиями, 2) вызывает в воображении сходные формы и образы, 3) имеет единые, значимые для всякого человека атрибуты, 4) опознается даже малыми детьми, 5) имеет преимущество в языковом употреблении.

Мы бы предложили еще категории весомости тела, длительности и старения, постоянства размеров тела — ведь можно же допустить возможность произвольного ужимания и раздувания тела подобно тому, как некоторые животные распушиваются, чтобы казаться более объемными и, стало быть, более грозными?

Мы же, человеческое племя, преуспели в оперировании именно твердыми и неживыми предметами. Согласно концепции Л. Выготского, разработанной в 1920-е — 1930-е гг., оперирование материальными предметами, имеющее пробный, бесцельный, игровой характер, сыграло решающую роль в развитии у высших млекопитающих интеллекта, как изобретательной, креативной мозговой функции.

Нахождение ребенком обходного пути, т.е. обретение качественно иного восприятия пространства, может происходить как инсайт, сразу ставящий двухлетнего ребенка на уровень, свойственный старшему. «Инсайт всегда можно

рассматривать как изменение когнитивной структуры ситуации. Он часто включает дифференциацию и реструктуризацию в смысле разделения определенных регионов [поля], которые были связаны, и соединения регионов, которые были разделены. Например, чтобы использовать ветку дерева в качестве палки для доставания цели, находящейся за решеткой, необходимо увидеть ветку как относительно изолированную единицу, а не как часть внутри большей единицы — дерева. Кроме того, необходимо связать эту ветку с целью за решеткой»¹⁸.

От самых экзотических реально существующих живых тел воображение легко переходит к вымышленным телам. С. Лем в «Солярисе» вообразил единое желеобразное живое и мыслящее тело, бесформенно распластанное по всей поверхности планеты, куда прилетели посланцы Земли. Лем представил, как могло бы возникнуть такое тело: поскольку планета вращалась в системе двойной звезды, ее орбита была нерегулярной, и, чтобы сгладить губительные перепады силы тяжести и атмосферных условий, тело научилось перетекать и вовремя концентрировать свою массу то на одной, то на другой стороне планеты, тем самым приближая орбиту планеты к круговой.

Но и самые диковинные обитатели Земли и даже других планет — это еще не предел воображения. Настоящие альтернативные миры начинаются здесь же, на поверхности стола, за которым мы сидим, если углубиться на десять порядков в какую-нибудь лежащую на нем пылинку.

Ведь как бы то ни было, все планеты — круглые, на всех есть сила тяжести, все поливаются потоками света, а их обитатели должны подчиняться законам классической физики. Та часть окружающего мира, к которой адаптировался человек в ходе эволюции согласно особенностям своей телесной организации, характеризуется как мезокосм. «Когнитивную нишу человека мы называем „мезокосмом“, — пишет немецкий эволюционный эпистемолог Г. Фольмер. — Мезокосм — это мир средних размерностей, мир средних расстояний, времен, весов, температур, мир малых скоростей, ускорений, сил, а также мир умеренной сложности. Наши познавательные структуры созданы этим космосом,

подогнаны к нему, для него и посредством него отобранны, на нем испытаны и оправдали свою надежность»¹⁹.

Но все знакомые нам макрообъекты, или тела мезокосма, включая вирусы и бактерии, есть только промежуточный островок в сквозной иерархии уровней, уходящей неизвестно куда вверх и неизвестно куда вниз. Вот что писал по данному поводу физик, академик М.А. Марков, известный своей гипотезой фридмонов — частиц, с виду являющихся элементарными, но если нырнуть в них через горловину, как в огромную пещеру через узкий лаз, то внутри окажется целая Вселенная. «Понятия пространства — времени, понятия энергии (материи) — импульса являются отображением в сознании человека его непосредственно макроскопического бытия»²⁰.

«Отвлекаясь в область ненаучных фантазий, можно себе представить, что чувствующая и мыслящая материя проявляется в какой-то другой форме, не в форме макроскопического существа. Естественно полагать, что органы чувств такого „индивида“, „биологическое“ существование которого связано, например, с атомным миром, давали бы „непосредственные сведения“ о явлениях микромира. Его мировоззрение на первых порах было бы „электромагнитным“, а законы макромира и весь мир макроявлений казались бы ему, может быть, не менее далекими и странными, чем нам закономерности микромира. Он понимал бы их, лишь делая насилие над своими наглядными представлениями. Внутрядерное „существо“, к зависти современных физиков, было бы буквально „как у себя дома“ в вопросах ядерных сил...»²¹. Марков ведет речь все же не столько о реальных живых существах, сколько о виртуальных посланцах, сформированных нашим мысленным экспериментом.

Но возможно ли в самом деле существование на далеком «верху» и далеком «низу» лестницы масштабов живых и познающих тел? В какой материальный субстрат могут быть там облечены их тела? Вопросы остаются без ответа. Единственная более-менее конструктивная подсказка, вытекающая из сравнения макротел с объектами микрофизики — это то, что свойства тел нашего «этажа» мироздания нельзя принимать за абсолютные и общезначимые. В ми-

рах сверх-малых и сверх-больших масштабов все может быть не просто по-другому, а совсем по-другому.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Schreier C., Pfeifer R.* The Embodied Cognitive Science Approach // Dynamics, Synergetics, Autonomous Agents. Singapore: World Scientific, 1999. — P. 159 — 179.
- ² *Beer R.D.* Computational and Dynamical Languages for Autonomous Agents // Mind as Motion. Explorations in the Dynamics of Cognition. — Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995. — P. 122 — 147.
- ³ *Бергсон А.* Творческая эволюция. — М.: КАНОН-пресс — Кучково поле, 1998. — С. 48.
- ⁴ *Бергсон А.* Собр. соч.: Т. 1. — М.: Московский клуб, 1992. — С. 75.
- ⁵ *Бергсон А.* Материя и память // Собр. соч.: Т. 1. — С. 285.
- ⁶ *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. — СПб.: Ювента — Наука, 1999. — С. 106.
- ⁷ *Merleau-Ponty M.* Le Visible et l'Invisible. Suivi de notes de travail. — Paris: Gallimard, 1964. — P. 304.
- ⁸ *Neisser U.* Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology. — San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1976. — P. 75.
- ⁹ *Neisser U.* Cognition and Reality. — P. 123.
- ¹⁰ *Varela F.* Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie — Littérature — Enseignement. 1999. № 17. — P. 8 — 9.
- ¹¹ *Varela F.* Der Kreative Zirkel. Skizzen zur Naturgeschichte der Rückbezüglichkeit // Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? — München: Piper, 1998. — S. 306.
- ¹² *Бергсон А.* Творческая эволюция. — С. 74.
- ¹³ Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья») / Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П. Островской и В.И. Рудого. — М.: Наука, 1992. Вьяса-Бхашья к сутре 38 главы третьей. — С. 170.
- ¹⁴ Там же. — С. 173 — 174.
- ¹⁵ *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Imagination, Reason, and Meaning. — Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- ¹⁶ *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. — Cambridge: Mass.; London: The MIT Press, 1991 (7-th printing 1999). — P. 177.
- ¹⁷ *Левин К.* Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. — СПб.: Сенсор, 2000. — С. 279 — 280. [Оригинальная статья: Behavior and development as a function of the total situation, 1946.]
- ¹⁸ *Фолльмер Г.* По разные стороны мезокосма / Пер. Е.Н. Князевой // Человек. 1993. № 2. — С. 8.
- ¹⁹ *Марков М.А.* Размышляя о физике. — М.: Наука, 1988. — С. 62.
- ²⁰ Там же. — С. 28.

XXII ВСЕМИРНЫЙ
ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС
Республика Корея, Сеул.
30 июля – 5 августа 2008 года

РЕТРОСПЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ КОНГРЕССОВ

Мы продолжаем публикацию откликов, впечатлений, заметок о прошедшем XXII Всемирном философском конгрессе его участников.

Редакция журнала полностью разделяет мнение Владимира Николаевича Шевченко, насколько всем нам, философам (о чем он пишет в своей статье), было бы и полезно, и важно, и интересно проанализировать, прочувствовать философскую мысль в исторической ретроспективе в контексте истории Всемирных философских конгрессов.

Первые шаги в этом направлении нами уже сделаны.

В рубрике «Неизвестное прошлое» в № 3 за 2008 г. мы рассказали о VII Всемирном (1930) философском конгрессе в Оксфорде, а в № 4 за 2008 год опубликован впервые на русском языке полный доклад С. Франка на Пражском (1934) конгрессе, переведенный специально для нашего журнала.

В 2009 году журнал продолжает реализацию данного Проекта. В № 1 мы уже представили Пражский (1934) конгресс, в этом номере – Парижский (1937). Амстердамский (1948), Брюссельский (1953), Брайтонский (1988), Московский (1993) – будут представлены в ближайших номерах. Все материалы основаны на архивных источниках.

Публикацию обзорных статей о первых конгрессах мы намерены начать со второго полугодия 2009 г.

Однако журнал одной из своих важных задач считает необходимым как можно полнее представить картину *всех* прошедших Всемирных философских конгрессов.

Нам представляется, что картина могла бы получиться более полной, если бы к архивным материалам, авторским статьям добавились бы и воспоминания непосредственных участников конгрессов.

Если вы, *дорогие читатели*, являетесь обладателями исторических свидетельств – будь то статьи, мемуары, доклады, выступления, фотографии или иные материалы, мы приглашаем вас стать полноправными участниками журнального проекта «**Летопись Всемирных философских конгрессов**».

Редакция журнала «Философские науки»
academyRH@list.ru

ФИЛОСОФИЯ КАК ВЛАСТЬ СЛОВА Субъективные заметки

В.Н. ШЕВЧЕНКО

Тема конгресса звучала так: «Переосмысливая философию сегодня». Ответить на вопрос, к какому выводу пришло мировое философское сообщество, в нескольких словах просто невозможно. Прислушаемся внимательно к тому, о чем говорили как на пленарных заседаниях, так и на секционных. Правда, возможности одного человека здесь весьма ограничены, если учесть, что при открытии конгресса была названа цифра 1800 человек. Таким было примерно количество участников конгресса.

Сильное впечатление на меня произвела речь Президента Конгресса *Питера Кэмп* (Peter Kemp), президента Всемирной федерации философских обществ (FISP). Он назвал свое вступительное слово «*Переосмысление Философии как власть (сила) слова*». Я приведу небольшую цитату в моем переводе, с тем, чтобы почувствовать тот рабочий настрой, который был задан конгрессу Питером Кэмпом (Дания).

«Мы собрались здесь вместе на мировой конгресс на целую неделю. Что мы можем предложить миру в своих докладах, в своих симпозиумах, лекциях и дискуссиях? Какие наши слова могут оказаться важными для мира сегодня?».

П. Кэмп говорил о том, что свобода слова как свобода их выражения весьма проблематична, если она объявляется свободой без границ, если она может быть использована как насилие, если свобода выражения задевает и обижает, унижает других людей для того, чтобы доминировать, подавлять и угнетать их. «Экономическая эксплуатация большей части населения мира, незначительной, но богатой частью населения мира, есть большая проблема, но не самая большая. Самая большая проблема – это проблема, которая состоит из недостатка взаимного признания между народами с различными культурами, различными языками, различной историей, различными расами и различными религиями. Европейцы или американцы ничего не потеряют в деньгах или в состоянии, если они сделают такое признание. Тем не менее, кажется, для нас гораздо более трудным сделать это, нежели отказаться от производства материальных товаров. Это требует от нас скромности, смирения, которыми мы не обладаем».

«Сегодня мы имеем несколько больших проблем, которые мы должны вновь решать вместе. Таким образом, мы должны быть космополитами, и это больше не романтическая мечта, но очень конкретная задача. Позвольте мне упомянуть только три проблемы, которые требуют нашего непосредственного внимания: это

проблема глобального потепления и окружающей среды в целом, проблема межкультурного сосуществования и проблема финансовой глобализации. Не может быть найдено мирных решений для этих проблем, если мы не научимся вести себя мирно с помощью языка (to behave peacefully by language), т.е. использовать язык как мирный инструмент, а не как оружие. Мы живем с этими проблемами в технологическом мире, и мы не сможем управлять технологическим миром, если мы не сможем управлять нашим языком. Таким образом, мы должны переосмыслить философию в соответствии с эко-этикой, этикой нашего мира как ойкоса, как место обитания для нашей хорошей жизни вместе. Нам необходима философия, нам нужна власть (сила) слова. Эта потребность самая глубокая среди тех, которые движут нами».

Я прослушал большую часть пленарных докладов, правда, первые полтора дня не было русского перевода: организаторы конгресса объяснили отсутствие русского переводчика тем обстоятельством, что не нашлось человека, знающего помимо русского языка еще и философскую терминологию. Руководство нашей делегации предприняли энергичный демарш, и русский язык стал практически полноправным языком форума. Здесь следует отметить большую работу Николая Бирюкова, выступившего в роли переводчика в течение всей работы конгресса.

На пленарном заседании «**Переосмысливая историю философии и компаративистскую философию: традиции, критика и диалог**» особенно интересный доклад прочитал проф. ун-та Мексики, проф. Гарвардского ун-та *Энрике Дуссель*, автор книг «Философия освобождения» (1985), «Этика общества» (1988), «Комментарии к Марксу». Главная цель сегодня, с его точки зрения, это преодолеть европоцентризм эпохи модерна. Дуссель говорил о важности мифа в других культурах. Тот, кто любит миф, тот любит мудрость. Каждый мифологический нарратив содержит в себе элемент рациональности. Рационализм выигрывает в точности, но проигрывает в резонансе. Докладчик приводил в качестве примера рациональность взглядов Конфуция, отметил влияние неоконфуцианца Ван Янмина на взгляды Мао-Цзедуна, становление сингапурского капитализма.

Профессор *Х. Чан* (Корея – США) говорил о трансверсальности в эпоху глобализации, которая приходит на смену универсализму. Необходимо выйти за пределы нарратива универсальности. Он называет переход к трансверсализму коперниканским переворотом в философии. Докладчик критиковал Гегеля за европоцентризм и много ссылаясь на Мерло-Понти, который сожалел, что мы не можем вести философский диалог с Востоком. Основная идея его доклада состояла в том, что не может быть кросс-культурного диалога в логике евроцентризма. Трансверсализм

исходит из положения, что различия не стираются, а совмещаются. «Это есть выход за пределы оппозиции чувство – разум, природа – человек, Запад – Восток».

На пленарном заседании «**Переосмысливая эпистемологию, философию науки и техники, технологии**» выступили *Э. Агацци* (Италия), *Джегвон Ким* (Корея – США) и *Бертран Сайнт-Бернин* (Франция).

Среди докладов особенно интересным оказался доклад *Джегвон Кима*, который предстал перед философским сообществом на редкость последовательным редуccionистом. На мой взгляд, тексты такого рода докладов нужно обязательно обсуждать на аспирантских занятиях по истории и философии науки. Он выступил против признания законов в конкретных науках, в таких, как биология, психология, экономика. Есть только одна реальность – физическая, и есть одна единственная наука – физика. Других наук нет – есть инженерия, опирающаяся на некие регулярности. Он ссылаясь как на авторитет на книгу Смарта (1963) «Философия и научный реализм». В последующей дискуссии, состоявшейся после выступления докладчиков, известный историк и философ науки Э. Агацци не выдержал и страстно, полемично ответил Д. Киму. Есть другие науки, сказал он, есть другие законы, по крайней мере, есть биологические законы, а не некие регулярности.

Не могу не сказать несколько слов об одной из Инвайтед сейшн (сессия, на которую специально приглашают докладчиков). Председателем сессии был *В.А. Лекторский*, а основными докладчиками *В.С. Степин*, *А.А. Гусейнов* и корейский философ *Ин Сук Ча*.

В.С. Степин говорил о прогностической функции философии, которая выступает и как наука, и как идеология. Отвечал на многочисленные вопросы из зала. В частности, на вопросы о том, чем отличаются категории философии от категорий теологии, как связаны категории философии с универсалиями культуры.

А.А. Гусейнов выступил с докладом «*Философия как утопия*», им были рассмотрены теоретико-методологический и этический аспекты проблемы. Философия заново должна открыть будущее. Весьма интересными в содержательном плане для аудитории оказались вопросы и ответы. «Вы отождествляете социальный идеал с утопией?», спросил А.Лекторский. И еще один вопрос с места: «Как вы относитесь к сайентистской утопии?». У В.С. Степина сомнения вызвала постановка вопроса об эвристичности утопии: «Согласно вашей точке зрения, любая идеализация есть утопия». Здесь вызвал интерес ответ А.А. Гусейнова: идеализация в философии существенно отличается от идеализации в науке. Философия задает ценности. В.С. Степин задал еще один «коварный» воп-

рос «Чем отличается утопия от прогностической функции?» Ответ А.А. Гусейнова — утопия провокативна. Утопия расширяет границы прогностической функции.

Просматривая записи, я подумал — как правильно, что «Вопросы философии» регулярно публикуют наиболее важные доклады всемирных конгрессов. Думаю, и в этот раз российский читатель сможет с ними ознакомиться. Но здесь возникла у меня одна идея. Прошло 22 конгресса Всемирной федерации философских обществ. 1-й конгресс состоялся в Париже в 1900 г., 2-й конгресс — в Женеве в 1904, 3-й конгресс — в Гейдельберге в 1908, и т.д. Всемирная федерация философских обществ существует, следовательно, уже не первое столетие. Но и на этом конгрессе не было никакой справочной литературы, никаких буклетов, значков и т.д., ничего, что рассказывало бы об истории конгрессов и истории самого общества. Я думаю, что 22 небольших томиков, в рабочем, а не в подарочном варианте, разумеется, смогли бы рассказать читателям о том, кто из великих философов выступал в те далекие времена и с какими докладами. Может и есть где-то такие материалы, но мне на глаза не попадались, и это не первый конгресс, на котором я был. В первый раз я попал на XV конгресс, который проходил в 1973 г. в Болгарии, в г. Варна. Видимо, нужен хороший менеджер по «раскрутке» конгресса. Это не значит, что нужна коммерциализация, но идти в ногу со временем не помешало бы и самим философам.

Теперь несколько слов о работе секции *Социальная и политическая философия*, в работе которой я принял участие и даже сделал доклад «*О связи между социальной философией и философией истории*». А всего секций было, кажется, 54.

Мое внимание привлекли в основном доклады с четко выраженной политико-идеологической направленностью, а таких работ было предостаточно. Если брать доклады с правовой идеологией, то таким был, к примеру, доклад польского философа *Кишиштофа Вржечин*, профессора философского факультета ун-та им. Адама Мицкевича (Познань). Название доклада «*Польские дискуссии о природе коммунизма и механизмах его распада*». Автор принадлежит, как он пишет, к сложившейся в последние десятилетия в стране польской советологии как части мировой советологии. Он сокрушается о том, что в Польше господствует постмодернизм и либерализм. Цитирует Лиотара о конце метанарративов, который имел в виду тоталитарные идеологии недавнего прошлого. Автор с неодобрением говорит также о либерализме в Польше, который интересуется только своей собственной историей. Сегодня в Польше, как замечает К. Вржечин, все занимаются изуче-

нием документов коммунистического прошлого, и никого не интересует, к великому сожалению, по мнению автора, теория общества. Анализ автором коммунистического прошлого Польши базируется на немарксистском историческом материализме видного польского философа-диссидента Лешека Новака, который работал в университете им. Адама Мицкевича, был из него изгнан в начале 80-х г. прошлого века, а потом вновь вернулся в университет. В 2007 г. был издан сборник статей, посвященный памяти Л. Новака, под названием «*Мужество делать философию*». Автор считает, что немарксистский исторический материализм как новая теория исторического процесса вполне сопоставим по своей значимости с историософией А. Тойнби. Автор доклада специально подчеркнул, что только два автора в конце 70-х г. — американский социолог Р. Коллинз (разработавший свою геополитическую теорию) и Л. Новак — предсказали скорое и неизбежное падение коммунизма. Согласно позиции докладчика, обе концепции принадлежали скорее к периферии, чем к «мейнстриму» в социальных науках. Скорее, это обстоятельство и является одним из необходимых условий для создания точного прогноза в социальных и исторических науках.

Проф. *Гарри фон дер Лунден* (Батлер университет, США) сделал доклад «*Привилегии солдата (бойца) должны быть пересмотрены*». Если война, развязанная одной страной против другой, признана сообществом агрессивной, тогда убийство солдатом (бойцом) страны-агрессора вражеских солдат должно рассматриваться как военное преступление, и тогда должна быть установлена процедура суда над этими солдатами. Солдаты должны содержаться под арестом, прежде чем состоится над ними суд.

Американскими и европейскими учеными было прочитано много докладов и устроен ряд маленьких микродискуссий по проблемам глобализации. Но здесь проблемы были легко узнаваемы, как и общий смысл ответов. Например, название доклада «*Глобализация и гуманизация*» (*Ханс Позер*, Германия) говорит уже о многом.

Среди докладов, относимых мною к идеологически левым, я отмечу, прежде всего, доклад *Д. Пателуса* (Технический ун-т на Крите, Греция). Он окончил философский факультет МГУ в начале 80-х г. Ученик проф. В.А. Вазюлина и этим очень гордится. Его доклад «*Социальная философия и логика истории*» был вполне марксистским. Наряду с К. Марксом цитировал В.А. Вазюлина, Э.В. Ильенкова. Вообще же упоминание отечественных философов было на секции большой редкостью.

Д. Пателис высоко оценил работу В.А. Вазюлина «*Логика истории*», которая открывает новый этап успешного диалектического развития социальной философии, дает возможность вскрыть

внутреннюю систематическую взаимосвязь законов и категорий социальной теории, которая отражает структуру развитого общества. По В.А. Вазюлину, структура общества есть органическое целое, многоуровневое, иерархическое и т.д., состоящее из бытия, сущности, явления и реальности, последняя есть единство бытия, сущности и явления. В концепции делается попытка дать теоретическую периодизацию человеческой истории через призму взаимодействия природного и социального. Исторический процесс рассматривается как постепенная трансформация природного социальным, как процесс высвобождения социального из природного.

Мариа Фернанда Салседо Реполес, доктор права (Бразилия) сделала доклад «*Гражданское неповиновение как фундаментальное право бразильского демократического конституционного государства с точки зрения теории дискурса*». В докладе призывается переосмыслить отношения между политикой, законом и моралью с точки зрения демократического конституционного государства исходя из сегодняшнего состояния бразильского общества

Особо следует сказать про Китай и китайских участников. Делегация философов из Китайской Народной республики была достаточно большой по численности — около 200 человек. Докладчики на всех секциях были весьма энергичными, напористыми, был много молодежи, которую, было видно, как старшее поколение философов напутствует и вводит в философский мир, как все поздравляли молодых философов, делавших доклады на конгрессах, наверное впервые.

Если брать те доклады, которые я слышал в своей секции и отчасти в других, то в значительной части докладов рассматривались взгляды Маркса. По своей манере и содержанию эти доклады напомнили мне далекие времена расцвета советской философии в 60-е гг. прошлого века. Тогда нашими ведущими философами была проделана огромная работа по переосмыслению наследия Маркса, который был понят и представлен как великий философ, гуманист, ученый. К примеру, доклад **Не Лай** (ун-т Ю-лин) «*Критика метафизики и спасение метафизического измерения: два аспекта отношения Маркса к метафизике*». Или доклад «*Идеология и современный Китай*» **Пинк Хе**. Или доклад «*Концепция практики в философии Маркса*» **Дзивей Хэн**. Справедливости ради надо, однако, сказать, что значительным было присутствие китайских философов на секциях по истории восточной философии.

Что касается общих впечатлений от конгресса. Огромная заслуга всех южнокорейских философов в том, что им удалось организовать и успешно провести первый в Азии Всемирный философский конгресс.

И, наконец, последнее. Я был в Сеуле с группой философов, примерно 60 человек, поездку которых организовало Российское философское общество. Это было сделать очень нелегко и, пользуясь случаем, я хочу поблагодарить его руководителей за проделанный большой труд. Я доехал с ними на пароходом до Владивостока, а вся эта группа поехала философским поездом через всю Россию. Путешествие продолжалось почти две недели.

Вместе с нашими философами поехало около 20 зарубежных философов. Во многих больших городах были проведены конференции совместно с региональными отделениями ФО. Я участвовал в такой встрече во Владивостоке (9 — 10 августа) по теме «Современная философия в контексте межкультурных коммуникаций». К сожалению, время на дискуссии было в обрез, так что особенно было не до споров. Но как явление культурного порядка такие конференции имели большой резонанс.

После конгресса остается много впечатлений. Только одни абстракты (резюме) докладов представляют увесистый том в 80 п.л. Хочется пожелать каждому читателю, каждому философу почитать эти материалы. Это редкий случай, когда можно увидеть всю панораму философской мысли, почувствовать, что говорят, пишут и преподают философы всего мира. Знакомство с этими материалами особенно могут быть полезны тем, кто только начинает входить в мир науки, тем, кто будет разрабатывать новые спецкурсы по истории философии — как мировой, так и по отдельным регионам, отвечающим тенденциям развития современной философии.

РОССИЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ В «ЛАБИРИНТЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ»

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Впечатления о поездке по Транссибу неожиданным, а порой и причудливым образом соединились с воспоминаниями и мыслями о прошедшем XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле, участником которого я был. Поездка носила статус культурно-просветительской акции и называлась «философским поездом», что, в общем-то, соответствовало действительности. Более полусотни участников конгресса вместе с присоединившимися уже в России философами, политологами, журналистами и другими участниками акции проехали на поезде от Владивостока до Москвы, останавливаясь во всех крупных городах (республиканских, краевых и областных центрах) и участвуя там в приуроченных к данному мероприятию конференциях, круглых столах, семинарах. Когда же приходилось долго не выходить из поезда, то в специально оборудованном вагоне оперативно организовывались круглые столы и теоретические дискуссии. В числе участников акции были и иностранцы, которые отправились в Россию из Сеула и проехали по Транссибу до самой Москвы. Таким образом, в акции были представлены такие страны, как Корея, Китай, Турция, Словения, ФРГ, Испания.

Начну с первого мероприятия и сразу же оговорюсь: на всемирном философском конгрессе я впервые. Очень интересное и нужное мероприятие, позволяющее его участникам переосмыслить если не саму философию, то представление о философской жизни в разных странах, культурах, цивилизациях. Казалось бы, нет такой страны, философские тексты которой были бы сегодня недоступны мне и другим российским исследователям. Но живое общение – совсем другое дело, и даже наблюдение со стороны дает массу впечатлений, позволяя увидеть нечто такое, что остается «за кадром» при простом знакомстве с публикациями. Это и возможность слушать доклады, и задавать вопросы, и почувствовать незримое присутствие философской глобализации.

Сразу бросилось в глаза, что участники конгресса действительно принадлежат к одному и тому же научному сообществу, имеют одни и те же интеллектуальные корни. Французы и мексиканцы, китайцы и немцы, американцы и африканцы апеллируют к одним и тем же именам, часто ставят понятные друг другу проблемы. Среди наиболее ярких и запомнившихся выступлений на конгрессе, хотелось бы отметить следовавшие друг за другом пленарные выступления Э. Агацци, Д. Кима и Б. Сен-Сермина. Они были сделаны в самом конце программы конгресса и символизировали

собой некоторый итог, то есть то самое «переосмысление философии сегодня», идея которого было заявлена в титуле конгресса.

Доклад Агацци назывался «*Переосмысливая философию науки сегодня*» и представлял собой размышления на тему логики развития философско-научного знания. Последовательно характеризуя несколько основных этапов развития философии науки, Агацци рассуждает о ценностях этой области философии, о ее аксиологических основаниях. С ним, несомненно, перекликается доклад В.С. Степина, в котором анализируется способность философии рождать смыслы, недетерминированные культурой того социума, в котором живет философ. Российский философ также переводит традиционную для философии науки проблематику в аксиологическую и антропологическую сферы. Когерентно данному подходу прозвучало выступление А.А. Гусейнова, рассуждавшего на темы культурного смысла утопии и рассматривавшего философию как один из вариантов последней.

Споры об этике не прекращались и в «философском поезде». Особо хотелось бы отметить концептуализацию и тематизацию проблем этики в контексте глобализации, угроз и проблем современности. А.Н. Чумаков убедительно и эмоционально пропагандировал, казалось бы, весьма популярные сегодня проблемы теории модерна. Еще на конгрессе в процессе обсуждения на круглом столе прозвучала критика со стороны российских и американских коллег, считавших, что в изучении глобализации слишком мало собственно теоретического, но много анализа и статистики. Я же продолжаю считать, что под титулом глобализации сегодня объединено огромное количество гетерогенных эффектов, большинство из которых связано с последствиями технического развития. Говорить же о едином процессе пока рано, равно как рано утверждать законы или делать прогнозы. Эту мысль разделило немало участников дискуссии.

Профессор В.В. Мантатов на конференции в Улан-Удэ «*Этика будущего: аксиология устойчивого развития*» провозгласил целую программу действий, которая, по его мнению, должна создать предпосылки для появления этики будущего. Концептуальные и методологические основания докладчик назвал диалектическим реализмом. Далее он говорил о необходимости создания экологической цивилизации, ценностной парадигме цивилизационных трансформаций. При этом невольно думалось о том, можно ли «написать этику», то есть создать этику, рассуждать о том, какая этика нам нужна. Как-то М. Хайдеггера спросили о том, есть ли у него намерения провозгласить какую-либо этическую систему, на что он ответил, что не знает, от имени какого авторитета это можно сделать. Когда я спросил на байкальском форуме об этом философа из Словении Тими Ечимовича, делавшего доклад на тему «*Этика и проблемы окружающей среды*», он ответил, что достаточным авторитетом

является наука или научная рациональность. Да и вообще, заметил он, проблема авторитета здесь не имеет места. Вопрос о том, достаточно ли страха за свое будущее в условиях возрастания техногенных рисков и угроз экологии для того, чтобы появилась новая этика, остается, на мой взгляд, открытым.

Не во всех докладах по философии науки ключевые ее проблемы оказались сведены к этике и антропологии. Активную дискуссию вызвал доклад *«Против законов в специальных науках»* профессора **Д. Кима**, одновременно представлявшего две страны: Республику Корею и США. Основная идея доклада сводится к утверждению, что только физика является наукой, имеющей научные законы в полном смысле слова. То, что эта идея не нова, подтверждалось обилием цитат, приведенных докладчиком. Да и всем тем, кто читает курсы философии науки, методологии, сравнительного науковедения, это хорошо известно. Проблема возможности законов в социальных науках широко обсуждалась в специальной литературе, но именно К. Поппер в свое время смог обозначить ее как центральную, и это позволило сделать ему далеко идущие выводы, касающиеся политических и идеологических споров. Во время доклада профессора Кима складывалось ощущение, что после такого заявления необходимо сделать важные «оргвыводы» относительно теории науки.

Главным объектом критики профессор Ким сделал законы биологической и психологической наук, и ему без труда удалось показать, насколько биологические и психологические законы отличаются по своей строгости и операциональной эффективности от физических законов. Он даже назвал биологию «взрывом на физике», а психологию «взрывом на взрыве», понимая под взрывом что-то вроде спекуляции. Невольно вспомнилась оценка искусства в философии Платона: вещи — это подражание идеям, а искусство — это подражание подражанию.

Киму стали активно возражать сразу же после окончания его доклада. Профессор Агацци сказал, что физика описывает слишком простые предметы — идеальные объекты, но природа сложнее, и физические теории не описывают ее. Испанский философ П. Лопес Лопес обратил внимание на то, что в докладе Кима не было строгого определения научного закона и способ обоснования его концепции далек от научного.

Интересен и актуален был доклад *«Идея ренессанса»* французского философа **Б. Сен-Сермина**. Основной вопрос, стоявший перед докладчиком: можно ли воспроизвести ренессанс или он уникален? Рассматривая исторический контекст, аксиологические и интеллектуальные инициативы европейского возрождения, Сен-Сермин приходит к выводу о неуникальности данного феномена и даже необходимости подобных эффектов в развитии мировой цивилизации. Французский философ делает этот вывод на основе

нетривиальной интерпретации знаменитого закона о трех стадиях, сформулированного О. Контом. Красной нитью сквозь его рассуждения проходит сравнение метафор открытия и сотворения, подражания и инициативы, имитации и свободного действия.

Добравшись домой и делясь впечатлениями с друзьями, я обратил внимание на то, что ни целостной картины произошедшего, ни даже двух сравнительно обособленных картин — философского конгресса и просветительской акции — у меня не складывается. Сколь ни хотелось бы мне остаться картезианцем, по крайней мере, в процессе суждения, оценки или подведения итогов, перед глазами так и маячит перспектива постмодернистского микширования случайно подобранных фрагментов из увиденного и услышанного, понятого и поставленного под сомнение. Переосмысление философии сегодня, будучи формулой и делом всемирного конгресса, происходило на фоне осмысления российскими участниками своей роли во всемирном философском процессе. Сообщество преподавателей философии из столичных и региональных вузов невольно само оказалось «в лабиринте идентичностей».

Прежде всего, говоря о самом конгрессе, хотелось бы отметить проблему языка, вставшую перед большинством участников российской делегации. Очень трудно делать обобщения на основе собственных наблюдений, но казалось, что все остальные участники свободно общаются по-английски и только для россиян языковой барьер стал фактором, определившим стиль их участия в работе конгресса. Разумеется, среди россиян были и известные ученые, свободно владеющие иностранными языками и имеющие немалый опыт участия в самых престижных специализированных конференциях.

Особенно ярко смотрелись на фоне разворачивающегося действия оригинальные мыслители, не желающие овладевать общепринятыми приемами философствования и современной проблематикой, утверждая свои сколь угодно причудливые идеи и излагая их не менее причудливым языком. Может быть, именно они запомнятся всем участникам конгресса как наиболее интересные репрезентанты отечественной философии — ведь стал же в свое время таким репрезентантом пресловутый русский космизм. Но и те участники конгресса, которые старались следовать академической манере философствования, выглядели как представители иных миров, эпох и цивилизаций. Тут и там звучали голоса в защиту диалектики, исторического материализма, синергетики и системного подхода, что свидетельствовало о сохранении традиций и, одновременно с этим, создавало ощущение «бесконечной патристики».

Для меня и сегодня остается загадкой, надо ли в угоду современности и приобщения к мировому философскому движению объявлять гегелевскую диалектику циркулярной эпистемологией или антифундаментализмом, а диалектический материализм представлять

как одну из разновидностей реализма? Кто-то более продвинутый и удачливый отвоевал себе право давать имена предметам, и российским философам остается только оправдываться и доказывать свое право на участие путем перевода собственных концептуализаций на более привычный язык? И что даст подобное приобщение, кроме гарантированного отставания и закрепления за собой изначально маргинальных позиций. Помнится, как на секции философии языка выступали представительницы Турции и Индии с докладами о философии Д. Остина, и было ясно, что их вовлечение в мировой философский процесс произошло с жестким соблюдением иерархии. Сегодня они все еще в роли прилежных учеников, но могут превратиться в учителей, если российские философы в массе своей овладеют не только языками, но и продвинутся в умении формулировать проблемы в духе Остина, заговорят в манере Остина и т.п.

А может быть оставить амбиции на полновесное участие в развитии мировой философии, сочтя их необоснованными, и поставить перед собой задачу освоения новейших технологий мысли? Именно эту точку зрения высказывали иностранные участники: экс-президент Международной федерации философских обществ Иоанна Кучуради (Турция) и рядовой член ее правления Тома Кальво-Мартинес (Испания) во время поездки по Транссибу. Философия универсальна и состоит в высказывании разных точек зрения, говорили они, и наличие единых оснований позволяет прийти к истине. Проблема не в том, чтобы искать эти основания, а в том, чтобы выучить общий для всех язык, например английский. Все, что выходит за рамки так понятого рационализма, Кучуради отнесла к постмодернизму и отвергла как неприемлемое. Универсалистский, по своей сути, проект философского познания мира, восходящий своими истоками к античности, может и должен быть продолжен. Все рассуждения об уникальности или самодостаточности какой-либо из национальных или цивилизационных философских традиций если и допустимы, то исключительно в ретроспективном плане. В том-то и состоит цель объединения всех философов в единый философский интернационал, что особенно актуально в условиях глобализации.

В этой связи вспомнились требования последних лет, формирующие новую вертикаль критериев оценки научного вклада исследователей-гуманитариев: публикации в зарубежной периодике, жестко ранжированной посредством коэффициента цитируемости, публикации в журналах издательства «Наука», публикации в журналах из «перечня ВАК», просто публикации и т.д. Действительно, оценка вклада в науку, даваемая зарубежными экспертами, представляется значительно более объективной, не говоря уж о ее самостоятельной ценности. Но для того, чтобы ее заслужить, недостаточно просто выучить язык и с его помощью представить свои идеи, сделать их доступными для понимания. Но что последует за этим?

Когда-то советологи разбирались в советском марксизме, писали о нем целые книги, рассматривали его не только как идеологическое оружие, но и как стиль мышления своего врага. Взгляды индивида рано или поздно начинают следовать за его риторикой, а в случае коллектива или целого общества это положение еще более верно. Но всестороннее изучение идеологии предполагало рассмотрение философских идей, религиозных и иных культурных влияний, что невольно поддерживало интерес к марксизму как интеллектуальному феномену. Выходило множество книг, подобных «Диамату» Ю. Бохеньского. То, что я увидел и услышал на конгрессе, показало, что интерес к современной российской философии заметно ослаб. Часто после объявления российского докладчика большинство европейцев и североамериканцев уходило на другие секции. Думается, что дело здесь не столько в негативном или позитивном отношении к России и ее философии, а в отсутствии самого такого отношения. Оторвавшись от своих традиций, будь то религиозный идеализм или диалектический материализм, российские философы испытали колоссальное влияние прежде малодоступных текстов, овладели идеями, оперировать которыми можно было лишь в критически-негативном контексте. Но они, за редким исключением, не примкнули к уже существующим в западных странах школам, а стали мыслить самостоятельно и автономно, ставя и решая проблемы, которые в пространстве мировой философской мысли или не возникали, или формулировались качественно иным образом. Деятельностный подход, проблематизация рациональности и включение данного термина в профессиональный вокабуляр, освоение феноменологии, герменевтики, семиотики, структурализма привели к существенному изменению языка и канонов философствования, изменили облик философского сообщества. Но при этом совершенно неожиданно исчезла та самая добрая воля к пониманию, ужесточились требования, никто больше не собирается внимательно выслушивать и вникать, ибо не уверен в существовании в современной российской философской мысли чего-то ценного и интересного. Теперь уже надо доказывать в каждом конкретном случае свою интересность.

О русской философии говорить, может быть, и интересно, но и там не стоит ждать новых откровений от русских. Точно также есть интерес к древнекитайской, буддистской или древнеиндийской философии, но изучать ее можно уже без современных китайцев, японцев или индусов. Современная же китайская философия является марксистской, постмарксистской или находящейся в стадии усвоения достижений западной философии. Именно через нее современные китайцы узнали о древнекитайской философии как о философии, именно на ее языке они научились описывать этот уникальный феномен собственной духовной истории. Отвоевать себе место

под солнцем, занять его собственной проблематикой и привлечь внимание мирового философского сообщества в таких условиях — задача непростая, особенно, если российские философы начнут говорить, писать и думать на английском языке.

Во многом мои оценки подтвердились вторым этапом «большого пути» — семинарами и круглыми столами, проводившимися во время самой поездки. Так, встречавший «философский поезд» во время остановки в Новосибирске проф. В.В. Целищев заявил о необходимости перевода ряда ведущих философских журналов на английский язык, что сразу же сделает идеи и изыскания российских философов доступными для большинства философов мира. Если эта идея будет воплощена в жизнь, то будет крайне интересно узнать, насколько переведенные тексты заинтересуют философов из других стран и насколько они послужат источником столь важного в наши дни цитирования.

Но прежде чем искать признания в мировом масштабе, надо добиться общественного признания в своей стране. Отсюда и вторая небезынтересная тема — интерес к философии в самой России. Мне показалось, что в Корее философы встроены в научную, интеллектуальную и общественную жизнь страны значительно более органично. На открытии конгресса в Сеуле присутствовал премьер-министр Республики Корея, затем появлявшийся еще дважды на различных официальных мероприятиях конгресса. Мэр Сеула дал торжественный вечер, хотя от его имени участников приветствовал его заместитель. Достаточно большой интерес к данному событию был проявлен со стороны корейской прессы и телевидения.

Из бесед и интервью с организаторами конгресса мне стало ясно, что представители философского сообщества являются признанными участниками того научного и экономического развития, которое определяет лицо нынешней Кореи: убеждать в необходимости фундаментальной науки для развития высоких технологий и эффективной экономики им никого не надо. В российской действительности, как мне кажется, ситуация несколько иная. И хотя мой личный опыт, как впрочем, и любой другой частный опыт, несомненно, является ограниченным, наблюдаемая доля скептицизма по отношению к философии в России существенно выше. Во многом это объясняется тем, что современная российская философия все еще находится в стадии становления, она все еще постсоветская, посткоммунистическая, ищущая свое лицо, формирующая свои институты. С большим трудом и неясным исходом реформируется система образования. Общественность только начинает осмысливать сложившуюся ситуацию в системе высшей аттестации кадров, по-новому определяется топология философской периодики. Все эти процессы предопределяют будущее российской философии, ее способность найти себя в противоречивых процессах современности.

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ Специальное заседание (invited session)

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

Специальное заседание (invited session) Конгресса было посвящено теме «Философия как проектирование человеческой реальности».

Председателем заседания и одним из докладчиков был *В.А. Лекторский*. Другими докладчиками были *В.С. Степин*, *А.А. Гусейнов*, *Ин Сук Ча* (Республика Корея). Присутствовало около 100 философов из России, США, Ю.Кореи, Китая и других стран.

Каждый из докладчиков имел 30 мин. для изложения своих идей. После выступлений докладчиков примерно в течение 40 мин. разгорелась весьма оживленная дискуссия как между самими докладчиками, так и между ними и некоторыми слушателями.

Во всех докладах анализировалась конструктивная роль философии как в прошлом, так и в особенности в современном мире. Вместе с тем, каждый докладчик понимал эту функцию философии по-своему.

Так, например, *В.С. Степин* обратил внимание на то, что хотя философия осуществляет рефлексию над фундаментальными мировоззренческими универсалиями, культурами, но философское исследование, связанное с постановкой теоретических задач и оперированием категориями как особыми теоретическими конструктами, позволяет выйти за рамки универсалий своей культуры и генерировать их новые смыслы. Философское познание способно генерировать новые мировоззренческие смыслы, подчеркнул он, и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни. Причем философия осуществляет эту работу не только в эпохи социальных кризисов, а систематически, заготавливая заранее идеи, которые могут понадобиться в будущем.

По мнению *А.А. Гусейнова*, философию вообще можно определить как своеобразную утопию культуры. Философия больше, чем определенный род знания. Она есть в то же время определенный образ жизни. Среди мотивов, которые вызвали к жизни философию и составляют ее внутреннюю движущую силу, исключительно важную и незаменимую роль играет моральный пафос совершенной жизни. Своеобразие философии как рода познания заключается с его точки зрения в том, что в ней эпистемологический акт становится одновременно этическим действием. Она показывает, как мысль связана со смыслом, переходит в смысл и зависит от него.

В.А. Лекторский обосновывал идею о том, что в философии всякий акт постижения реальности одновременно является актом предписывающим, нормирующим. То в философии, что преподносится как анализ (структур рассуждения, языка и т.д.) или даже простое описание (природной реальности, феноменов сознания и т.д.) в действительности является не только схватыванием чего-то существующего, но одновременно скрытым предписанием, рекомендацией определенных действий. Это может быть связано с заданием некоторого идеала, который сам по себе недостижим, но определяет некую программу действий (представление о реализации этого идеала можно считать утопией). Но не всякое предписание в философии можно считать выражением утопии. Это может быть и такое нормотворчество, которое определяет текущие способы мышления и действия; формулирование правил рассуждения, способов объяснения, норм жизни и т.д. В свою очередь формулирование норм, построение проектов опирается на выявление возможностей в том, что существует реально.

Ин Сук Ча подчеркнул, что сложные проблемы, возникшие в современном мире, с одной стороны, в связи с глобализацией, а с другой – в связи с развитием неолиберализма в экономике, предполагают в качестве одного из важных способов их решения создание глобальной этики. А это невозможно сделать без философии, практическая конструктивная роль которой сегодня колоссально увеличивается.

В дискуссии обсуждались вопросы о том, можно ли идеальные объекты, которые строят философы, интерпретировать как нечто утопическое. Ведь идеальные объекты в науке, хотя и не существуют реально, не есть утопия, а являются особым способом постижения реальности. Большой спор возник и относительно того, что вообще следует считать утопией. Ряд выступавших пытались анализировать прикладную функцию философии в современном мире.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое

IX ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (Париж, 1937 г.) В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Н. КОРСАКОВ

Мы рассказали на страницах «Философских наук» о перипетиях советского участия-неучастия в VII (Оксфорд, 1930 г.) и VIII (Прага, 1934 г.) Всемирных философских конгрессах. С каждым Конгрессом усиливалась самоизоляция отечественной философии. Можно сказать даже, что формировался своеобразный комплекс неполноценности. Невозможность пойти на честное соревнование идей и достойно выглядеть на международной философской трибуне все более компенсировалась заклинаниями о полном загнивании и несостоятельности буржуазной философии и об СССР – единственной стране, где имеет место расцвет философской науки. Слабые попытки подготовиться к участию в следующем, IX Всемирном философском конгрессе, который проходил в 1937 г. в Париже, практически ничем не закончились. После этого советские философы не участвовали в международных философских форумах в течение двадцати лет. Каковы же были обстоятельства, связанные с Парижским философским конгрессом?

Парижский конгресс и советские философы

Вновь инициатива о советском участии в Конгрессе исходила от Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), вступившего в контакт с Оргкомитетом Конгресса. Летом 1935 г. заведующий Первым западным отделом ВОКСа С. Похитонов выяснял вопрос о возможном советском участии в Парижском конгрессе у М. Митина. Митин, не желая попасть впросак, попросил чиновника ВОКС не предпринимать пока активных шагов и пообещал взять на себя вопрос о согласовании с соответствующими инстанциями всего порядка участия советских представителей в этом Конгрессе. С. Похитонов написал председателю Оргкомитета Конгресса профессору Сорбонны Э. Брэйе, что позже придет в Оргкомитет список советских философов, которые могут заинтересоваться намеченными для предстоящего Конгресса темами.

Однако никаких реальных действий за этим не последовало. Обеспокоенный Э. Брэе 31 января 1936 г. написал С. Похитонову: «Я был бы очень признателен, если бы Вы в самое ближайшее время прислали мне этот список»¹. Дело в том, что заглавия докладов должны были быть представлены в Оргкомитет до 1 марта 1936 г. Вместе с письмом Э. Брэе выслал Первый циркуляр Оргкомитета, где в общих чертах определялась цель Конгресса и предварительно намечалась его Программа.

14 февраля 1936 г. С. Похитонов запросил разъяснения у М. Митина, обращаясь к нему как к «директору Института»². Он переслал ему копию письма Э. Брэе и Первый циркуляр Оргкомитета. Функционер ВОКСа торопил Митина с принятием решения, ссылаясь на истекающие сроки представления докладов: «Прошу не отказать в любезности своевременно информировать нас как о самом составе советских участников Конгресса, так и о темах их докладов»³. После зондажа у Митина Похитонов 16 февраля 1936 г. отвечал Э. Брэе: «Институт философии в настоящее время рассматривает вопрос о возможном участии советских ученых в работах IX Конгресса. Как только то или иное решение будет принято по этому вопросу мы не преминем известить Вас о нем»⁴.

Тем временем, в Институт философии был прислан Второй циркуляр Оргкомитета. За время, прошедшее с момента выпуска Первого циркуляра, Оргкомитет получил многочисленные отклики из разных стран, сообщения о создании национальных Оргкомитетов по организации участия в Конгрессе, о присоединении национальных философских обществ к Международному комитету философских Конгрессов. Были присланы многочисленные заявки на темы во всех разделах Программы Конгресса, а также просьбы о расширении перечня вопросов для обсуждения. Молчала только Москва.

Второй циркуляр так определял цель предстоящего Конгресса: «Философия рождается из постоянного общения мыслей между людьми и существует благодаря этому общению. Стремясь стать универсальной, она должна испытывать свою универсальность, выставляя себя на обсуждение и критику. Конгресс отвечает потребности, которую не могут удовлетворить традиционные средства общения, прежде всего в условиях усиливающейся специализации в философии. Дифференциация на группы рискует привести к распылению и узости, которые одинаково смертельны для философии»⁵. Между прочим, напоминалось, что I Всемирный философский конгресс также проходил в Париже, в 1900 г., и отмечались заслуги в его организации французского философа Леоны Ксавье. В циркуляре отмечалось, что новый Парижский конгресс приурочен к 300-летию «Рассуждения о методе» Рене Декарта, и вновь, как и 300 лет назад, выдвигает проблему единства

метода в условиях растущей дифференциации наук. «Философский конгресс всегда представляет собой некоторую пробу и испытание, — писали организаторы Конгресса, — время от времени он ставит вопрос о том, в какой мере и в чем имеется в данный момент согласие умов»⁶.

Оговаривались организационные условия участия в Конгрессе. Вступительный взнос для действительных членов Конгресса (т.е., докладчиков, заявленных в Программе) составлял 80 франков, для членов-корреспондентов (т.е. тех, кто мог участвовать в свободной дискуссии) — 40 франков. Взносы должны быть уплачены до 10 июня 1937 г. В виде исключения и по согласованию с Оргкомитетом II Международного конгресса эстетики и искусствознания, сумма взноса его действительных членов, пожелавших принять участие в философском Конгрессе могла составлять 70 франков.

Тексты докладов должны были быть представлены в Оргкомитет не позднее 1 февраля 1937 г. Объем их не должен был превышать 2500 слов, или 8 машинописных страниц.

Вслед за Вторым циркуляром в Москве получили и Третий циркуляр Оргкомитета. В нем сообщалось, что заявлены темы уже 273 докладов; выражалась просьба выслать аннотации докладов в 70–80 слов, составленные автором на его языке, чтоб поместить их пред докладами при их публикации. Главное же — в Третьем циркуляре была помещена Программа Конгресса с указанием секций и тем докладов.

Прошел почти год, прежде чем руководство Института философии вновь решило проявить активность в вопросе участия в Конгрессе. В письме от 25 ноября 1936 г., направленном на имя начальника Первого западного отдела ВОКС Мельникова дирекция Института просила сообщить, в каком состоянии находится подготовка Конгресса, а также выслать через представителя ВОКС в Париже возможность участия в Конгрессе философов из АН СССР⁷. 28 ноября 1936 г. член бюро Правления ВОКС С. Грансберг отвечал Митину, что ВОКС послал запрос своему уполномоченному в Париже, и по получении ответа проинформирует Институт философии⁸.

Больше никаких следов, свидетельствующих о попытках руководства Института философии АН СССР подготовиться к участию в Парижском конгрессе, обнаружить не удалось. Можно утверждать, что и сделанные им шаги были скорее имитацией. Митин не хотел запускать бюрократическую машину, как то было в случае с Пражским конгрессом, чтобы потом ее в последний момент на полном ходу останавливать. Возможно, он действительно консультировался в высших инстанциях и столкнулся с прохладной реакцией на саму идею участия советских философов во

Всемирном конгрессе. Но скорее всего, Митин и другие члены советского философского руководства понимали, что сами будут выглядеть в Париже, мягко говоря, неубедительно, а посылать кого-либо другого они не хотели. Ведь представлять советскую философию могли лишь ее официальные руководители.

Если посмотреть на состав Института философии АН СССР, каким он был в 1936 г., то становится понятным, что перспектив сформировать делегацию у Института не было⁹. Ключевые позиции в Институте занимала группа М.Б. Митина: П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов, М.Д. Каммари, В.Ф. Берестнев, А.В. Щеглов. Не имея качественной философской подготовки и не владея языками, они не могли представлять страну на Парижском конгрессе. Немногим от них отличалась З.Я. Белецкий, А.А. Максимов, В.И. Светлов.

В Институте работали иностранцы, которые, естественно, языками владели и в отношении квалификации превосходили своих коллег: Г.О. Лукач (Венгрия), С. Милашевич (Югославия), Т.Д. Павлов (Болгария). Но они не могли бы поехать из политических соображений, так как, будучи коммунистами, эмигрировали в СССР, скрываясь от преследований полиции своих стран, и жили и работали под псевдонимами: С. Милашевич был М. Милчем, Т.Д. Павлов — П. Досевым.

В Институте философии работали и считанные «недобитые» дебординцы И.К. Луппол и В.Ф. Асмус. Они могли бы блестяще выступить в Париже с глубокими содержательными докладами, причем выступить на каком-либо из официальных языков Конгресса. Но митинцы не могли допустить для них подобного успеха и поставить под угрозу свою монополию в советской философии.

Кроме того, следует учитывать, что весь 1936 год Институт постоянно лихорадило, шли массовые увольнения сотрудников. В мае были уволены Т.Н. Горнштейн, С.Ф. Лившиц, С. Милашевич, В.Н. Ральцевич, Р.С. Силинг, в сентябре Л.О. Пипер, Л.Ф. Спокойный. Все эти люди были вскоре арестованы и репрессированы. В октябре из Института был уволен Л.И. Герман с такой, например, формулировкой: «За отсутствие необходимой для каждого советского научного работника политической бдительности в отношении к злейшим врагам нашей страны и народа»¹⁰. Репрессии сотрудников Института, разумеется, не закончились на 1936 г. и продолжались и дальше. В числе жертв оказались и А.В. Щеглов, и И.К. Луппол. Важно, в любом случае, то, что сформировать в этих условиях какой-либо стабильный состав делегации было заведомо невозможно. Любой заявленный в Париж докладчик мог быть вскоре арестован, объявлен шпионом и расстрелян.

Поэтому руководство Института вновь вышло из положения уже проверенным способом. Как и в случае с Пражским конгрес-

сом 1934 г., в Париж был направлен Б.Э. Быховский, но в качестве корреспондента журнала «Под знаменем марксизма». Интересно, что подлинник составленного им обзора работы Конгресса, опубликованного позже в журнале, в описи архивных документов фонда Института философии АН СССР значится как «Отчет о поездке советской делегации на Международный философский конгресс»¹¹. Б.Э. Быховский действительно был в Париже официальным лицом, но с неофициальным статусом.

На Конгрессе в Париже

IX Всемирный философский конгресс состоялся в Париже с 1 по 6 августа 1937 г. Конгресс был посвящен 300-летию выхода в свет «Рассуждения о методе» Р. Декарта, и потому получил название Декартовского.

Почетным председателем Конгресса был А. Бергсон. Но вследствие болезни он не смог присутствовать лично, и на Конгрессе было оглашено его приветственное письмо. Председателем Оргкомитета Конгресса был Э. Брэйе, секретарем Р. Байэ. В состав Оргкомитета входили видные французские философы: председатель Французского философского общества Л. Брюнsvик, профессор Колледж де Франс Э. Жильсон, директор Института этнологии Э. Леруа, профессор Сорбонны А. Валлон, директор Института истории науки А. Рей, декан факультета гуманитарных наук Университета Гренобля Ж. Шевалье, редактор журнала «Revue de Metaphysique et de Moral» М. Винтер и др.

За месяц до открытия Конгресса были отпечатаны его «Материалы», составленные из присланных докладов по секциям¹². Они составили 12 томов (в общей сложности 2,5 тыс. страниц). «Материалы» были розданы действительным членам Конгресса при его открытии.

Оргкомитет Конгресса сумел обеспечить скидку для участников Конгресса в 60 % на всех французских дорогах при путешествии во Францию и обратно, а также скидку от 40 до 50 % на все поездки по французской территории во время пребывания на Конгрессе. Кроме того, участники были обеспечены помощью дорожного агентства для доставления сведений об устройстве, списком главных парижских отелей с разбивкой на категории и указанием средних цен. Работал комитет по приему членов семей участников Конгресса. Университет Ситэ предоставил по умеренным ценам несколько помещений в распоряжение холостых участников Конгресса.

Официальными языками Конгресса были немецкий, английский, французский и итальянский. В Третьем циркуляре к ним был добавлен испанский. Время, отведенное для докладчиков на пленарных и секционных заседаниях, составляло 15 минут, для выступлений в дискуссии — 5 минут.

Конгресс открылся в зале Сорбонны, где собралось около 800 его участников. В президиуме среди почетных гостей находились президент Франции А. Лебрен и председатель палаты депутатов Э. Эррио. Открыл Конгресс министр народного просвещения Ж. Зей. От Французской академии со словом в честь Декарта выступил П. Валери. В приветственном слове председателя Английского философского общества Г. Семьюэля говорилось об актуальности самого духа рационалистической философии Декарта в условиях нарастания волны мистицизма и апеллирования к темным инстинктам. Угроза европейской культуре созрела в самой Европе, заявил Г. Семьюэль, имея в виду нацистскую Германию: «Антиинтеллектуализм, отказывающийся от разума, покоящийся на чистой интуиции, устанавливающий недоказанные утверждения и вдохновляемый своего рода мирским мистицизмом... вносит в сферу идей первобытное варварство»¹³. На торжественном открытии Конгресса выступили также профессор Сорбонны Л. Брюнsvик и председатель Оргкомитета Конгресса Э. Брэйе.

В отличие от Пражского конгресса, в Париже организаторы полностью исключили из Программы обсуждение каких-либо социальных тем, сосредоточившись исключительно на проблемах метафизики, гносеологии и методологии с тем, чтобы избежать каких-либо идейно-политических столкновений.

Каждый день работы Конгресса был посвящен какой-либо из заявленных в Программе тем. Современному читателю, особенно тому, кто сам участвовал в каком-либо из Всемирных философских конгрессов, будет небезынтересно ознакомиться с Программой Парижского конгресса. Мы приведем названия всех тем, секций и подсекций Конгресса.

Тема I. Современное состояние изучения философии Декарта.

Секция 1. История.

Секция 2. Интерпретация доктрины.

Секция 3. Отношение к другим доктринам.

Секция 4. Развитие и влияние картезианства:

а) по странам;

б) по эпохам.

Тема II. Единство науки: метод и методы. История проблемы. Ее современное состояние.

Секция 1. Метод.

Секция 2. Методы.

Секция 3. Разум.

Тема III. Логика и математика.

Секция 1. Логика и логицизм.

Секция 2. Математическая философия.

Тема IV. Причинность и детерминизм в физике и биологии. Вероятность и статистичность.

Секция 1. Детерминизм и причинность.

Секция 2. Философия и наука.

Секция 3. Причинность:

а) в физике,

б) в биологии,

с) в психологии,

д) в социальных науках.

Тема V. Рефлексивный анализ и трансцендентность.

Секция 1. Рефлексивный анализ.

Секция 2. Трансцендентность.

Секция 3. Идея души.

Секция 4. Душа и тело.

Секция 5. Душа и Бог.

Тема IV. Ценность: нормы и реальность.

Секция 1. Ценности и реальность.

Секция 2. Ценности.

Секция 3. Человеческие ценности вообще.

Секция 4. Нормы:

а) логические,

б) моральные и социальные,

с) юридические и экономические,

д) эстетические.

География докладчиков была достаточно разнообразна. Большинство, конечно, было из Европы, особенно из страны-организатора — Франции и из Чехословакии, которая принимала предыдущий, VIII Конгресс, а также из Италии. Присутствовали и философы Западного полушария, главным образом, из США. Особенно, поэтому, хотелось бы отметить немногих делегатов из Азии. Это Хи Мао из Ханькоу, японский философ, переводчик «Пролегоменов» Канта Г. Куваки и выдающийся индийский философ С. Радхакришнан. Среди включенных в Программу участников — четыре женщины.

В Конгрессе участвовали русские философы-эмигранты Н.А. Бердяев, Б.В. Яковенко и др. Доклад Б.В. Яковенко «Рене Декарт и русская философия» был сделан в подсекции «Влияние картезианства по странам». Вернувшись из Парижа в Прагу, Б.В. Яковенко опубликовал в пражском научном журнале обзор итогов работы прошедшего Конгресса¹⁴. Среди других докладчиков можно назвать приехавшего также из Праги Н.О. Лосского, выступившего на тему «Субъективный и объективный разум», и П. Юревича из Риги с докладом «Смысл интуитивного метода».

Всего на пленарных заседаниях и в секциях было заслушано 320 сообщений.

Естественно, интересно знать, какие темы избрали для своих выступлений ведущие философы.

В *теме I* в качестве докладчиков выступили некоторые члены Оргкомитета Конгресса. Доклад Ж. Шевалье назывался «Единство философии Декарта», доклад А. Рея — «От Виета до Декарта». Ж. Маритен выступил с докладом «Дуализм сущности и существования в философии Декарта». А Гелен трактовал декартовское «Cogito ergo sum» в свете философской антропологии и экзистенциализма. Наш соотечественник А. Койре говорил на тему «Декарт и Галилей». Вообще в докладах были детально разобраны многие аспекты истории картезианства. Рассматривалось как влияние античной и средневековой философии на Декарта (Карнеад, Платон, Св. Августин как предтеча «Cogito», Иоанн Дунс Скот), так и последующее воздействие картезианства на воззрения Гассенди, Лейбница, Вико, Кондильяка, французских материалистов, Кьеркегора, Масарика. Э. Бергман рассказал о картезианстве в Германии, Г. Бонтадини — о новейшей итальянской литературе о Декарте, А.Р. Андерсон — о влиянии Декарта на развитие философии и науки в Англии, Й. Халаши-Надь — в Венгрии, Й. Тирди — в Чехословакии, Г. Куваки — в Японии.

Самой сильной на Конгрессе по докладчикам была *тема II*. Здесь был представлен весь цвет логического позитивизма (новый рационализм, Венский кружок, Львовско-Варшавская школа логики). Достаточно перечислить имена и названия докладов: Г. Башляр — «Психологические трудности прогресса знания», Р. Карнап — «Единство науки», Т. Котарбиньский — «Идея методологии (праксеологии)», М. Шлик — «Отношение философии к науке согласно Венской школе», А. Тарский — «О проблеме единого научного языка». Противостояние в рамках этой тематической секции имело место между интуитивистами (П. Юревич) с одной стороны и представителями Венского кружка с другой, а также между иррационалистическими подходами (Н.О. Лосский) и спиритуалистическими рационалистами (Д. Пароди, выступивший с докладом «Разум и ум: История проблемы»).

К тематике темы II органически примыкали многие доклады из *темы III*. Речь идет, прежде всего, о видных неопозитивистах: К.Г. Гемпле, посвятившем свой доклад вопросам логики, его коллеге П. Оппенгейме, говорившем о проблеме единства науки, и о Ч. Моррисе, выступившем с докладом «Символы и универсалии». В центре дискуссий были вопросы о соотношении логицизма и традиционной формальной логики, логики отношений и субстанциальной логики. Обсуждались антиномии и парадоксы логики и теории множеств, логико-математический анализ проблемы бесконечного (доклады Х. Перельмана, Ж. Трюмера)¹⁵. В секции, посвященной математической философии, выступили крупные математики: Э.В. Бет («Интуитивная очевидность в современной математике») и А.А. Френкель («Прерывное и непрерывное»).

Вполне понятно, что в *теме IV* первостепенное внимание было привлечено к вопросу о том, как новейшие достижения квантовой физики радикально меняют традиционное понимание причинности и детерминизма. При обсуждении вопросов детерминизма и причинности выступили известный французский физик П. Ланжевен с докладом «Детерминизм и статистичность», итальянский философ А. Теста — по проблеме «Причинность и необходимость», Э. Юинг из Кембриджа — на тему «Причина и основания». В докладе Г. Рейхенбаха говорилось о необходимости включения понятия вероятности в современную философию природы. Вопросы детерминизма в конкретных науках обсуждались в докладах одного из лидеров Венского кружка О. Нейрата «Прогнозы и терминология в физике, биологии и социологии», польского философа И. Метальмана «Детерминизм и понятие внезапного возникновения в биологии» и др. На подсекции по философским вопросам биологии развернулась дискуссия по поводу выдвинутого Л. Берталанфи «органицистского подхода» к биологическим закономерностям¹⁶.

Важнейшим событием стал доклад Л. де Бройля «Несколько аспектов индетерминизма в квантовой физике». Сам Л. де Бройль в работе Конгресса не участвовал, и доклад был оглашен его братом М. де Бройлем. Последний представил участникам Конгресса также и свой доклад на тему «Роль и значение теории и опыта в прогрессе современной физики». В зачитанном докладе Л. де Бройля говорилось, что принцип неопределенности Гейзенберга хотя и подорвал возможности предвидения, однако не привел физику к индетерминистским выводам. Понимание детерминизма Л. де Бройлем включало, таким образом, и вероятность, статистическую закономерность. Л. де Бройль со всей определенностью говорил о каузальном характере вероятности, о том, что в свете новейших достижений физике следует не отказываться от детерминизма, а дать его более глубокую интерпретацию. Доклад вызвал оживленное обсуждение, в ходе которого выводы Л. де Бройля получили признание философов. Г. Семюэль иронизировал по поводу индетерминизма, называя его софизмом статистика. У.П. Монтегю отметил неразрывную связь понятий причинности и субстанции. Бельгийский философ М. Барзен четко поставил вопрос о том, что статическая причинность ничуть не менее закономерна, чем динамическая.

В первой секции *темы V* доклад одного из идеологов неореализма У.П. Монтегю был посвящен проблеме субстанции. Блистала докладчиками вторая секция этой темы. Основоположник католического экзистенциализма Г. Марсель представил доклад «Трансцендентное как метапроблематическое». Другой видный идеолог католического модернизма и ученик Бергсона М. Блон-

дель выступил с докладом «Современный аспект философской проблемы трансцендентности». Доклад представителя критического рационализма Л. Брюнсвика был посвящен теме «Трансцендентность и имманентность». Интуитивистскому порыву Блонделя к трансцендентному Брюнсвик противопоставил интеллектуализм и рационализм. Польский феноменолог Р. Ингарден посвятил доклад теме «Человек и время». Видный французский неогегельянец Ж. Валь говорил «об идее трансцендентности». Следует отметить также доклад Л. Леви-Брюля «Мистический опыт у первобытных народов».

В теме VI с докладом «Объективность ценности» выступал американский неореалист С. Александер. Итальянский марксист А. Банфи сделал доклад на тему «Понятие философии культуры, ее метод и проблемы». Доклад Л. Мизеса был посвящен теме «Логический характер науки о человеческом поведении».

Отдельно нужно сказать о том, что на Конгрессе активно проявила себя делегация нацистской Германии во главе с Г. Гейзе. В докладе «Идея и существование» Гейзе «теоретически» обосновывал кровавую практику тоталитарного государства по подавлению личности во имя государственного «целого», ссылаясь при этом на «Государство» Платона. На таком фоне «звездой» выглядел другой член этой делегации — А. Боймлер, обосновывавший нацизм с помощью философии жизни. Характерно поэтому, что эмигрировавшие из нацистской Германии неокантианец А. Либерт и видный специалист по философии естествознания Г. Рейхенбах выступали на Конгрессе не как германские делегаты.

Участникам Конгресса была предложена богатая культурная программа. По соглашению Оргкомитета Конгресса с Генеральным комиссариатом Парижской Всемирной выставки 1937 г. члены Конгресса получили право бесплатного входа на территорию Выставки во все время ее работы и 50% скидки на билеты для членов семей.

Было составлено расписание экскурсий по местам, связанным с именем Декарта. В число экскурсий для членов Конгресса входило посещение Лаэ, где Декарт провел свои первые годы, причем во время поездки ее участники посетили замки Луары и Турени. Были организованы банкеты в Пуату, в Шательро. В один из вечеров члены Конгресса собрались в знаменитом аббатстве Пор-Рояль в долине Шеврез, где А. Арно и П. Николь создали логическое учение, развивающее методологические принципы Декарта. Для участников этой экскурсии был организован обед в Версале. Во время Конгресса члены семей его участников могли посетить новые залы Лувра и совершить прогулку по старому Парижу. После Конгресса состоялась прогулка в многоместном пассажирском автомобиле в Шантильи, Шаали и Эрменонвиль — в места, где жил Руссо.

Зарубежная и советская печать о Конгрессе

Декартовский Конгресс живо освещался в прессе. Отклики на Конгресс отражали идеологическую ситуацию в странах Европы. Еще до начала Конгресса французский журнал «Nouvelles litteraires» среди популярных писателей об их отношении к Декарту, и опубликовал результаты в номере от 24 июля 1937 г. Оказалось, что ведущие писатели Франции весьма прохладно относятся к крупнейшему национальному философу и считают его труды чем-то антикварным. Вместе с тем, официально Франция чествовала юбилей Декарта очень широко, что дало основание «Frankfurter Zeitung» в номере от 22 августа 1937 г. заключить, что французы использовали юбилей Декарта для повышения международного престижа своей страны. Инвектива нацистской газеты легко объяснима отчуждением, которое пришлось испытать на Конгрессе германской делегации, составленная в основном из пропагандистов нацистского «учения». Газета жалела посланцев «Третьего рейха» за то, что им приходилось на Конгрессе приспосабливаться к демократическим правилам ведения дискуссии. Нацистских проповедников иррационализма, однако, порадовало, что в докладах участников Конгресса практически не чувствовалось духа декартовского рационализма, как писала об этом «Berliner Tageblätt» в номере от 8 августа 1937 г. Демократическая европейская пресса, напротив, осудила вызывающее поведение германских делегатов. А. Штерн в номере базельской «National Zeitung» от 11 августа 1937 г. писал по поводу речи главы германской делегации Г. Гейзе, что она не что иное, как демагогическая игра в столь же пустые, сколь и напыщенные метафоры.

Что касается советской печати, то по возвращении из Парижа Б.Э. Быховский поместил обзор дискуссий на Конгрессе в журнале «Под знаменем марксизма»¹⁷. В статье Б.Э. Быховский, как всегда, показал себя талантливым публицистом, и ее можно было бы назвать яркой и занимательной, если бы текст автора не портила изначальная установка всячески выискивать недостатки в работе «буржуазного» Конгресса. Кое-где претензии советского философа имели основание, но подчас они оказывались верхом лицемерия.

В самом зачине статьи факты уже были передернуты. Б.Э. Быховский пишет: «Состоявшийся в начале августа в Париже философский Конгресс, в сущности, не был международным. Этим именем нельзя назвать Конгресс, на котором не были представлены народы Советского Союза, на котором отсутствовала делегация единственной в мире страны, где философская культура получила широкое массовое распространение»¹⁸. Как будто эту делегацию в Париж не пускали организаторы Конгресса! А ведь написана эта фраза с намеренной двусмысленностью, чтобы неискрушенный чи-

татель понял дело именно так. Б.Э. Быховский прекрасно знал, что в действительности помешал поездке советской делегации. Но он выполнял социальный заказ, и не было ничего легче, как переложить ответственность на происки «буржуазных» философов.

Однако Б.Э. Быховский был не рядовым пропагандистом, а мастером философского пера. Поэтому аргументы в запоздалом «размахивании кулаками» он подбирал со знанием дела. «Устроители Конгресса не преминули вспомнить о том, что “Метафизические размышления” Декарта были посвящены докторам Сорбонны, в залах которой проходил Конгресс, но они умолчали о том, что доктора Сорбонны не приняли этого посвящения и не дали своей визы на трактат Декарта»¹⁹. Действительно, подзаголовок, с которым вышло в 1641 г. первое издание «Размышлений о первой философии» Декарта, посвященное «членам славнейшего теологического факультета в Париже», гласил: «С привилегией и одобрением докторов». Но, как отмечает В.В. Соколов, «последняя фраза выражает скорее пожелание Декарта, чем реальность, поскольку “одобрения докторов” Сорбонны и даже янсенистов, в сущности, не было»²⁰. Возмущение Б.Э. Быховского вызвало и присутствие на Конгрессе Ж. Маритена, назвавшего в своей книге «Антимодерн» Р. Декарта «национальным позором Франции», а в своем докладе критиковавшего декартовское учение о бытии и сущности с позиций томистского реализма понятий. «Слушатели вполне могли мысленно перенестись во времена Декарта и чувствовать себя как на церковном соборе, где иезуиты осуждали картезианскую ересь», — с иронией писал Б.Э. Быховский²¹.

Гневными словами Б.Э. Быховский заклеил нацистских «штурмовиков от философии из ведомства Геббельса». О докладе «начальника нацистского отряда» Г. Гейзе он сказал, что «доброе русское слово “существование” ничего не говорит о том полном мракобесии содержания, которое вкладывают в понятие “Existenz” штурмовики от философии». В составе германской делегации были и известные философы — Н. Гартман, неогегельянец Г. Глокнер. Однако главой делегации поставили Г. Гейзе. «Не удивляйтесь читатель, что вы ничего не знаете о Гейзе и о его “заслугах” перед философской мыслью, — писал Б.Э. Быховский, — это ни в какой мере не умаляет вашей философской эрудиции: его никто не знает; “заслуги” г-на Гейзе относятся, очевидно, к совершенно иной области»²². Про А. Боймлера Б.Э. Быховский заметил, что тот был дан немецким философам в качестве конвоира: присматривать за их поведением и речами.

Положительно Б.Э. Быховский оценил выводы Л. де Бройля, хотя и пожурил его «с позиций диалектического материализма» за то, что он «объективную категорию закономерности отождествляет с понятием предвидения». С интересом Б.Э. Быховский

отозвался о сообщении профессора из Лозанны А. Реймона, в котором декартовское понятие интуиции, в частности «*cogito*», было рассмотрено, исходя из установки, что всякая интуиция не первична и не непосредственна, а покоится на предшествующей работе мысли.

Однако, подводя итог статье, Б.Э. Быховский, естественно, делал вывод, что «Парижский конгресс был демонстрацией идейного бесплодия, творческого оскудения буржуазной философской мысли»²³. Иного вывода он сделать и не мог: таково было задание, выполнять которое он ездил в Париж.

В дальнейшем, однако, даже такие поездки советских философов на Всемирные философские конгрессы стали невозможны. X (Амстердам, 1948 г.) и XI (Брюссель, 1953 г.) Всемирные философские конгрессы прошли вообще без советских философов, оставшихся за «железным занавесом».

Как проходила работа этих конгрессов — читайте в последующих номерах нашего журнала.

Примечания:

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

² М.Б. Митин хотя и был фактически директором Института философии, формально состоял заместителем директора.

³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 15 — 15-об.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 8.

¹⁰ Там же. Л. 105.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 45.

¹² Travaux du IX congrès international de philosophie. Congrès Descartes. — P., 1937.

¹³ Цит. по: Под знаменем марксизма. 1937. № 9. — С. 173.

¹⁴ Der IX Internationale Kongress für Philosophie in Paris // Ruch filosofický. 1939. № 1. — Str. 99 — 102.

¹⁵ См.: *Старостин Б.А.* Философские конгрессы международные // Большая советская энциклопедия. Т. 27. — М., 1977. — С. 421.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См.: *Быховский Б.Э.* IX Международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1937. № 9. — С. 172 — 179.

¹⁸ Там же. — С. 172.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Соколов В.В.* Примечания // *Декарт Р.* Соч. Т. 2. — М., 1994. — С. 590.

²¹ *Быховский Б.Э.* IX Международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1937. № 9. — С. 172.

²² Там же. — С. 178.

²³ Там же. — С. 179.

**Рецензии, аннотации,
ОТЗЫВЫ**

**ФИЛОСОФЫ ФРАНЦИИ:
Словарь / Под ред. И.И. Блауберг –
М.: Гардарики, 2008. – 320 с.**

З.А. СОКУЛЕР

Франция – страна философов, а уж в последние десятилетия (после смерти Хайдеггера) именно она, бесспорно, задает тон в философии и является источником самых оригинальных философских идей.

В Словаре представлены примерно 230 персоналий философской истории Франции с XII до XXI вв. Насколько я могу судить, здесь представлены все более-менее значительные фигуры, в том числе и большое количество мало знакомых нам имен, но упоминаемых в текстах известных нам французских философов.

Имеется именной указатель; все статьи словаря подписаны (что очень важно) и, кроме того, издание предваряется списком авторов статей, каковой одновременно является и списком персоналий, которым посвящены отдельные статьи (но уже не в алфавитном порядке).

Среди авторов словаря – Н.С. Автономова, И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, В.П. Визгин, А.Ф. Зотов, А.А. Костикова, А.А. Кротов, Н.Б. Маньковская, Е.Б. Петровская, Ю.В. Подорога, А.М. Руткевич, Г.М. Тавризян и др.

Разумеется, словарь не может дать цельный образ французской философской мысли и ее истории – для такой задачи нужны работы иного жанра. Но он содержит большой массив информации и прекрасно выполняет функцию справочного издания.

Работа состоит из статей, весьма разных по объему. Однако данный труд в основе своей свободен от типичного недостатка подобного рода работ, когда экономится каждое слово и текст ужимается до того, что его трудно уже воспринимать. Статьи данного словаря, посвященные ведущим фигурам французской философии, являются достаточно объемными, не говоря о том, что написаны на хорошем теоретическом уровне, так что они могут быть полезны как преподавателю, так и студенту. Но не все статьи равноценны по своей информативности. Ряд статей представляется чрезмерно краткими и недостаточно информативным. Таковы, например, статьи об Ипполите, Нанси, Янкелевиче.

Последние веяния французской философской моды представлены в словаре наиболее широко. Это понятно, потому что они,

скорее всего, и наиболее интересны читателям. Здесь имеются статьи о Бадью, Барте, Деррида, Лакане, Лаку-Лабарте, Фуко, Мерло-Понти, Рикёре Левинасе, Кристевой, Делёзе, Бодрийяре, Батае, Лиотаре.

В то же время во Франции сейчас работают авторы, имена которых гораздо менее известны, но вызывают несомненный интерес. Хорошо, что в настоящем словаре представлены и они, например, Бувресс, Ферри, Глюксман (хотя в статье о последнем, как кажется, вкралась ошибка: говорится, что он был участником правозащитных акций, организованных в России обществом «Память». Может быть, речь на самом деле идет об обществе «Мемориал»?)

В словаре получили отражение и средневековая философия (хотя при этом не нашлось места для Н. Орема), Просвещение, многообразие французской философии XIX в., спиритуализм, позитивизм, структурализм, на страницах словаря мы встречаем когда-то столь знакомые имена французских марксистов.

Французская философская мысль внесла, как известно, важный вклад в философию науки и сыграла видную роль в развитии философски отрефлексированной истории науки. Хочу отметить, что это направление французской философской мысли получило в настоящем словаре неплохое отражение. Так, здесь имеется небольшая статья об Элен Мецжер. Поскольку мне ближе всего именно эта область философии, то соответствующие статьи я просмотрела особенно придирчиво. Здесь представлен интересный и компетентно подготовленный материал, хотя все же, на мой взгляд, слишком короткой является статья о Д'Аламбере. Последний считается одним из предшественников позитивизма, и его взгляды на науку можно было бы осветить более развернуто. То же самое можно сказать о материале, посвященном Дюгему, который в словаре назван Дюэмом, что, конечно, более правильно, но менее привычно. В тексте не хватает существенных моментов представлений Дюэма о научной теории, не упомянут тезис Дюгема-Куайна. Вообще статья о Дюэме раза в два короче статьи о Пуанкаре, что никак не соответствует соотношению их вкладов в философию науки. Представляется, далее, что в статье об Александре Койре – статье большой, подробной, интересной – не получила отражения его общая характеристика научной революции XVII в.

Составители словаря учли, что философская мысль существует не в вакууме, а во взаимодействии с мыслью социологической, исторической, естественнонаучной. Поэтому в словаре имеются статьи о Дюркгейме и Моссе, о Марке Блоке, обширная статья посвящена Броделю. Что касается ученых, которые так или иначе оставили свой след не только в профессиональной, но и в ду-

ховной жизни Франции, то они представлены как-то избирательно, но не совсем понятен принцип отбора. Например, представлен Кювье, но остался без внимания Ламарк с его «Философией зоологии», а также Пастер, критиковавший позитивизм и высказывавший свои представления о характере научного знания. Хорошо, что есть статья о Мопертюи, но нет упоминания о Дьёдонне. Статья о Николае Бурбаки, возможно, отчасти нарушила бы жанр настоящего словаря, но, думаю, оказалась бы совсем не лишней.

В целом, подводя итог, надо еще раз сказать, что настоящий словарь представляет собой очень полезное издание, подготовленное на высоком научном уровне. Было бы хорошо, если бы он был несколько дополнен и выпущен новым изданием, поскольку имеющееся уже с момента публикации является библиографической редкостью. Добавлю только, что тираж Словаря, впрочем, как и тиражи подобного рода изданий, уже по определению обреченных на успех, несоизмеримо мал с ожиданиями и потребностями.

Наши авторы

Алюшин Алексей Львович – кандидат философских наук, доцент философского факультета Государственного университета – Высшая школа экономики.

Веряскина Валентина Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии науки Института философии РАН.

Князева Елена Николаевна – доктор философских наук, заведующий сектором эволюционной эпистемологии Института философии РАН.

Колпаков Владимир Алексеевич – доктор философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

Корсаков Сергей Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Лекторский Владислав Александрович – академик РАН, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии».

Мижинский Михаил Юрьевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института опережающих исследований «Управление человеческими ресурсами» им. Л.Е. Шифферса.

Пржиленский Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии науки Ставропольского государственного университета.

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Сокулер Зинаида Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Тульчинский Григорий Львович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор С.-Петербургского филиала Государственного университета – Высшая школа экономики.

Федотов Леонид Николаевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры Социальной работы Российского социального университета (филиал в г. Пензе).

Федотова Надежда Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Филин Владимир Иванович – политолог, вице-президент Российского Союза предприятий малого строительного бизнеса, эксперт по социальным проектам Коллегии аналитиков.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы (РАГС), заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН.

Эпштейн Михаил Наумович – профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США). Лауреат премий Андрея Белого (1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин – Веймар, 1999), «Liberty» (Нью-Йорк, 2000).

CONTENTS

PHILOSOPHY OF ECONOMICS

Economics and Social Knowledge ■

<i>THE EDITORIAL</i>	Social and Cultural Dimensions of Modern Economics	5
<i>V.P. VERYASKINA</i>	Brilliance and Poverty of “Homo economicus”: Theoretical Model and its Ontological Status	9
<i>M.Y. MIZHINSKI</i>	World Finances: New Initiatives	28
<i>N.N. FEDOTOVA,</i> <i>L.N. FEDOTOV</i> <i>(Penza)</i>	Extra-economic Business and its Significance for Economics and Society	39
<i>V.I. FILIN</i>	Economy is not the Reason of the Crisis!	57
<i>G.L. TULCHINSKI</i> <i>(St. Petersburg)</i>	The Crisis as Potential and Resources	68
<i>V.A. KOLPAKOV</i>	Special Features of Empirical and Theoretical Levels of Modern Economic Theories	74

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

Philosophical Dimension ■

<i>M.N. EPSTEIN</i> <i>(USA)</i>	The Creative Disappearance of the Human Being: An Introduction into Humanology	91
<i>A.L. ALYUSHIN,</i> <i>E.N. KNYASEVA</i>	Corporal Approach in Cognitive Science	106

THE 22nd WORLD CONGRESS OF PHILOSOPHY

Republic of Korea, Seoul
(July 30 – August 5, 2008)

<i>THE EDITORIAL</i>	Retrospective of Congresses of Philosophy	126
<i>V.N. SHEVCHENKO</i>	Philosophy as a Word Power	127
<i>V.I. PRZHILENSKI</i> <i>(Stavropol)</i>	Russian Philosophers in “Labyrinth of Identities”	134
<i>V.A. LEKTORSKI</i>	Philosophy as Projecting of Human Reality	141

SCIENTIFIC LIFE

The Unknown Past ■

<i>S.N. KORSAKOV</i>	The 9 th World Congress of Philosophy (Paris, 1937) in History of National Philosophy	143
----------------------	--	-----

Reviews, Annotations and Feedback ■

<i>Z.A. SOKULER</i>	<i>French Philosophers</i> Encyclopaedia	156
---------------------	--	-----

■	On Our Authors	159
---	-----------------------	-----